

II.

ВОЙНА ЗА БАЛГАРІЮ.

1.

Чего мы вправѣ благоразумно желать отъ исхода настоящей войны.

(Русскій міръ, 1877, 2 авг. № 207).

Во многихъ органахъ печати, и притомъ самымъ достойнѣйшихъ, также какъ и въ публикѣ, слышится мнѣніе, что настоящая война есть рѣшительная, что она должна положить желанный конецъ такъ называемому Восточному вопросу, періодически тревожащему спокойствіе Европы и нарушающему правильный ходъ ея мирнаго развитія. Признаюсь, я никакъ не могу раздѣлять такихъ радужныхъ надеждъ, не могу даже убѣдить себя, чтобы надежды эти были дѣйствительно радужныя. Въ ихъ радужности заставляютъ меня сомнѣваться то, что, при такомъ взглядѣ, самый предметъ Восточнаго вопроса до крайности умалывается.

Восточный вопросъ, по подробно мною изложенному и, думается мнѣ, доказанному мнѣнію, есть огромный историческій процессъ, заложенный еще во времена древнихъ Греціи и Рима,—процессъ о томъ, должно ли Славянское племя,—равноправный членъ Арійской семьи съ племенами: Индійскимъ, Иранскимъ, Эллинскимъ, Латинскимъ и Романо-Германскимъ, создавшими каждое свою самобытную культуру,—оставаться только ничтожнымъ придаткомъ, такъ сказать прихвостнемъ Европы, или же въ свою очередь приобрести міродержавное значеніе и наложить свою печать на цѣлый періодъ Истории.

Самое величіе вопроса, понимаемаго въ такомъ смыслѣ, уже достаточно показываетъ, что настоящая война, сколько бы она ни была успѣшна, разрѣшить его не можетъ. Разрѣшить его цѣлый

періодъ борьбы не противъ Турціи только, и борьбы не однимъ только военнымъ оружіемъ.

Но настоящая война есть первый приступъ къ этому рѣшенію:— первое явленіе послѣдняго акта великой драмы, и эта слава принадлежитъ ей неотъемлемо, потому что она есть первое сознательное дѣйствіе Русскаго народа и Русскаго государства во имя освобожденія поработеннаго Славянства. Это высокое значеніе останется за ней во всякомъ случаѣ, независимо даже отъ самаго ея успѣха.

Если настоящая война есть первый шагъ къ рѣшенію Восточнаго вопроса, то все дѣло въ томъ, чтобы шагъ былъ сдѣланъ правильный и дѣйствительно поступательный—облегчающій въ будущемъ и приближающій рѣшеніе той всемірно-исторической задачи, которой дано названіе Восточнаго вопроса—названіе въ географическомъ смыслѣ можетъ быть и неправильное, подобно множеству другихъ названій, но уже общепринятое, установившееся и котораго нѣтъ наобности, да нѣтъ и возможности перемѣнить.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я посвятилъ цѣлую книгу всестороннему разсмотрѣнію Восточнаго вопроса, какъ въ культурномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи; теперь я намѣренъ сказать нѣсколько словъ только о послѣднемъ, не только потому, что политическая сторона дѣла поглощаетъ собою общее вниманіе, но и потому, что, по глубокому моему убѣжденію, политическая сторона есть основаніе, на которомъ можетъ быть возведено культурное зданіе, а не наоборотъ, какъ многіе думаютъ. Въ доказательство достаточно указать на тотъ фактъ, что нигдѣ и никогда культурное развитіе не предшествовало утвержденію политической самобытности народа. Но, кромѣ того, само воздѣйствіе политическихъ событій на народное сознаніе огромно. Лучшимъ для сего доказательствомъ можетъ послужить то вліяніе, которое имѣло время Сербской войны на расширеніе Славянскаго самосознанія, какъ у насъ, въ Россіи, такъ и въ другихъ Славянскихъ земляхъ. Событія, дѣятельная историческая жизнь—не въ примѣръ могущественнѣйшіе проповѣдники, чѣмъ самыя даровитыя личности. Неувѣнчавшійся успѣхомъ подвигъ Черняева болѣе подвинулъ Славянское самосознаніе, чѣмъ годы самой талантливой и дѣятельной литературной пропаганды.

Рѣшеніе Восточнаго вопроса въ политическомъ смыслѣ можетъ быть выражено весьма краткою формулою: *независимость и един-*

ство Славянства. Но зато только одна эта формула и разрѣшаетъ его. Независимость безъ единства ослабитъ Славянство, сдѣлаетъ его игрищемъ постороннихъ интересовъ и интригъ, вооружитъ части его другъ противъ друга; единство безъ независимости лишить его свободы, широты и разнообразія внутренней жизни. И такъ:

1) Государственная самостоятельность каждаго Славянскаго племени. Будетъ ли при этомъ одно Велико-Сербское, одно Велико-Чешское государство, или отдѣльныя государства Сербское, Черногорское, Хорватское, Словинское, Чешское, Словацкое и т. п., это можетъ составить весьма важный временный практическій вопросъ; но въ общихъ цѣляхъ Славянскаго міроустройства это довольно безразлично при соблюденіи втораго условія:

2) Чтобы всѣ Славянскія единицы, крупныя или мелкія, составляли твердый союзъ, какъ между собой, такъ и съ Россіей.

3) Этотъ союзъ долженъ быть скрѣпленъ общимъ обладаніемъ Цареградомъ и проливами.

4) Въ этотъ союзъ должны быть включены и тѣ не-славянскіе или правильнѣе, не чисто-славянскіе элементы, которые вкраплены въ славянское тѣло, какъ Румынія, Греція и Венгрія, или точнѣе Мадьярія—ибо подъ Венгріей разумѣется искусственный конгломератъ земель, составлявшихъ корону Св. Стефана.

Одно изложеніе политической стороны задачи уже показываетъ, можетъ ли настоящая война имѣть своимъ предметомъ—полное и окончательное разрѣшеніе Восточнаго вопроса.

Можетъ ли, по крайней мѣрѣ, получить рѣшеніе хотя бы одна Турецкая часть вопроса? Также нѣтъ, потому что такая попытка повлекла бы за собою общеевропейскую войну, которой всѣ стараются избѣжать и къ которой мы едва ли достаточно приготовлены.

Чего же намъ, послѣ этого, разумно желать и ожидать отъ настоящей войны? Это также можетъ быть выражено весьма короткою формулою: разрушеніе всѣхъ преградъ, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ, раздѣляющихъ сѣверо-восточное Славянство,—Россію, отъ Славянства юго-восточнаго и всѣхъ православныхъ народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. Эта формула можетъ служить безошибочнымъ критеріумомъ выгоды, или невыгоды тѣхъ политическихъ комбинацій, которыя должны произтечь изъ настоящей войны.

Первый шагъ по этому пути на половину уже сдѣланъ. Румы-

нія стала независимымъ государствомъ. Независимость эта, однако, обоюдо-острый мечъ. Независимая Румынія можетъ быть клиномъ вбитымъ въ Славянское тѣло, она можетъ продолжать и въ пространствѣ и во времени ту пагубную для Славянства роль, которую имѣло, и до сихъ поръ имѣетъ, вторженіе Угровъ въ равнины Паноніи. Но независимая Румынія можетъ быть и мостомъ, соединяющимъ сѣверо-востокъ и юго-востокъ Славянства. Для этого представляется два средства. Или Россіи должна быть возвращена, за соотвѣтствующее вознагражденіе въ Бессарабіи, Придунайская окраина, отнятая у Россіи по Парижскому трактату, также какъ и острова Дунайской дельты, отошедшіе отъ Россіи вовсе не къ Румыніи, какъ бы слѣдовало, а непосредственно къ Турціи; или же вся Румынія съ присоединеніемъ къ ней острововъ дельты должна вступить съ Россіею въ тѣсный неразрывный союзъ, и такимъ образомъ сдѣлаться первымъ звеномъ будущаго восточнаго христіанскаго союза.—Первымъ путемъ достигается только отрицательный результатъ, то есть Румынія дѣлается безвредною для Россіи и Славянства; возможность ея служить для насъ препятствіемъ сокращается въ извѣстной мѣрѣ.—Напротивъ того, вторымъ путемъ достигается прямая и непосредственная польза для обѣихъ сторонъ: Румынія связывается съ нами неразрывными узами взаимныхъ выгодъ и услугъ.—Румынія, по объявленіи ея независимости, будетъ конечно государствомъ самостоятельнымъ, но никакъ еще не государствомъ цѣльнымъ, законченнымъ, то есть объединяющимъ въ одно политическое цѣлое всю Румынскую народность. Этого можетъ она достигнуть въ послѣдствіи только при помощи и содѣйствіи Россіи, и эта надежда должна и можетъ служить основаніемъ той дружественной связи, которая соединитъ оба государства и народы, и безъ того уже связанные какъ родствомъ религіознымъ и въ значительной степени племеннымъ, такъ и воспоминаніями прошедшаго.

Если возсоединеніе съ Россіей Дунайскаго побережья, или, что еще гораздо лучше, тѣсный союзъ Румыніи съ Россіей составляютъ условія, при которыхъ независимость Румыніи становится выгодною для насъ политическою комбинаціею;—то независимость эта получила бы совершенно противоположный характеръ, если бы изъ Румыніи было образовано нейтральное государство, нѣчто въ родѣ южной Бельгіи. Это было бы стѣною, крѣпостью, воздвигнутою между двумя половинами Славянства, раздѣляющею то, что

соединила природа связями самого высокаго характера—единствомъ вѣры и племеннымъ родствомъ; крѣпостью, охраняемою совокупными усилиями всей Европы. Это было бы вторымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ Парижскаго трактата 1856-го года, изданіемъ, выпущеннымъ къ тому же въ свѣтъ на наше собственное иждивеніе, нашими трудами, усилиями, издержками и даже цѣною нашей крови.

Нейтрализація Румыніи, столь вредная для интересовъ Россіи и Славянства, была бы не менѣе гибельна для самой Румыніи, ибо лишила бы ее всякой исторической будущности. Нейтральными, то есть осужденными на политическую бездѣятельность,—могутъ быть лишь искусственно, дипломатически, а не исторически, созданныя государства, которымъ не соотвѣтствуетъ никакой народности. Такъ, есть Бельгійское государство, но нѣтъ Бельгійскаго народа. Бельгійцы—или Французы, или Фламандцы, и слѣдовательно должны бы быть распредѣлены между Франціей и Голландіей. Такія государства могутъ въ значительной степени пользоваться матеріальнымъ благосостояніемъ, но не могутъ жить политическою жизнію; лучше сказать, самое существованіе ихъ куплено цѣною политической смерти. Но на свѣтѣ существуетъ Румынскій народъ, и онъ имѣетъ право на политическую жизнь; имѣетъ право образовать не только независимое, но и цѣльное, полное національное государство, и слѣдовательно не имѣетъ права на нейтральность, на политическое самоубійство.

За Румынскимъ слѣдуетъ Болгарскій вопросъ. Собственно ужасы и страданія, вытерпѣнные несчастнымъ Болгарскимъ народомъ, вынудили Россію къ войнѣ; ибо, если бы все дѣло ограничивалось устройствомъ Босніи и Герцеговины, лежащихъ въ углу Турціи, Порты едва ли бы выказала такое упрямство, какъ по отношенію къ Болгаріи, занимающей самую средину Европейской Турціи и доходящей почти до воротъ Цареграда.

Если до войны и для избѣжанія ея можно было довольствоваться разными улучшительными полумѣрами; то, конечно, послѣ усилий, которыхъ стоили Россіи и желаніе сохранить миръ, и самая война,—Болгарія должна получить по меньшей мѣрѣ полную внутреннюю независимость, то есть стать въ такія же отношенія къ Турціи, въ какихъ находились къ ней, послѣ Андрианопольскаго мира, Сербія, Молдавія и Валахія. При семъ, какъ само собою разумѣется, должна она быть свободною отъ всякаго постоя

Турецкихъ войскъ, и слѣдовательно, укрѣпленія по линіи Дунай и въ Балканахъ должны быть упразднены, дабы рушились матеріальныя преграды, раздѣляющія сѣверо-восточное Славянство отъ юго-восточнаго.

Конечно, трудно опредѣлить границы Болгаріи къ югу; но въ точномъ опредѣленіи ихъ нѣтъ и особенной важности. Только границею этою никоимъ образомъ не могутъ служить Балканы, такъ какъ хребетъ этотъ есть самое сердце Болгаріи. По крайней мѣрѣ, многострадальныя окрестности Софіи, Татаръ-Базарджика, Филиппополя, Сливно-Ямболя, хотя бы до Бургасскаго залива, должны войти въ составъ свободной Болгаріи. Онѣ купили это право кровью и невыносимыми муками.

Гораздо вреднѣе и опаснѣе преградъ матеріальныхъ: укрѣпленныхъ рѣчныхъ долинъ и горныхъ хребтовъ—преграды нравственныя; и всѣми мѣрами должно озаботиться, чтобы не воздвиглись такія преграды между Славянскими народами, вслѣдствіе самой освободительной войны. Всѣ Славяне Балканскаго полуострова сослужили свою службу Славянству: Герцоговинцы и Босняки, начавъ геройское возстаніе, доселѣ не побѣжденное, устоявъ противъ всѣхъ ужасовъ истребительной войны и противъ всѣхъ успокоительныхъ искушеній дипломатіи; Болгары своимъ мученичествомъ; Черногорцы своими побѣдами; Сербы своею можетъ быть неблагоразумною, но отважною рѣшимостью поднять знамя славянской независимости, рискуя самымъ существованіемъ своимъ. Не должно забывать, что именно Сербы съ ихъ славнымъ русскимъ вождемъ подняли и духъ Русскаго народа. Поэтому никто не долженъ остаться обдѣленнымъ. Всякому дѣятелю должна быть воздана мзда его. Между Сербіею, оставшеюся безъ вознагражденія въ виду увѣнчанія успѣхомъ дипломатической игры Румыніи, а вѣроятно и Греціи,—и Россіею можетъ возникнуть та нравственная преграда, то взаимное отчужденіе, которое безъ сомнѣнія постараются всѣми способами расширить главные недоброжелатели Славянства—Англія и Австрія.

Австрія, говорятъ намъ, не желаетъ возникновенія вдоль границъ ея объединеннаго славянскаго государства—странное и жалкое сознаніе своей несостоятельности!—Но пусть такъ. Уважимъ Австрійскую бередливость. Но если ни одной пяди земли не будетъ прибавлено къ Сербіи вдоль Савы, а къ ней будетъ присоединена, хотя бы на вассальномъ правѣ, также много-страдальная

старая Сербія, какое основаніе будетъ имѣть Австрія жаловаться на нарушеніе ея интересовъ? Съ такимъ же точно правомъ могла бы она претендовать и на естественный приростъ населенія въ Сербскомъ княжествѣ.

Австрія не можетъ стерпѣть, чтобы на ея границахъ образовалось Славянское государство въ 2½ милліона населенія. Но вѣдь такое же количество, и даже значительно больше, можетъ пропитать Сербское княжество и въ теперешнихъ своихъ границахъ. Не выселять же изъ него жителей, превышающихъ определенную Австріею норму!

Справедливость къ княжеству, къ самой старой Сербіи, ко всему Сербскому народу, равно какъ и общіе интересы Славянства—одинаково требуютъ присоединенія старой Сербіи къ княжеству, хотя бы, въ успокоеніе Австріи, и подъ условіемъ сохраненія, до поры до времени, Турецкаго вассальства.

Черногорія должна выйти изъ войны, въ которой принимала, и до сихъ поръ принимаетъ, дѣятельное и славное участіе, вполне обеспеченною въ своемъ существованіи и по возможности увеличенною и усиленною. Южная Герцоговина, хотя бы только до рѣки Наренты; сѣверная Албанія съ Подгорицею, Гусинье съ Скутарійскимъ озеромъ хотя бы до рѣки Дрины; морское побережье съ Спеціею и Антивари—вотъ на что, по крайней мѣрѣ, имѣетъ право Черногорія.

Самую затруднительную задачу составляютъ Боснія и Герцоговина, въ виду противодѣйствія Австріи справедливому устройству этихъ странъ. Если бы сѣверо-западная часть ихъ, преимущественно населенная католиками, и отошла къ Австріи, съ этимъ еще бы можно было помириться, такъ какъ вѣроятно самому католическому населенію такое присоединеніе не было бы неприятно. Но остальные части Босніи и Герцоговины, ежели онѣ уже не могутъ быть присоединены ни къ Сербіи, ни къ Черногоріи,—должны бы составить отдѣльное вассальное владѣніе Турціи.

Что касается Греціи, то отъ нея зависитъ принять участіе въ борьбѣ и получить законно ей принадлежащую долю: Фессалию, Эпиръ и часть Македоніи; но странно требованіе, чтобы другіе съ крайними пожертвованіями и усиліями таскали для нея каштаны изъ пещки.

Послѣ греческаго возстанія двадцатыхъ годовъ, въ которомъ Славяне Турціи не принимали участія—они ничего и не получили,

когда Греція, при содѣйствіи же Россіи, отвоевала свою независимость, и если не приобрѣла всего ей слѣдовавшаго по справедливости, то благодаря ей же друзьямъ Англичанамъ, съ которыми она такъ любитъ совѣтоваться и на которыхъ возлагаетъ свои надежды.

Такимъ образомъ Балканскіе Христіанскіе народы получили бы имъ должное; будущая судьба ихъ была бы устроена и упрочена.

Но необходимо еще выполненіе нѣкоторыхъ особыхъ условій въ видахъ вознагражденія какъ Россіи за ея жертвы, такъ и самихъ Христіанскихъ народовъ Турціи за перенесенныя ими страданія. Собственно, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ Россіи, ей долженъ быть уступленъ турецкій броненосный флотъ, который сдѣлается для Турціи бесполезною тяжестью, и часть Азіи,—по крайней мѣрѣ Карсъ и Батумъ.

Но особенную важность, кажется мнѣ, имѣетъ слѣдующее обстоятельство. Съ самой Крымской войны Турція заключала за границею огромные займы, не для улучшенія своего внутренняго состоянія, а для подготовленія къ борьбѣ съ Россіей, сильнѣйшаго угнетенія своихъ христіанскихъ подданныхъ, и мотовства султановъ. Справедливо ли будетъ возложить эту тяжесть, частію на тѣ христіанскіе народы, которые получаютъ полную или вассальную самостоятельность, частію же на тѣ, которые, будучи спорадически разсѣяны по Турціи, останутся, во всякомъ случаѣ, подъ ея непосредственною властью? Не значило ли бы это заставлять платить невиннаго страдальца за тѣ орудія пытки, которыми его терзаютъ?

Изъ этого только одинъ, пожалуй не легальный, но справедливый выходъ—банкротство Турціи.

Не гораздо ли справедливѣе въ самомъ дѣлѣ, чтобы заплатили тѣ, кто, частью изъ алчности, частью изъ прямой вражды къ Россіи и Славянству, снабжали Турцію денежными средствами, для ея незаконныхъ цѣлей, нежели тѣ, которые несли цѣпи, сковываемыя и заклепываемыя этими самими займами?—Не справедливѣе ли, чтобы наказанъ былъ дѣлавшій зло, а не потерпѣвшій отъ него?

Ежели правительства Англіи и Франціи поощряли своихъ подданныхъ давать въ займы деньги турецкому правительству, если они хотя только косвенно—своимъ вліяніемъ гарантировали эти займы, то пусть и отвѣтятъ за это; но Россія не должна допу-

скасть, чтобы этотъ незаконный долгъ легъ бременемъ на освобождающіеся отъ ига народы, чтобы турецкое угнетеніе продолжало тяготѣть надъ ними изъ глубины прошедшаго. Само собою разумѣется, что исключеніе изъ этого долженъ составить долгъ желѣзнодорожный, такъ какъ онъ послужить въ пользу тѣхъ странъ, черезъ которыя были проведены желѣзные пути.

Такимъ образомъ, Россія, не присоединивъ себѣ ни пяди турецкой земли, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, достигнетъ своихъ зысокихъ священныхъ цѣлей. Всѣ Славянскія и христіанскіе народы Балканскаго полуострова получатъ, по меньшей мѣрѣ, ту степень политической независимости, которая дозволить имъ безпрепятственно развивать свое внутреннее благосостояніе. Ни одинъ не выйдетъ обиженнымъ, обдѣленнымъ, но, получивъ должное вознагражденіе за свои жертвы, усилія и страданія—будетъ ясно видѣть, что все это достигнуто при братской помощи Россіи, вопреки противодействию значительной части Европы. Нравственная связь между Россією, Славянскими и прочими христіанскими народами Балканскаго полуострова сохранится, укрѣпится, усилится и возстановится тамъ, гдѣ событія послѣднихъ двадцати лѣтъ ее ослабили или разшатали; матеріальныя преграды, ихъ раздѣляющія, также рушатся. А между тѣмъ, Россія не возьметъ Константинополя, не овладѣетъ проливами, не присоединитъ къ себѣ ни клочка Турецкой территоріи въ Европѣ; то есть, не нарушится ни одного изъ тѣхъ условій, которыя Европа, и въ особенности Англія, считаетъ необходимыми для сохраненія такъ называемаго равновѣсія на востокѣ.

Конечно, на этомъ мы не можемъ успокоиться. Мы должны будемъ впослѣдствіи заботиться, чтобы имѣть въ освобожденныхъ народахъ не простыхъ доброжелателей, но сильныхъ организованныхъ союзниковъ, могущихъ при случаѣ оказать намъ дѣйствительную помощь и содѣйствіе къ достиженію общихъ дальнѣйшихъ цѣлей. Это будетъ уже дѣломъ благоразумія нашей послѣдующей политики.

Что касается самой Турціи, то, лишенная европейскаго кредита, флота, Дунайскихъ и Балканскихъ крѣпостей, и тѣхъ подданныхъ, соками которыхъ она питалась, ей не останется ничего инаго, какъ, отбросивъ мечты о невозвратимомъ внѣшнемъ величіи, предаться исключительно заботамъ о своемъ возможномъ еще внутреннемъ благосостояніи, и подчиниться вполнѣ вліянію Россіи. Только тогда

и тѣ христіанскіе подданные Порты, которые хотя спорадически, но въ большемъ числѣ разсыяны по ея владѣніямъ, и которые не могутъ быть освобождены иначе, какъ съ совершеннымъ разрушеніемъ Турецкаго государства, найдутъ дѣйствительно покровительство въ вліяніи Россіи. Только тогда и само это *политическое вліяніе* перестанетъ быть обманчивымъ призракомъ, а перейдетъ въ область дѣйствительныхъ фактовъ.

Политическое вліяніе для дипломата тоже, что побѣда или завоеваніе для воина, что энергическая, всепроникающая, всѣмъ руководящая администрація для правителя: его слава, его торжество, цѣль всѣхъ его стремленій. Однако, не смотря на всѣ дѣйствительныя жертвы, которыя приносились Россіею для пріобрѣтенія этого вліянія въ Турціи, оно разлеталось какъ мыльный пузырь всякій разъ, когда въ немъ встрѣчалась настоящая надобность.

Послѣ Андрианопольскаго мира это дипломатическое вліяніе въ Константинополѣ сдѣлалось постоянною цѣлью русской политики на востокѣ. Ему были принесены въ жертву много интересовъ болѣе положительнаго свойства, напримѣръ 12 милліоновъ червонцевъ неуплаченной контрибуціи. Оно достигло своего апогея послѣ помощи, оказанной султану противъ Мегмета-Али, въ Хункиарь-Скелесскомъ договорѣ; и что же?—менѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ, все это вліяніе, столькими жертвами и усиліями купленное, окончилось, подъ напоромъ французскихъ и англійскихъ интригъ, оскорбленіемъ самыхъ священныхъ интересовъ Россіи, съ очевиднымъ ущербомъ для самой Турціи, потому что этимъ же оскорблялись и религіозные интересы большинства ея Христіанскихъ подданныхъ, что, какъ извѣстно, и повело къ Восточной войнѣ. Неудивительно, что въ тѣ времена приписывалась такая важность дипломатическому вліянію; вѣдь тогда господствовала, и у насъ можетъ быть болѣе чѣмъ гдѣ либо, Метерниховская школа,—это порожденіе самаго дипломатическаго изъ государствъ.

Но и еще разъ повторилось дипломатическое преобладаніе Россіи въ совѣтахъ Порты. Оно процвѣтало еще въ началѣ прошедшаго года. Когда обыкновенная дипломатическая интрига не могла совладать съ нимъ,—была пущена въ дѣло революція, направленная несравненно болѣе противъ русскаго вліянія, чѣмъ противъ несчастнаго Абдуль-Азиса, и опять—самыя скромныя требованія Россіи были отвергнуты, что опять привело къ войнѣ. Политическое вліяніе тогда только прочно, когда нѣтъ силъ ему противиться.

Конечно, Англія будетъ всѣми мѣрами противоудѣйствовать такому исходу,—но какъ же можетъ она ему воспрепятствовать?

Относительно Сандвичевыхъ или Маркизскихъ острововъ, относительно дальнихъ заморскихъ странъ, Мыса Доброй Надежды, Чили, Явы, Суматры, пожалуй Японіи—Англія очень сильное и грозное государство; но относительно материковыхъ странъ Европы, западной Азіи, Америки, гдѣ она встрѣчается съ могущественными континентальными державами, могущество Англіи не болѣе какъ миражъ, отсвѣчивающій явленія давно-прошедшаго.

Конечно, Англіи захочетъ себя вознаградить за усилившееся вліяніе Россіи. Ну пусть и вознаграждаетъ, только не на материкѣ Европейской Турціи и не у Кавказскихъ и Черноморскихъ окраинъ Малой Азіи, потому что оттуда мы ее прогонимъ, а если угодно въ Египтѣ, гдѣ это до насъ не касается, или въ Кандіи, гдѣ это будетъ въ извѣстномъ смыслѣ для насъ даже не безвыгоднымъ, потому что раскроетъ глаза Греціи на то, гдѣ и кто ея истинные друзья и доброжелатели.

Конечно, желала бы вознаградить себя и Австрія. Но чѣмъ? Присоединеніе сколько нибудь значительной части граничащихъ съ нею Славянскихъ странъ, если бы даже мы могли это допустить, встрѣтитъ сильное сопротивленіе со стороны Венгерской половины монархіи, опасющейся усиленія Славянскаго элемента. Если бы, со всѣмъ тѣмъ, Австрія рѣшилась, очертя голову, явно стать противъ Россіи, препятствуя ей въ достиженіи ея справедливыхъ цѣлей, въ сущности ни мало не подавляющихъ законныхъ интересовъ этой державы,—тогда дѣло вступило бы въ новый фазисъ, на сцену исторіи выступило бы второе явленіе послѣдняго дѣйствія восточной драмы, и пошелъ бы другой разговоръ, который еще нѣтъ надобности теперь начинать.

копировать 4 1

2.

Какъ отнеслась Европа къ Русско-Турецкой распрѣ.

(Русскій міръ, 13 октября 1877 г. № 279).

Европа не могла, не умѣла, не хотѣла—послѣднее думаю будетъ вѣрнѣе—обуздать свирѣпаго злодѣйства Турокъ,—не обезумѣвшей народной массы, а Турецкаго правительства, ибо, не говоря уже о теперешнихъ козняхъ и избіеніяхъ, и прошлогодняя Болгарская рѣзня не была взрывомъ народной злобы, а исполненіемъ правительственнаго заговора. При ужасной вѣсти объ изнасилованіяхъ, убійствахъ, истязаніяхъ стариковъ, женщинъ, дѣтей, у Европы не вырвался вопль негодованія, который, заглушивъ мнимый и лживый политическій расчетъ, заставилъ-бы ее вострепнуться, броситься на помощь несчастнымъ и своимъ могучимъ словомъ исторгнуть разъ навсегда жертву у палача.—Говоря: мнимый и лживый политическій расчетъ, я становлюсь на европейскую, анти-славянскую точку зрѣнія. Быстрая, рѣшительная защита Герцоговинцевъ, Босняковъ, Болгаръ не придали-ли бы всему дѣлу общеевропейскаго, а не славянскаго характера, который оно теперь неоспоримо получило, какъ-бы это не закрывалось, не замаскировывалось дипломатическими фикціями? Угнетенные, жаждущіе спасенія не стали-бы разбирать, изъ чьихъ рукъ оно имъ подается. У Россіи была-бы отнята слава подвига и жертвы.

Но только-ли не могла, не умѣла, не хотѣла Европа обуздать Турецкую свирѣпость?—Не справедливѣе-ли будетъ сказать, что частію прямо и непосредственно, частію косвенно своимъ попустительствомъ,—она сама разнуздавала ее и до сихъ поръ продолжаетъ ей потворствовать?—Прямое, непосредственное подстрекательство Англіи слишкомъ явно, чтобы нужно было на немъ останавливаться. Отказъ отъ подписанія Берлинской меморіи, сверженіе

Абдуль-Азиса, прошлогодняя посылка флота въ Базикскую бухту: что это какъ не подстрекательство? „Дерзайте молъ на все—мы за васъ стоимъ“. Что такое, опять, какъ не прямое подстрекательство—всѣ дѣйствія Венгріи, митинги Пештскихъ студентовъ, поднесеніе почетной сабли Кериму, недавнія иллюминаціи по поводу Турецкихъ успѣховъ? Не прямое-ли подстрекательство также закрываніе глазъ Австріи передъ многочисленными нарушеніями Австрійской территоріи, какъ напримѣръ пропускъ Турецкихъ войскъ на 6 километровъ вглубь отъ границы, для нападенія съ тылу на позицію Боснійскихъ инсургентовъ? Но это все частности, мелочи; главное, существенное потворство и попущеніе, а слѣдовательно и подстрекательство заключается въ томъ, что Турція знала, и покуда не ошиблась въ этомъ,—что, какъ-бы она ни поступала съ своими Славянскими подданными, Европа въ цѣломъ отнесется къ этому равнодушно, полудобрительно, и всѣми мѣрами будетъ противодѣйствовать Россіи въ обузданіи и наказаніи ея. Если въ чемъ и ошиблась Турція, такъ это только въ оцѣнкѣ настоящаго политическаго положенія Европы. Чтобы вполне убѣдиться, какъ сравнительно ничтожна доля сочувствія, выпадающая Россіи и Славянамъ, и то со стороны лишь нѣкоторыхъ благородныхъ исключеній представимъ себѣ, какъ отнеслось-бы общественное мнѣніе Европы, да и самыя правительства ея, еслибы часть тѣхъ ужасовъ, которымъ мы были свидѣтелями въ Болгаріи, совершалась, при тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какомъ либо другомъ государствѣ Европы. Пусть, напримѣръ, въ правленіе Неаполитанскаго короля Фердинанда, прозваннаго „Бомбой“, тамошніе лазарони, бандиты и вообще грубая чернь, подстрекнутая католическими монахами, затѣяла бы нѣчто подобное Батакской или Ковариской рѣзнѣ, въ наказаніе либераловъ. (Я слишкомъ уважаю Итальянскій народъ, что бы считать даже самые испорченные и грубые слои его, способными къ такимъ ужасамъ,—при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и дѣлаю свои предположенія лишь въ видѣ примѣра). Какой раздался бы всеобщій вопль негодованія, какими оваціями былъ-бы осыпанъ вступившейся за обиженныхъ Гарибальди! Какая помощь была бы оказана Сардинскому правительству, если-бы оно вздумало послать свои войска, для обузданія и наказанія преступнаго правительства! Какое единодушіе представили-бы тогда воодушевленные благороднымъ негодованіемъ, состраданіемъ, чувствомъ оскорбленнаго человѣческаго достоинства, и правительства и общественное

миѣніе Европы! Все это даже—не совсѣмъ предположеніе. Все это было на самомъ дѣлѣ, по поводу не болѣе какъ плохой администраціи королей Фердинанда и Франциска, которая конечно не можетъ же идти въ какое либо сравненіе съ Турецкими ужасами. Если, такимъ образомъ, замышляющій преступленіе увѣренъ въ потворствѣ большинства присяжныхъ и судей; то это развѣ не составляетъ-ли для него подстрекательства къ совершенію преступленія?

Кто-же въ Европѣ официальной и неофициальной на сторонѣ Турокъ, и кто за восточныхъ христіанъ и Россію? На сторонѣ Турокъ, во-первыхъ, Англія, не министерство только, но и парламентъ, а слѣдовательно и представляемое имъ большинство націи. Вспомнимъ, какъ быстро пало министерство популярнаго Пальмерстона, когда оно выразило готовность исполнить желаніе Французскаго правительства о выдачѣ пособниковъ въ покушеніи на жизнь Наполеона III. Вѣдь сѣумѣла же тогда сказаться народная воля; а что-же теперь? Явно на сторонѣ Турціи транслейтанская часть Австрійскаго правительства и преобладающій въ ней, если не численно, то политически Мадьярскій народъ. На сторонѣ ея жи-
дующая, банкирствующая, биржевая, спекулирующая Европа—то, что вообще понимается подъ именемъ буржуазіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ лучшіе и знаменитѣйшіе выразители ея стремленій: *Revue des deux mondes* и *Journal des débats*. На ея сторонѣ Европа католическая съ святымъ отцемъ во главѣ; а какъ она еще сильна, энергична, какъ велика ея численная сила, это показываютъ явленія послѣднихъ годовъ. Но на сторонѣ же Турціи и отъявленные враги католичества и буржуазіи; Европа демократическая, революціонная и социалистическая, начиная отъ національно-революціонныхъ партій, Польской, Мадьярской съ графомъ Платеромъ, Кошутомъ и Клапкою, до космополитической интернаціоналки. На сторонѣ Россіи и восточныхъ христіанъ, во-первыхъ, благородный и великодушный Императоръ Германіи, помнящій, что долгъ платежемъ красенъ; на той же сторонѣ, думаю, и его канцлеръ—тонкій и глубокой политикъ, да еще группа благородныхъ Англичанъ: Гладстонъ, Карлейль, Фриманъ, Брайтъ, Фарлей, и тѣ, конечно, которые слѣдуютъ за этими руководителями въ Германіи и въ Англіи. Конечно, найдутся и еще отдѣльные личности разныхъ націй и на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Вотъ и все. Если, со всѣмъ тѣмъ, за Турцію не ополчается поло-

вина Европы, какъ въ 1854 году, то не отъ недостатка доброй воли конечно, а отъ случайнаго сочетанія политическихъ созвѣздій, въ настоящее время благопріятнаго Россіи. Нарушеніе политическаго равновѣсія, въ чью бы то ни было сторону, всегда выгодное для Россіи, какъ это мною было строго и подробно доказано, — оказалось выгоднымъ и теперь, какъ было выгодно во времена Наполеона I, когда, послѣ неудачной войны 1807 года, мы заключили миръ, едва-ли не выгоднѣйшій изъ всѣхъ когда либо нами заключенныхъ, и которыхъ мы только не сумѣли воспользоваться.

Но и при такой благопріятной для Россіи разстановкѣ политическихъ силъ, въ какое положеніе были поставлены Россія и Турція и во время дипломатическомъ переговоровъ, и теперь во время войны? Положеніе, которое въ концѣ концовъ ни отъ чего инаго зависѣть не можетъ, какъ отъ отношенія Европы къ обѣимъ сторонамъ. Это точной индикаторъ, означающій градусы сочувствія Европы къ намъ и къ нашимъ противникамъ, — обозначающій, такъ-сказать, его среднюю величину, выведенную изъ всѣхъ колебаній въ ту и въ другую сторону, изъ всѣхъ въ разныя стороны направленныхъ теченій.

Когда одного твердо сказаннаго Россіею слова оказалось достаточнымъ для удержанія Турецкихъ армій на пути къ Бѣлграду; когда, безъ сомнѣнія, одного такого слова было бы достаточно, что бы заставить Турцію принять всѣ условія, которыя обезпечили бы судьбу восточныхъ христіанъ, если-бы Россія могла дѣйствовать безпрепятственно, — придуманы были конференціи. На конференціяхъ самыя умѣренныя предложенія, коллективно обдуманная, были отвергаемы одно за другимъ Турціею, и когда, все съ общаго согласія всѣхъ державъ, они были обрѣзаны до неузнаваемости, сведены на нѣтъ: Турціи все таки было дозволено не принимать ихъ. Европа забыла свое достоинство, и мы увидѣли повтореніе Вѣнскихъ конференцій 1853 года, когда предложенія, предъявленныя четырьмя державами и безусловно принятыя Россіею, были дерзко отвергнуты Турціею. Чѣмъ послѣ этого должно считать Константинопольскія конференціи, какъ не брешнями, брошенными подъ ноги Россіи, чтобы воспрепятствовать въ достиженіи ея святыхъ, безкорыстныхъ цѣлей? Чѣмъ, какъ не средствомъ доставить Турціи время приготовиться къ борьбѣ и тѣмъ по возможности ослабить перевѣсъ Россіи?

Но война началась. Турція, почти обанкротившаяся, лишенная

кредита, съ страною опустошенною собственными неистовствами, находитъ однако-же средства вооружать, кормить, содержать многочисленныя арміи и флоты. Кто нибудь даетъ же ей средства? Въ своихъ дѣйствіяхъ она ничѣмъ не связана, совершенно свободна, можетъ наносить удары намъ, Черногорцамъ, Герцеговинцамъ, Боснякамъ, гдѣ ей угодно по своему произволу. Пытались положить на нее одно ограниченіе, не изъ сочувствія къ намъ, а изъ собственныхъ коммерческихъ выгодъ,—я разумѣю ходатайство Англіи, чтобы Турецкій флотъ не бомбардировалъ Одессы; но и на это Турки весьма основательно отвѣчали отказомъ. Но Турки не только могутъ свободно располагать своими силами, они могутъ пользоваться ими въ полномъ объемѣ, потому что, если въ настоящую минуту и не могутъ разсчитывать ни на чью дѣятельную помощь, то за то по крайней мѣрѣ вполнѣ увѣрены, что ни одно изъ нейтральныхъ государствъ, ни въ какомъ случаѣ, не обратится противъ нихъ. И этой свободы, этого обезпеченія имъ не приходилось покупать цѣною какихъ-либо уступокъ въ настоящемъ или будущемъ. Видно, ни чѣмъ интересамъ въ Европѣ Турція вредить не можетъ. Есть правда одно нейтральное государство, со стороны котораго Турція конечно опасается, но повидимому не очень многого—это Греція. Но вѣдь Греція въ этомъ случаѣ не можетъ быть причислена къ безпристрастной нейтральной Европѣ; она сама—задѣтая и весьма близко задѣтая сторона, и если до сихъ поръ все еще не можетъ вступить за свое дѣло, то конечно также не безъ вліянія яко-бы безпристрастныхъ нейтральныхъ державъ.

Каково-же положеніе Россіи? Мы и союзники наши Черногорцы и того, и другаго, и третьяго не должны смѣть дѣлать, чтобы не нарушить чьихъ либо интересовъ. Мы не должны нападать на Египетъ, чтобы не повредить интересамъ Англіи, то-есть должны считать его нейтральнымъ. А Египетъ можетъ посылать, контингентъ за контингентомъ, сражаться за Турцію, да и то едва-ли даже на свой счетъ, такъ какъ у него завѣдомо нѣтъ денегъ, а на счетъ тѣхъ именно, въ чью пользу мы отказываемся отъ права на него нападать. А вѣдь мы бы могли послать для этого нашъ Балтійскій флотъ, и если не посылаемъ, ни для этой, ни для иной какой цѣли, то очевидно потому, что въ виду такъ называемаго нейтралитета Англіи, не рѣшались оставить безъ защиты Балтійское море. Египетъ воевать съ нами можетъ, а Сер-

бія намъ помогать не должна, по крайней мѣрѣ не должна была до сихъ поръ, потому что этимъ нарушались бы интересы Австріи, хотя, казалось бы, что вѣдь—Египетъ, принимая участіе въ войнѣ, нарушаетъ интересы Англіи, такъ какъ даетъ намъ право на репрессалии. Но нѣтъ, въ отношеніи къ намъ дѣйствуетъ какой-то совершенно особый кодексъ международнаго права. Россія не можетъ также проводить своихъ войскъ черезъ Сербію, хотя опять трудно понять, по какой такой статьѣ международнаго права. Если считать Сербію вассаломъ Турціи, то мы имѣемъ право на занятіе Сербской территоріи, въ качествѣ воюющей стороны; если считать Сербію Славянскимъ государствомъ, стремящимся свергнуть съ себя и помочь свергнуть другимъ ненавистное иго; то мы имѣемъ право вступить на ея территорію, въ качествѣ друзей и союзниковъ. Но и этого еще мало; мы не должны были повидимому переступить р. Алуту, чтобы не приблизить театра войны къ границѣ Австріи, такъ какъ это нарушаетъ ея интересы, хотя нарушение воюющими—интересовъ мирныхъ невоюющихъ сосѣдей, въ извѣстной мѣрѣ, совершенно неизбежно, и не даетъ еще права налагать на воюющихъ разнаго рода ограниченій, а тѣмъ менѣе налагать ихъ только на одну сторону, и притомъ еще ограниченій такого рода, что они приносятъ другой сторонѣ положительную выгоду. По недавнимъ извѣстіямъ, Сербіи разрѣшается вступить въ войну, хотя опять таки съ ограниченіями относительно Босніи; предоставляется-ли также и русскимъ проходить черезъ Сербію, не знаю. Но, какъ-бы то ни было, это позднее возвращеніе намъ права воюющей стороны не изглаживаетъ уже причиненнаго намъ вреда. Каковы бы ни были наши стратегическія ошибки, существенную причину нашей трехкратной неудачи подъ Плевномъ надо приписать совершенному обезпеченію Турецкаго тыла и флота со стороны Сербіи, которая, ни сама не должна была воевать, ни пропускать Русскихъ войскъ черезъ свою территорію, по требованіямъ Австріи, считающейся еще къ тому-же нашею союзницею. Результатъ этого союза, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, ограничивалъ свободу нашихъ дѣйствій, лишалъ насъ нашихъ естественныхъ, не мнимыхъ, а дѣйствительныхъ союзниковъ, обезпечивалъ тылъ и флотъ Турецкой арміи, предавалъ Боснію турецкому произволу и едва не погубилъ Черногорію. Все это конечно превосходитъ пониманіе обыкновеннаго здраваго смысла и должно быть относится къ высшимъ областямъ науки междуна-

роднаго права, въ особомъ ея примѣненіи къ Россіи, по которому трудно рѣшить: отъ кого болѣе вреда Россіи—отъ ея враговъ, или отъ ея союзниковъ.

Тѣже стѣсненія, и еще въ большей мѣрѣ, налагаются на нашихъ союзниковъ. Черногорцы не должны вести наступательной войны, не должны идти въ Герцеговину—иначе вмѣшательство; вторгаться же Туркамъ въ предѣлы Черногоріи нѣтъ никакихъ препятствій. Обходъ позицій Боснійскихъ инсургентовъ черезъ Австрійскія владѣнія—также вполне дозволителенъ.

Какъ извѣстно, блокада портовъ должна считаться дѣйствительною тогда лишь, когда блокирующихъ морскихъ силъ достаточно, дабы не пропускать ни въ портъ ни изъ порта торговыхъ кораблей; между тѣмъ ни у Одессы, ни у Севастополя, ни у Керчинскаго пролива, въ теченіе почти шести мѣсяцевъ, протевшихъ отъ начала войны, не стоитъ блокирующей эскадры, что очень хорошо извѣстно всѣмъ Европейскимъ консуламъ, проживающимъ въ этихъ портахъ. Однако, нейтральныя державы признаютъ эту мнимую блокаду, и тѣмъ наносятъ вредъ, не только Русской, но и своей торговлѣ, и косвенно помогаютъ Турціи, доставляя ей возможность употреблять свой военный флотъ для нападеній на Кавказскій берегъ, для перевозки войскъ съ одного театра войны на другой и иныхъ военныхъ цѣлей. А это развѣ не нарушаетъ нашихъ интересовъ? Вѣдь одно изъ двухъ: или наши Черноморскіе и Азовскіе порты продолжали бы вести торговлю, что, не говори уже о другихъ выгодахъ, противодѣйствовало бы паденію нашего курса; или значительная часть Турецкаго флота была бы парализована содержаніемъ этихъ портовъ въ блокадѣ.

Счастливая Турція! Она не только ничьихъ интересовъ не можетъ нарушить, какъ бы и гдѣ бы ни воевала; она не можетъ даже ни оскорбить, ни возмутить ничьихъ нравственныхъ чувствъ (за небольшими опять-таки исключеніями), хотя бы купалась въ Болгарской и Армянской крови. Никакіе протесты, никакія дипломатическія ноты не тревожатъ ея по поводу этихъ мелочей. Недавно читалъ, правда, въ газетахъ, что, по примѣру поданному Германіей, начинаютъ поступать протесты и дипломатическія вразумленія Порту отъ разныхъ государствъ, даже отъ Англіи. Но вѣдь это только по поводу обращенія съ русскими ранеными и плѣнными, несогласнаго съ правилами Женевской Конвенціи, къ которой приступила и Турція, слѣдовательно по поводу прямого нарушенія

положительнаго, трактатомъ утвержденнаго пункта международнаго права, естественными охранителями котораго и суть нейтральныя державы; но нисколько не касается Болгаръ, Армянъ и Грековъ. Права сдирать съ нихъ кожу, сажать на колъ, жечь, или закапывать въ землю живыми, безчестить и затѣмъ убивать ихъ женъ и дочерей, раздирать на двое младенцевъ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ еще никто у Турціи не оспариваетъ, какъ права несомнѣнно принадлежащаго державному и независимому государству, принятому въ сонмъ Европейскихъ державъ срамнымъ не для насъ, а для Европы Парижскимъ договоромъ, отмѣнившимъ ту нравственную опеку, которую Россія имѣла въ этомъ отношеніи надъ Турціею, по славному Кучукъ-Кайнарджискому договору.

Совсѣмъ иное дѣло Россія и ея союзники; она имѣетъ несчастье вездѣ задѣвать чьи либо интересы, то общіе, католическіе, то Англійскіе, то Австрійскіе, то даже Итальянскіе, ибо вѣдь и Италія не можетъ допустить, чтобы Черногорія получила портъ на Адриатическомъ морѣ. Жестокости Россіи, даже мнимыя, придуманныя Турецкимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и засвидѣтельствованныя нѣсколькими негодными корреспондентами, имѣютъ свойство возмущать Европу, появляются въ „синихъ книгахъ“, возбуждаютъ журнальные вопли и, что хуже всего, оскорбительные оправдательные приговоры, сваливающіе вину на Болгаръ—„этотъ варварскій и мстительный народъ“, по словамъ г. Велеслея. Прелестная фраза особенно въ устахъ Англичанина, соотечественники котораго такъ благодушно усмиряли индѣйское возстаніе 1857 года!

И такъ, и на этотъ разъ, послѣ всей уступчивости Россіи, послѣ неоднократнаго призыва ея Европы рѣшить дѣло обща, руководствуясь единственно человѣколюбіемъ,—мы не можемъ похвалиться сочувствіемъ Европы. Ужасы, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, встрѣчаются (за нѣкоторыми, опять съ удовольствіемъ повторяемъ это, благородными исключеніями) довольно равнодушно, мѣстами даже сочувственно. Нигдѣ на Западѣ не является ничего подобнаго фильэллинизму двадцатыхъ годовъ. Къ русскому народному движенію, во время Сербской войны отнеслись болѣе или менѣе враждебно. Дипломатическому дѣйствію Россіи ставились препятствія. На конференціяхъ, Россія, предоставившая рѣшеніе совокуному дѣйствію державъ, принуждена была отступаться, отъ одного за другимъ, отъ первоначальныхъ предложеній, болѣе чѣмъ крайне умѣренныхъ, потому конечно, что большинство пло-

хо ее поддерживало. Но и жалкій остатокъ этихъ предложеній отвергнуть. Всѣ спокойно расходятся, нисколько не оскорбляясь насмѣшливою дерзостью Турокъ. Но возможно ли допустить такое забвеніе собственнаго достоинства? Чего другаго, а „щекотливаго гонора“ нельзя же отрицать у Европы.

Если она отступила не краснѣя—значить, въ сущности, достигла, чего желала. Огромный перевѣсъ силъ, бывшій на сторонѣ Россіи, при совершенной неготовности Турціи, въ значительной мѣрѣ ослабился временемъ, даннымъ Турціи для напряженія всѣхъ своихъ силъ; Россія, желавшая дѣйствовать за одно съ Европой (выгодно ли бы это для нея было, соотвѣтствовало ли бы ея историческому призванію—это другой вопросъ), была принуждена начать войну на свой страхъ, и при этомъ была поставлена, вмѣстѣ съ ея естественными союзниками Черногоріей и Сербіей, въ самое стѣснительное, самое неловкое положеніе не имѣть возможности развернуть своихъ силъ, лишена свободы дѣйствія—и на сколько проигрывала Россія, на столько выигрывала при этомъ Турція.

Но зачѣмъ, могутъ возразить намъ, обвинять Европу огуломъ? По крайней мѣрѣ, вѣдь, Германія за насъ. Мы и не думаемъ отрицать благорасположенія къ намъ Германскаго правительства и значительной части Германскаго общественнаго мнѣнія, ни мало въ немъ не сомнѣваемся. Вообще, русскій народъ—чрезвычайно мягкосердечный, открытый чувству благодарности, чувствительный ко всякому привѣту и ласкѣ, которыми не избалованъ. Противъ привѣта и ласки мы даже рѣшительно устоять не можемъ—и это очень хорошо. Однако все же, кажется мнѣ, позволительно помнить, что благорасположеніе Германіи не даръ, а уплата долга—вѣдь не у всѣхъ же мѣдный лобъ. Далѣе, думается мнѣ, позволительно будетъ также замѣтить, не нарушая приличій и деликатности, что уплату принуждена намъ производить Германія за звонкую золотую монету—ассигнаціями не слишкомъ высокаго курса. Не говоря уже о давно прошедшемъ, въ 1870 году Россія обезпечила Германіи полный, абсолютный нейтралитетъ Австріи: между тѣмъ какъ обезпечиваемый намъ нейтралитетъ той же Австріи весьма условенъ, съ большими, не въ пользу нашу клонящимися, ограниченіями, нейтралитетъ, который, не нарушая справедливости, можно по меньшей мѣрѣ назвать нейтралитетомъ недоброжелательнымъ. И этого мы, опять таки, не думаемъ ставить въ вину Германіи, почему и употребили выраженіе: „Германія *принуждена* была про-

изводить уплату»... Мы охотно вѣримъ, что Германское Правительство дѣлаетъ для насъ все для него возможное; но если при всемъ томъ, это возможное такъ недостаточно, то какая же можетъ быть тому причина, какъ опять таки не общее теченіе европейскихъ интересовъ, мнѣній, сочувствій, которое въ цѣломъ не въ нашу пользу? А если это такъ, то чтó же обязываетъ насъ при окончательномъ расчетѣ принимать во вниманіе именно эти интересы, мнѣнія, чувства Европы? Съ начала и до сихъ поръ мы не видали ни ея помощи, ни ея сочувствія (опять повторяю—мы не говоримъ о частностяхъ и исключеніяхъ), и конечно еще менѣе увидимъ ихъ при концѣ, при установленіи мирныхъ условій. Каждое предложеніе Европы будетъ,—внѣ всякаго сомнѣнія,—клониться къ нашему вреду.

Если мы видѣли себѣ постоянную помѣху во время предварительныхъ переговоровъ, видимъ ее во время самаго веденія войны, неужели имѣемъ нравственную обязанность сносить ее и при заключеніи мира? Когда Германія наложила свою тяжелую руку на Данію и на Францію, развѣ ей помѣшали овладѣть половиною территории и населенія первой, двумя богатѣйшими провинціями и пятью миллиардами у второй? Развѣ конгрессы рѣшили тогда дѣло, а не воля побѣдителя? Или, можетъ быть, тогда не были замѣшаны въ дѣло обще-европейскіе интересы, то есть, другими словами, Данія и Франція не въ такой интимной, близкой, тѣсной связи съ Европою, какъ Турція? Казалось бы совершенно наоборотъ.

Еще Пушкинъ сказалъ:

Оставьте! Это споръ Славянъ между собою...

Вопросъ, котораго не разрѣшите вы—

и тѣмъ провозгласилъ Славянское ученіе Монроэ по поводу распри между двумя Славянскими народами. Конечно, въ той же и даже большей мѣрѣ, относится это и къ настоящему случаю, когда одинъ Славянскій народъ поднялся на освобожденіе своихъ братьевъ. Кому какое до этого дѣло, кто имѣетъ право вмѣшиваться въ этотъ Славянскій вопросъ, особливо послѣ того, какъ, благодаря Богу, всѣ отказались послѣдовать призыву Россіи рѣшить дѣло общими силами? Послѣ того, какъ вся тяжесть борьбы оказавшейся не легкою вслѣдствіе препятствій поставленныхъ Европою же, легла на плечи одной Россіи, кто можетъ требовать, чтобы она подѣлилась плодами своихъ усилій, своей крови и не только подѣлилась, а принесла ее въ жертву мнимымъ и незаконнымъ,

интересамъ Европы?—Мы должны быть столь же свободны, какъ была въ свое время Германія, тѣмъ болѣе, что и притязанія наши гораздо умѣреннѣе. Мы желаемъ лишь, чтобы условія мира не послужили къ нашему вреду и ко вреду защищаемыхъ нами народовъ.

Въ первой статьѣ моей, я желалъ показать, какіе результаты войны могутъ считаться для насъ выгодными, могутъ быть приняты за дѣйствительный успѣхъ, за шагъ впередъ къ разрѣшенію Восточнаго вопроса.

Теперь я намѣреваюсь выставить на видъ тѣ вѣроятныя предложенія со стороны Европы, которыя, во что бы то ни стало, должны быть отвергнуты, какъ грозящія бѣдою и намъ, и Славянамъ. Одно изъ такихъ вѣроятныхъ предложеній, о которомъ уже и заговаривали, касается Босфора и Дарданель. Другое, еще болѣе гибельное, касается самаго Константинополя, если обстоятельства примутъ рѣшительный оборотъ и поднимется вопросъ о совершенномъ изгнаніи Турокъ изъ Европы.

3.

ПРОЛИВЫ.

(Русскій міръ, 1877, 23, 24 окт. № 289 и 290).

Съ разныхъ сторонъ слышится, что въ числѣ условій, которыя должна выговорить себѣ Россія, должно заключаться между прочимъ и то, чтобы проливы были объявлены нейтральными, или чтобы они были открыты для свободнаго плаванія, что далеко не одно и тоже. Но то и другое крайне для насъ невыгодно. Предложенія эти слышатся не только изъ-за границы, но и въ Россіи, между тѣмъ какъ стоитъ лишь немного вникнуть въ значеніе этихъ либеральныхъ формулъ, чтобы убѣдиться въ томъ огромномъ вредѣ, который онѣ неминуемо должны имѣть для Россіи.

Разсмотримъ сначала случай нейтрализаціи проливовъ. Очевидно это значило бы, что военные корабли ни одной державы не должны бы проходить черезъ проливы. Русскій Черноморскій флотъ слѣдовательно остался бы на старомъ положеніи, то есть запертымъ въ Черномъ морѣ, а весьма мало надежды когда-либо высвободиться изъ этого плѣна, ибо запрещеніе входа и выхода было бы наложено на него уже не одною Турціею, а общимъ рѣшеніемъ Европы, при документированномъ согласіи на него самой Россіи. Но какимъ образомъ провести нейтрализацію по отношенію къ самой Турціи? Вѣдь это значило бы сказать ей: строй корабли въ Черномъ морѣ и строй ихъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, но никогда не смѣй переводить ихъ изъ одного изъ этихъ бассейновъ въ другой. Мы конечно весьма далеки отъ того, чтобы принадлежать къ числу друзей Турціи, но все же полагаемъ, что такому условію ей невозможно подчиниться до тѣхъ поръ, пока берега проливовъ будутъ оставаться въ ея рукахъ. Какимъ образомъ,

въ особенности, заставить Турцію соблюдать это правило въ случаѣ войны съ какимъ бы то ни было государствомъ? Неужели, если ея Черноморскому флоту, напимѣръ, будетъ угрожать поражение, — а при входѣ въ Дарданелы у нея будутъ собраны значительныя морскія силы, она, изъ уваженія къ фиктивному дипломатическому препятствію, не пошлетъ ихъ на выручку своихъ Черноморскихъ кораблей? Если же это правило не можетъ быть обязательно для Турціи какъ владѣющей проливами, то не можетъ оно относиться и къ союзникамъ ея, которые должны пользоваться наравнѣ съ нею всѣми военными правами. Безъ этого что же они будутъ за союзники?

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что вообще можетъ идти рѣчь о нейтрализаціи только такихъ проливовъ или морскихъ каналовъ, которые, подобно Суэцкому или будущему Панамскому, служатъ лишь *проходами*, а не такихъ, которые, подобно Босфору и Дарданеламъ, или Зунду и Бельтамъ, составляютъ не только *проходы*, но еще кромѣ того *входы и выходы*. Можно согласиться не пропускать военныхъ кораблей черезъ Суэцскій каналъ потому, что собственно онъ ни откуда не выводитъ и нигуда не ведетъ, куда нельзя бы было попасть инымъ путемъ, и если это запрещеніе будетъ для всѣхъ одинаково, то тутъ, собственно говоря, не будетъ теряющей стороны.

Совершенно иное дѣло проливы, ведущіе въ глухія моря. Здѣсь воспрещается выходъ изъ нихъ прибрежнымъ державамъ, которыя другаго не имѣютъ и которымъ онъ слѣдовательно существенно необходимъ, и, въ вознагражденіе за это, запрещается входъ тѣмъ которымъ безъ того туда ходить не за чѣмъ, и которымъ этотъ путь могъ бы быть легко загражденъ безъ всякаго договора прибрежными державами. Гдѣ же тутъ равноправность? Однако же и на нейтрализацію Суэцскаго канала Англія, видно хорошо понимающая свои выгоды, соглашаться не хочетъ.

Въ сущности, нейтрализація проливовъ привела бы, какъ мы уже сказали, къ теперешнему положенію, то есть, что проливы, постоянно запертые для Россіи, были бы, въ случаѣ войны съ Турціей, открыты для нея и для ея союзниковъ! Но однако и это положеніе для Россіи несравненно выгоднѣе того, которое бы наступило вслѣдствіе провозглашенія свободнаго плаванія по проливамъ. Что касается до свободы торговаго плаванія, то объ ней говорить нечего, она уже существуетъ болѣе ста лѣтъ, — со времени славнаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Это одно изъ многихъ благодѣяній,

добытыхъ для всего свѣта успѣхами Русскаго оружія. Даже и теперь, при войнѣ съ Россією, Турція, по настоящему, не имѣетъ права преграждать плаванія нейтральныхъ коммерческихъ судовъ черезъ проливы, хотя бы они направлялись къ Русскимъ портамъ. Доказательствомъ этому служатъ толки въ Англійскомъ парламентѣ о дѣйствительности Турецкой блокады, и, если бы дѣло не касалось любимаго англійскаго дѣтища, то англійскія торговныя суда, при подобныхъ обстоятельствахъ, и не задумались бы оставить безъ вниманія мнимую блокаду, продолжая вести торговлю съ портами, входъ въ которые совершенно свободенъ.

И такъ, дѣло можетъ идти только о свободѣ плаванія военныхъ судовъ по проливамъ. Тутъ надо различать нѣсколько случаевъ: 1) Проходъ военныхъ судовъ въ мирное время. Онъ не имѣетъ большой важности, хотя конечно представляетъ нѣкоторыя выгоды Россіи, давая возможность проходить судамъ, строящимся на Балтійскомъ морѣ, въ Черное и наоборотъ, подобно тому, какъ еще недавно проводились корабли, построенные въ Архангельскѣ, въ Кронштадтѣ. Но очевидно, что длина пути дѣлаетъ эту выгоду почти ничтожною, и все, что такое право могло бы намъ доставить—можетъ быть достигнуто постройкою кораблей въ самомъ Черномъ морѣ. Но эта ничтожная выгода оплачивается огромнымъ вредомъ въ военное время. 2) Въ случаѣ войны съ Турцією и ея союзниками—свободное плаваніе по проливамъ, какъ это само собою разумѣется, прекратится и наступитъ то же положеніе, которое и теперь существуетъ. Тутъ, слѣдовательно, не было бы ни выигрыша, ни проигрыша. Но всѣ вредныя для Россіи послѣдствія свободнаго плаванія по проливамъ обнаруживаются въ третьемъ случаѣ, именно: 3) Въ случаѣ мира съ Турцією и войны съ какою либо сильною морскою державою, напримѣръ, съ Англією или съ Франціей, Россія, находящаяся въ необходимости содержать громадную сухопутную армію, которая и въ мирное время даже почти вдвое превосходитъ армію всякаго другаго государства, и довольно значительный флотъ въ Балтійскомъ морѣ, никогда не будетъ въ состояніи довести силу Черноморскаго флота до той степени, чтобы онъ могъ соперничать съ флотами первостепенныхъ морскихъ державъ. Допустимъ, что оба Русскіе флота въ совокупности равняются, напримѣръ, силою съ Французскимъ,—вѣдь далѣе этого не могутъ же идти самыя сангвиническія надежды,—и тогда часть Французскаго флота, немногимъ, положимъ на одну треть, превышающая каждый

изъ Русскихъ отдѣльныхъ флотовъ, имѣла бы на своей сторонѣ всѣ шансы разбить ихъ порознь; ибо разстояніе, которое будетъ отдѣлять Французскій флотъ отъ каждаго изъ нашихъ береговъ значительно меньше, чѣмъ разстояніе, раздѣляющее наши флоты.

Слѣдовательно, возможность, даваемая Черноморскому флоту принимать дѣятельное участіе въ войнѣ противъ сильныхъ морскихъ державъ, далеко не уравнивается свободою, предоставляемою этимъ послѣднимъ вступать черезъ проливъ въ Черное море и нападать тамъ на нашъ флотъ и наши берега.

Одни общія соображенія всегда оставляютъ въ умѣ нѣкоторую неясность и неопредѣленность; попробуемъ, поэтому, оцѣнить, во сколько ослабляются силы Россіи—господствомъ враждебнаго намъ флота на водахъ Чернаго моря. Восточная война послужить намъ для этого масштабомъ. На Европейскомъ побережьи Чернаго моря, то есть только въ Крыму, по берегамъ Херсонской губерніи и небольшого участка Бессарабіи, расположены у насъ два корпуса. Сколько войска употребляется для охраненія береговъ Кавказа, намъ въ точности неизвѣстно; знаемъ только, что его было меньше чѣмъ было нужно. У генерала Охлбжію, занимавшаго пространство отъ Ріона до Батума, было, судя по газетнымъ извѣстіямъ, болѣе 30 батальоновъ. Прибавимъ къ этому отряды генераловъ Алхазова, Шелковникова и Бабичева. Оцѣнивъ въ 100.000 человекъ охрану нашего Европейскаго и Кавказскаго побережья, мы не достигнемъ еще дѣйствительной цифры; но остановимся на ней. Въ Добруджѣ стоитъ корпусъ генерала Циммермана, который, съ прикомандированными къ нему частями, достигаетъ, по газетнымъ извѣстіямъ, 50.000. Но отрядъ этотъ парализованъ въ своемъ наступательномъ дѣйствіи тѣмъ, что въ тылъ ему можетъ быть сдѣланъ десантъ. Безъ этого условія онъ оказалъ бы значительное облегченіе нашей главной дѣйствующей арміи, теперь же долженъ быть, собственно говоря, причисленъ къ числу войскъ, назначенныхъ, подобно 10 и 7 корпусамъ, для охраны прибрежій. И такъ, по самому умѣренному счету, 150.000 нашего войска парализовано господствомъ Турецкаго флота на Черномъ морѣ. Но этимъ еще далеко не исчерпываются выгоды, находящіяся на сторонѣ Турціи, вслѣдствіе ея положенія на морѣ. Сулейманъ сосредоточилъ до 100 батальоновъ для атаки Шипкинскаго прохода. Могъ ли бы онъ это сдѣлать, если бы съ тылу ему угрожалъ Русскій десантъ? Его армія была бы точно также въ значительной мѣрѣ парализована, какъ теперь нашъ Добруджинскій отрядъ.

Тоже самое относится до войскъ, занимающихъ Варну и окрестности. Прибавимъ къ тому возможность, которую имѣютъ Турки, быстро доставлять свои войска съ Европейскаго на Азіатскій театръ войны и наоборотъ, возможностью, которою они пользовались. Когда разливъ Дуная препятствовалъ нашей переправѣ въ Болгарію, Турки усилили свою малоазіатскую и кавказскую арміи, а теперь взятыми оттуда войсками поддерживаютъ свои европейскія арміи, чѣмъ, если не исключительно, то въ значительной мѣрѣ, объясняются какъ наши неудачи подъ Карсомъ, такъ и затрудненія, встрѣтившіяся въ Болгаріи. Соединяя все это вмѣстѣ, мы не слишкомъ высоко оцѣнимъ услугу, оказываемую Турціи ея флотомъ, уравнивъ дѣйствіе его стотысячной арміи. Слѣдовательно, сложивъ то, чего насъ лишаетъ неимѣніе флота на Черномъ морѣ, съ тѣмъ, что приносятъ Туркамъ ихъ преобладаніе на морѣ, мы можемъ не опасаться упрека въ преувеличеніи, признавъ за равнодѣйствующее этой суммѣ ихъ выгодъ и нашихъ невыгодъ—армію въ 250.000 человекъ. Представимъ же себѣ, какой видъ получила бы война, если бы, безъ новыхъ мобилизацій и наборовъ, съ самаго начала мы располагали бы лишними 250.000 на Дунаѣ и на Евфратѣ. Оставляя самое широкое поле разнымъ стратегическимъ и тактическимъ ошибкамъ, мы все-таки, по меньшей мѣрѣ, стояли бы уже подъ Константинополемъ и владѣли бы Карсомъ, Батумомъ и Эрзерумомъ. Невольно приходятъ на умъ слова Татьяны Онѣгиной: „А счастье было такъ возможно!“

Съ 1871 года возвратили мы себѣ право держать флотъ на Черномъ морѣ. Если не доставало текущихъ средствъ на постройку его, не могли мы развѣ сдѣлать займа въ 30 или 40 милліоновъ и имѣть на Черномъ морѣ 20 или 25 первоклассныхъ броненосцевъ? Не говоря о сохраненныхъ человѣческихъ жизняхъ, развѣ сорокъ милліоновъ экономіи они бы намъ доставили? Я скорѣе склоненъ думать, что четыреста, и то считая лишь одни прямые расходы и не принимая въ расчетъ косвенныхъ выгодъ отъ быстрого и блистательнаго хода войны. Вмѣсто двадцати или двадцати пяти броненосцевъ у насъ двѣ поповки, имѣющія, кромѣ всѣхъ своихъ отрицательныхъ достоинствъ, ту удивительную спеціальность, что способны лишь къ защитѣ того, что не требуетъ съ ихъ стороны никакой защиты, какъ-то Керченскаго пролива, входа въ Днѣпровскій лиманъ, Севастополя и Одессы, ибо торпеды и бе-

реговья укрѣпленія удовлетворяютъ этой цѣли по меньшей мѣрѣ столь же хорошо и гораздо дешевле.

Вотъ къ какимъ результатамъ приводитъ насъ оцѣнка того вліянія, которое имѣетъ для насъ господство враждебнаго намъ флота на Черномъ морѣ. Оно равняется 250.000 арміи въ войнѣ противъ Турціи. Едва ли можно его цѣнить ниже въ случаѣ войны съ Англіей и особенно съ Франціей, которыя, при ихъ огромныхъ морскихъ средствахъ, всегда могутъ получить господствующее положеніе въ Черномъ морѣ, при условіи свободнаго плаванія по проливамъ. Огромныя русскія арміи были бы нейтрализованы сильнымъ непріятельскимъ флотомъ при содѣйствіи незначительнаго корпуса, предназначеннаго для десантовъ.

Даже относительно Испаніи, войну съ которой, по крайней мѣрѣ въ формѣ единоборства, конечно трудно предположить, нашъ будущій черноморскій флотъ едва ли могъ бы рассчитывать на положительный перевѣсъ. Въ случаѣ войны съ Австріей, мы могли бы правда рассчитывать на такой перевѣсъ; но самая незначительность австрійскаго побережья чрезвычайно ограничиваетъ тѣ выгоды, которыя могло бы намъ доставить право свободнаго выхода изъ Чернаго моря нашего флота, и то лишь, если бы Австрія выступила противъ насъ безъ союза съ сильною морскою державой, что также мало вѣроятно. Такимъ образомъ, при невозможности доставить нашему черноморскому флоту такой силы, которая обезпечивала бы за нимъ положительный перевѣсъ надъ флотами сильныхъ морскихъ державъ, — свободное плаваніе по проливамъ, въ большинствѣ случаевъ, было бы для насъ рѣшительно невыгоднымъ и имѣло бы своимъ результатомъ отвлечение значительной сухопутной арміи единственно для охраны нашихъ черноморскихъ береговъ.

Если Босфоръ и Дарданелы составляютъ ворота въ нашъ домъ, то выгоднымъ для насъ можетъ считаться только то положеніе, когда мы имѣемъ ключъ отъ этихъ воротъ въ своемъ карманѣ, а не то, когда эти ворота будутъ постоянно настежь отверены для друга и недруга. Могутъ намъ конечно возразить, по видимому съ нѣкоторою основательностью, что свободное плаваніе есть общее правило, отъ котораго мы не имѣемъ права уклоняться, и должны, какъ и всѣ, подчиняться проистекающимъ изъ него выгодамъ и невыгодамъ. Не приступая пока къ разбору этого общаго правила, допустимъ, что, скрѣпя сердце, еще можно бы было согласиться

съ его требованіями, еслибъ такое выгодное для насъ положеніе изстари существовало, и отъ насъ бы стали требовать, чтобы мы его не измѣняли, не взирая на достигнутый военный успѣхъ. Но совершенно иное дѣло,—вслѣдствіе именно этого нашего военного успѣха, измѣнять существующее положеніе дѣла, имѣющаго правда и невыгодныя для насъ стороны, на другое, несравненно невыгоднѣйшее. Входя въ Балтійское море также образуютъ проливы, хотя конечно и далеко не такіе длинные, узкіе и удобные къ защитѣ, какъ Босфоръ и Дарданелы; но эти проливы издавна считаются свободными для прохода военныхъ судовъ (хотя недавно только стали совершенно свободными для кораблей торговыхъ, выкупомъ Зундской пошлины); и понятно, что если бы, въ случаѣ успѣшной войны, Россія потребовала отъ Даніи запрещенія прохода по Зунду и Бельтамъ военныхъ кораблей; то другія державы этому бы воспротивились, считая требованіе Россіи нарушающимъ свободу, которою уже пользовалось Балтійское море. Но турецкіе проливы находятся въ совершенно иномъ положеніи. Издавна запрещены они для всѣхъ военныхъ флотовъ, кромѣ турецкаго. Съ какой же стати требовать Россіи, въ видѣ одного изъ вознагражденій за веденную съ большими усиліями и жертвами войну, такого измѣненія въ существующемъ положеніи вещей, которое очевидно клонится къ ея собственной невыгодѣ, въ гораздо болѣе степени, чѣмъ къ невыгодѣ Турціи, которая, будучи обладательницею проливовъ, конечно запретъ ихъ, не взирая ни на какіе трактаты, въ случаѣ войны съ какимъ бы то ни было государствомъ? Изъ доселѣ сказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что каково бы ни было общее правило о свободѣ морей, оно очевидно въ настоящемъ случаѣ не можетъ относиться къ Россіи. Въ мирномъ трактатѣ, ею предписываемомъ, она, внѣ всякаго сомнѣнія, по меньшей мѣрѣ имѣетъ право требовать, чтобы условія этого трактата не клонились явно къ ея вреду. Это тоже общее правило, изъ котораго даже невозможно представить себѣ исключенія. Посмотримъ, однако же, на вопросъ съ болѣе общей точки зрѣнія; посмотримъ, чего требуетъ общее правило о свободѣ морей, и какъ эти требованія относятся къ разсматриваемому случаю.

Всякое общее правило относится и къ общимъ случаямъ. Но Дарданелы и Босфоръ случаи въ высшей степени исключительные, почти единственные во всей топографіи морей земнаго шара. Оди-наково ли въ самомъ дѣлѣ положеніе страны, лежащей на откры-

томъ морѣ, и такой, доступъ къ которой возможенъ только черезъ узкій и длинный проливъ? Пусть, напримѣръ, французскій флотъ, выйдя изъ Шербурга, потерпитъ неудачу въ сраженіи съ англійскимъ, и обратный входъ въ гавань будетъ ему загражденъ. Развѣ онъ не имѣетъ возможности укрыться въ Брестѣ, въ Ларошели, въ Лоріанѣ или въ какомъ либо другомъ портѣ Атлантическаго океана, Ламанша, или Нѣмецкаго моря? Но русскому флоту, вышедшему изъ Дарданелъ, въ подобномъ случаѣ уже некуда было бы укрыться, если обратный входъ въ проливъ былъ бы ему прегражденъ. Эта невыгода зависитъ уже отъ самой сущности вещей, и ее никакимъ трактатомъ измѣнить невозможно. Но это еще не все. Между тѣмъ, какъ флотъ, блокирующій открытую гавань, принужденъ бываетъ бурями и непогодами временно прекращать блокаду, непріятельскій флотъ, сторожащій входъ въ Дарданеллы можетъ войти въ самый проливъ (предполагая плаваніе по немъ свободнымъ) и стоять тамъ въ совершенной безопасности и постоянно стеречь входъ въ него, а между тѣмъ другой флотъ войти въ Черное море и хозяйничать тамъ по произволу. Если, такимъ образомъ, оставить проливы незащищенными и свободными для плаванія всѣхъ военныхъ судовъ, то на практикѣ это будетъ равносильно запрещенію выхода русскому флоту изъ Чернаго моря, въ случаѣ войны съ сильною морскою державою, по причинѣ страшнаго риска, сопряженнаго съ выходомъ изъ него. Изъ одного этого соображенія уже слѣдуетъ, что случай внутренняго моря, выходъ изъ котораго возможенъ только черезъ узкій проливъ, не можетъ быть подведенъ подъ общее правило свободы морскаго плаванія, ибо государство, берега котораго омываются такими внутренними морями, принуждено бы было въ морской войнѣ ограничиться одною обороною, безъ всякой возможности наступательнаго дѣйствія. Если внутреннее море, имѣющее выходъ черезъ узкій проливъ, представляетъ, такимъ образомъ, большія невыгоды, которыя, въ случаѣ свободнаго для всѣхъ плаванія по этимъ проливамъ, ничѣмъ не вознаграждаются, то справедливость требуетъ, чтобы эти невыгоды были уравновѣшены, а это возможно лишь въ томъ случаѣ, если свобода входа и выхода черезъ проливы будетъ принадлежать не всѣмъ вообще государствамъ, а только тѣмъ, берега которыхъ прилегаютъ къ внутреннему морю.

Но существуетъ-ли, полно, и само общее правило свободы плаванія по морямъ въ примѣненіи къ настоящему случаю? Изъ чего

истекають въ самомъ дѣлѣ эти общія правила, которыми руководствуются при рѣшеніи вопросовъ международнаго права? Такихъ источниковъ только два: обычаи, установленные трактатами или долговременною практикою, подъ которые подводятся и новые случаи; или, за неимѣніемъ таковыхъ, основанныя на здоровомъ смыслѣ и справедливости разсужденія. Чтò же говорятъ въ настоящемъ случаѣ эти освященные трактатами и практикою обычаи? Правда, свобода плаванія по морямъ установлена послѣ долгихъ пререканій и войнъ преимущественно противъ Испаніи, защищавшей противуположный принципъ, и считавшей своею исключительною собственностью открытія ея воды Америки. Однако же, изъ этого правила сдѣлано исключеніе, по которому прибрежная полоса въ 3 морскихъ мили ($5\frac{1}{2}$ верстъ) шириною считается принадлежащею тому государству, чьи берега оно омываетъ. Дарданелы и Босфоръ оказались бы изъятými изъ общаго правила не только по факту, но и по праву.

Но проливы, будучи входами, выходами или проходами изъ однихъ морей или частей морей въ другія, имѣють особенную важность, и потому для нихъ, можетъ быть, существуютъ особыя общеустановленныя правила? Въ разсматриваемомъ нами отношеніи проливы раздѣляются самымъ естественнымъ образомъ на три слѣдующіе разряда. Одни лежатъ между не слишкомъ большими островами и материками или между двумя островами, какъ на примѣръ проливы: Мессинскій, Святаго Бонифація и т. п. Они могутъ быть всегда легко обойдены, и потому на практикѣ и не представляется надобности устанавливать для нихъ какихъ-либо особыхъ правилъ; и если въ подобныхъ проливахъ и были бы возведены укрѣпленія, то они имѣли бы значеніе защиты какого либо особаго пункта, а не прегражденіе прохода черезъ нихъ, чтò не имѣло бы смысла.

Другіе проливы, составляющіе единственный проходъ изъ моря въ море, хотя и не могутъ быть обойдены, но столь широки, что не могутъ быть заграждены береговыми укрѣпленіями; таковы, на примѣръ, проливы: Гибралтарскій, про который напрасно думаютъ что черезъ него можетъ быть прегражденъ входъ въ Средиземное море, Отравтскій, Бабъ-Эль-Мандебскій и т. п. Они, по самому существу дѣла, выгораживаются изъ нашего разсужденія. Если ихъ нельзя преградить, то само собою разумѣется, что и плаваніе по нимъ свободно, какъ и по открытымъ морямъ.

Наконецъ, къ третьему разряду проливовъ принадлежатъ тѣ, которые не могутъ быть обойдены, и притомъ столь узки, что проходить чрезъ нихъ можетъ быть прегражденъ. Но такихъ проливовъ на земномъ шарѣ только двѣ группы: одна составляющая входъ въ Балтійское море, а другая — въ Черное. Относительно первой группы издавна установился принципъ свободного плаванія военныхъ кораблей. Относительно второй группы утвердился принципъ діаметрально противоположный. Проходить чрезъ проливъ запрещено, какъ въ мирное, такъ и въ военное время военнымъ кораблямъ всѣхъ націй, кромѣ самой Турціи, владѣющей обѣими берегами проливовъ, и ея союзниковъ. Когда всего на всего существуютъ только два случая, рѣшенные въ противоположныхъ смыслахъ; то очевидно, что изъ этого нельзя извлечь никакого общаго правила, и одинъ нихъ не можетъ служить юридическимъ прецедентомъ для другаго; слѣдовательно, за неимѣніемъ обычаевъ освященныхъ трактатами или долговременною практикою, ничего не остается, какъ обратиться къ разсужденію, основанному на справедливости и здравомъ смыслѣ.

Будемъ разсуждать методически, постепенно восходя отъ простаго къ болѣе сложному. За точку исхода возьмемъ случай возможно простѣйшій. Море окружено владѣніями одного государства, которому принадлежатъ оба берега ведущаго въ него пролива. Этотъ случай представляетъ намъ Азовское море и Керченскій проливъ. Тутъ дѣло совершенно ясно. Владѣющее моремъ и проливомъ государство имѣетъ полное и неоспоримое право запрещать въ него входъ военнымъ кораблямъ всѣхъ націй, такъ какъ военные корабли, входя въ этотъ проливъ, не могутъ имѣть иныхъ цѣлей, кромѣ враждебныхъ, защищаться отъ которыхъ не можетъ быть возбранено самостоятельному государству. Такъ, даже Парижскій трактатъ 1856 года не могъ отнять у насъ право укрѣпить Керченскій проливъ.

Этотъ случай, представляемый Азовскимъ моремъ, соблазняетъ меня сдѣлать небольшое отступленіе отъ хода настоящаго разсужденія. Азовское море не всегда было моремъ замкнутымъ, глухимъ тушикомъ, какъ теперь. Нѣсколько десятковъ тысячъ, а можетъ быть только нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, оно соединялось посредствомъ Манычскаго пролива съ Каспійскимъ моремъ, не всѣ берега котораго принадлежатъ теперь Россіи, а частью и Персіи. Если бы въ то отдаленное время существовали нынѣшнія поли-

тическія отношенія, и въ теперешнее время тѣ давнія топографическія условія; то какъ взглянули бы мы на требованіе посторонними государствами свободнаго плаванія по Керченскому и Манычскому проливамъ, дабы имѣть возможность, при удобномъ случаѣ, нападать на персидскіе берега? Какъ показались бы намъ, въ особенности, персидскіе политики, которые, послѣ побѣдоносной войны (преимущественно сухопутной) съ Россією, вздумали бы отъ насъ требовать прохода по Керченскому и Манычскому проливамъ, не для своего флота, а для военныхъ флотовъ всѣхъ государствъ, дабы предоставить имъ этимъ возможность, при случаѣ, бомбардировать Энзели и Астрабадъ, въ той весьма слабой надеждѣ, что и Персія когда нибудь удастся соорудить флотъ столь могущественный, чтобы бомбардировать Брестъ, Шербургъ, Плимутъ или Портсмутъ? Но возвратимся къ нашему разсужденію.

Второй по простотѣ случай, для котораго, къ сожалѣнію, мы не можемъ привести фактическаго примѣра, былъ бы тотъ, что внутреннее море окружено владѣніями двухъ государствъ, каждое изъ которыхъ владѣетъ и однимъ берегомъ ведущаго въ него пролива. Безъ сомнѣнія, эти государства, если политика ихъ не лишена здраваго смысла, очень скоро пришли бы къ такому соглашенію, что если, при мирѣ между ними, одному изъ нихъ придется вести войну съ третьимъ постороннимъ государствомъ; то общими силами закрыть тому третьему проходъ черезъ обща-принадлежащій имъ проливъ, сохранивъ для себя свободный входъ и выходъ. Всякое другое рѣшеніе было бы очевидно столь же противно ихъ выгодамъ, какъ и здравому смыслу. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ входить флотамъ постороннихъ государствъ въ это внутреннее море, какъ не для нанесенія вреда одному изъ прибрежныхъ владѣльцевъ? Въ договорѣ, обезпечивающемъ ихъ отъ такого возможнаго вреда, не возможно найти ничего противнаго справедливости. Прибрежнымъ владѣльцамъ выгодно, а изъ постороннихъ никому не обидно.

Третій по простотѣ своей случай представляется именно Чернымъ моремъ съ его проливами. Берегъ его принадлежитъ двумъ государствамъ, а оба берега выводящихъ проливовъ только одному изъ нихъ. Интересы обоихъ государствъ въ этомъ случаѣ тѣ же, что и во второмъ, но средства къ обезпеченію ихъ попали цѣликомъ въ руки лишь одного изъ нихъ. Конечно оно и пользуется своимъ положеніемъ, сообразно съ своими выгодами, хотя бы то было и вопреки справедливости. Другому ничего не остается, какъ терпѣть

эту несправедливость, пока не получить возможности устроить дѣло такъ, какъ во второмъ случаѣ, то есть выговорить себѣ, если не дѣйствительное владѣніе однимъ изъ береговъ проливовъ, то по крайней мѣрѣ такое же обезпеченіе своихъ прибрежій, какое доставило бы ему дѣйствительное владѣніе; это было бы для обѣихъ сторонъ выгодно, по отношенію къ обѣимъ справедливо и никому изъ постороннихъ не обидно. Конечно выговоренное договоромъ право не равняется фактическому владѣнію уже потому, что, въ случаѣ войны между самими прибрежными государствами, оно нарушается, и власть преградить входъ и выходъ черезъ проливъ очутится опять въ рукахъ того, кому принадлежать оба берега. Но съ этимъ неизбѣжнымъ зломъ надо примириться до тѣхъ поръ, пока берега проливовъ останутся во власти Турціи, зломъ все таки несравненно меньшимъ, чѣмъ свободное плаваніе черезъ проливы. Такъ или почти такъ и было улажено дѣло Хункиарь-Скелесскимъ договоромъ, возбудившемъ такое негодованіе англичанъ, хотя и трудно понять, на какомъ разумномъ основаніи.

Впрочемъ, исключительная власть Турціи надъ проливами имѣла, вначалѣ полное основаніе, такъ какъ было время, когда всѣ берега Чернаго и даже Азовскаго моря принадлежали одной Турціи, и оно было внутреннимъ Турецкимъ моремъ. Только когда значительная часть береговъ его перешла подъ власть Россіи, исключительная власть Турціи надъ проливами стала тягостною для Россіи, дѣлая ее неполноправнымъ хозяиномъ своихъ береговъ. Мало по малу неполноправность эта исчезала. Кучукъ-Кайнарджискимъ миромъ она была устранена относительно торговаго плаванія, а Хункиарь-Скелесскимъ договоромъ и относительно военныхъ судовъ. Очевидно, слѣдовательно, что Россія имѣетъ полное основаніе добиваться равноправности, если не во владѣніи, то въ пользованіи проливами. Она должна быть вмѣстѣ съ Турціею полнымъ хозяиномъ въ морѣ омывающемъ ихъ берега. Это есть, такъ сказать, естественное и необходимое дополненіе къ тѣмъ мирнымъ договорамъ, по которымъ сѣверное и восточное побережье Чернаго моря перешло къ Россіи.

Съ русской точки зрѣнія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и точка зрѣнія здраваго смысла и справедливости, вопросъ о проливахъ можетъ имѣть только два рѣшенія. Одно—полное и окончательное, соотвѣтствующее полному окончательному рѣшенію восточнаго вопроса; другое—временное, предварительное, соотвѣтствующее част-

ному его рѣшенію, именно тому, котораго мы можемъ разумно ожидать отъ настоящей войны. Первое рѣшеніе, предполагающее уничтоженіе Турецкаго владычества въ Европѣ, должно передать проливы, если и не въ непосредственное владѣніе Россіи, то въ посредственное, какъ первенствующаго члена Славянскаго, или, точнѣе и полнѣе, Восточно-христіанскаго союза. Второе, оставляя оба берега проливовъ во власти Турціи, предоставляетъ военнымъ флотамъ одной Россіи право свободнаго черезъ нихъ входа и выхода. Впрочемъ, для этого собственно нѣтъ нужды ни въ какомъ спеціальному договорѣ. Вопросъ о проливахъ рѣшится самъ собою въ надлежащемъ смыслѣ, при томъ подчиненіи Турціи преобладающему вліянію Россіи, которое будетъ необходимымъ слѣдствіемъ успѣшности настоящей войны, условія которой изложены мною въ первой статьѣ. (См. выше, стр. 31-41).

Такимъ представляется это дѣло съ Русской точки зрѣнія; но таково-ли оно съ точки зрѣнія Европейской? Не противоположны ли въ этомъ вопросѣ Европейскіе интересы интересамъ Русскимъ, я разумѣю конечно интересы законные, имѣющіе основаніе въ здоровомъ смыслѣ и справедливости? При томъ положеніи, которое съ самаго начала заняла Европа относительно Русско-Турецкой распри, при сочувствіи, оказываемомъ большинствомъ ея Турціи, несмотря на всѣ творимые ею ужасы, при тѣхъ помѣхахъ и препятствіяхъ, которыя Россія встрѣтила во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, ей, собственно говоря, нечего было бы и обращать вниманіе на Европейскіе интересы; но станемъ, тѣмъ не менѣе, на совершенно безпристрастную точку зрѣнія и посмотримъ, какимъ дѣйствительнымъ Европейскимъ интересамъ можетъ вредить не только раздѣляемое съ Турціею обладаніе проливами, но даже и исключительная, полная власть надъ ними Россіи?

Здѣсь должны мы сдѣлать одно, весьма существенное для всѣхъ подобнаго рода вопросовъ, различеніе политическихъ интересовъ на прямые и косвенные. Вмѣсто того, чтобы вдаваться въ отвѣченные опредѣленія и разсужденія о томъ значеніи, которое мы придаемъ этимъ терминамъ, представимъ нѣсколькихъ примѣровъ, изъ которыхъ это значеніе само собою выяснится:

Во время войны за Испанское наслѣдство, Англія захватила Гибралтаръ. Никакихъ владѣній на островахъ, или по берегамъ Средиземнаго моря, которыя могли требовать точки опоры для ихъ охраны, она тогда еще не имѣла. Путь въ Индію не пролегалъ

еще по Суэцскому каналу, да и самыя владѣнія Англичанъ, то есть, собственно говоря, частной Англійской торговой Компаніи, въ Индіи были еще ничтожны. Слѣдовательно, единственною цѣлью этого захвата могло быть только наблюденіе за державами прилегающими къ Средиземному морю, пріобрѣтеніе точки опоры на случай войны съ которою либо изъ нихъ, полученіе средствъ распространять свое вліяніе на обширное море, совершенно чуждое для Англіи. Этимъ слѣдовательно были нарушены прямыя интересы Франціи, Итальянскихъ государствъ и вообще всѣхъ державъ прилегающихъ къ Средиземному морю. Совершенно тоже самое можно замѣтить и о захватѣ острова Мальты. Допустимъ, что какое нибудь сильное морское государство, Англія, Франція, или Соединенные Штаты, ведя войну съ Даніею и побѣдивъ ее, выговорило бы себѣ обладаніе островомъ Борнгольмомъ, лежащимъ близъ входа въ Балтійское море, въ которомъ ни одно изъ этихъ государствъ не имѣетъ никакихъ прибрежныхъ владѣній, и вообще никакихъ спеціальныхъ интересовъ, которые требовали бы спеціальной охраны. Очевидно, что этимъ нарушены бы были прямыя интересы Пруссіи, Россіи и Швеціи. Но если бы этимъ же островомъ овладѣла одна изъ прибрежныхъ державъ, напримѣръ Швеція; то, хотя это могло бы быть весьма предосудительнымъ актомъ въ другихъ отношеніяхъ, ни Россія, ни Пруссія не имѣли бы, собственно говоря, основаній жаловаться на нарушеніе ихъ прямыхъ интересовъ, такъ какъ Швеція не пріобрѣла бы въ сущности никакой новой точки опоры для наступательныхъ цѣлей, такой, которой не могла имѣть и прежде.

Или, пусть при войнѣ съ Турціей, какъ напримѣръ теперь, Россія овладѣла бы Суэцскимъ каналомъ; это конечно нарушило бы прямыя интересы Англіи, ибо дало бы Россіи возможность, въ случаѣ нападенія на Индію, преградить ближайшій путь англійскимъ военнымъ и транспортнымъ судамъ, спѣшащимъ на помощь своей колоніи. Также точно, если бы Англія, вслѣдствіи войны съ Турціею, или просто по взаимному съ ней соглашенію, завладѣла полуостровомъ Галлиполи, или островомъ Тенедосомъ, она нарушила бы прямыя интересы Россіи, ибо получила бы этимъ новую возможность непосредственно вредить интересамъ Россіи, запирая для насъ выходъ изъ Чернаго моря, и открывая себѣ входъ въ него.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что нарушающими прямыя интересы державъ, ненаходящихся между собою въ войнѣ, должно считать такія пріобрѣтенія, или вообще такія статьи договора съ

третьею державою, которыя соединяють въ себѣ слѣдующія условія: 1) если они даютъ одному государству новую точку опоры, новую возможность для непосредственнаго вреда; 2) если при этомъ это новое приобрѣтеніе измѣняетъ положеніе одного государства въ ущербъ другому (съ нимъ не воевавшего) и 3) если это приобрѣтеніе не оправдывается необходимостью обороны, или вообще законными и естественными интересами государства, дѣлающаго территориальное приобрѣтеніе, или выговаривающаго себѣ новое право по мирному договору.

Что касается до косвенныхъ интересовъ, то трудно придумать такую статью договора, въ чемъ либо измѣняющую прежнее политическое отношеніе двухъ государствъ, которая не вредила бы косвеннымъ интересамъ какаго либо третьяго государства: Пруссія устраняетъ Австрію изъ Германскаго союза и тѣмъ вводитъ единство въ Германію, разъединенную до тѣхъ поръ соперничествомъ двухъ преобладающихъ въ ней державъ. Этимъ образуется на границахъ Франціи могущественное государство, что конечно вредитъ ея интересамъ. Но Пруссія удовлетворяетъ этимъ естественному и законному стремленію германской націи, и слѣдовательно тутъ нѣтъ прямаго нарушенія французскихъ интересовъ. Италія объединяется. Интересы Франціи и Австріи въ извѣстной мѣрѣ этимъ нарушаются. Усиленная Италія можетъ потребовать тѣхъ итальянскихъ областей, которыя еще принадлежатъ Франціи (Ница и Корсика) и Австріи (Итальянскій Тироль). Но Италія имѣла несомнѣнное право образовать изъ себя единое національное государство; возможный отъ этого ущербъ французскимъ и австрійскимъ интересамъ есть только случайное, косвенное послѣдствіе достиженія исполнѣ законной цѣли, и никто не имѣетъ права на это жаловаться. Сначала Пруссія и Австрія, а окончательно уже одна Пруссія приобрѣтаетъ отъ Даніи Гольштейнъ и Шлезвигъ. Это можно пожалуй считать несправедливымъ и противнымъ народному праву по разнымъ соображеніямъ, но нарушенія прямыхъ интересовъ Россіи и Швеціи тутъ нельзя усмотрѣть, потому что Пруссія этимъ не приобрѣла ничего такого, что давало бы ей новую возможность дѣйствовать наступательно противъ этихъ двухъ государствъ на Балтійскомъ морѣ.

Даже чисто внутреннія распоряженія одного государства, или мирныя предпріятія, могутъ весьма существеннымъ образомъ косвенно нарушать интересы другихъ государствъ. Пруссія вводитъ

у себя общую воинскую повинность. Это принуждает и другія государства принять и у себя эту мѣру и тѣмъ накладываетъ на нихъ новую тягость.—Россія проводитъ желѣзную дорогу въ глубь Средней Азіи, или пускаетъ Аму-Дарью по прежнему ея руслу въ Каспійское море. Это увеличиваетъ опасность русскаго нападенія на Индію.—Лессепсъ прорываетъ Суэцскій каналъ. Этимъ путемъ Англія можетъ быстрѣ доставлять войска и военные снаряды въ Индію. Этимъ, слѣдовательно, увеличиваются ея средства нападенія на русскія среднеазиатскія владѣнія. — Мало того, Америка безспорно считается Англіею за опаснаго соперника. Чѣмъ сильнѣе будетъ возрастать населеніе Штатовъ, тѣмъ они будутъ становиться могущественнѣе и соперничество ихъ опаснѣе. Слѣдовательно, переселеніе, массами идущее изъ Европы въ Америку, можетъ быть сочтено Англіею за косвенное нарушеніе ея интересовъ.

Изъ этихъ примѣровъ ясно, что нарушеніе косвенныхъ интересовъ не можетъ считаться достаточнымъ и законнымъ поводомъ со стороны нейтральныхъ государствъ, для противодѣйствія пріобрѣтенію какихъ либо выгодъ одною изъ воюющихъ державъ отъ другой.—Посмотримъ же, чьи прямые интересы (ибо на косвенные мы имѣемъ право не обращать никакого вниманія) нарушаются, если Россія пріобрѣтетъ отъ Турціи исключительное право на свободный проходъ ея военныхъ судовъ черезъ проливы въ Черное и изъ Чернаго моря, на которые имѣетъ самое естественное и очевидное право, такъ же точно, какъ и сама Турція, и кромѣ ихъ никто болѣе. Дѣйствительно, съ правомъ свободного прохода черезъ проливъ, Россія получитъ возможность нападать своимъ Черноморскимъ флотомъ на государства, омываемыя Средиземнымъ моремъ. Нерѣдко случалось намъ читать, что Средиземное море должно сдѣлаться Французскимъ озеромъ; правда, мы не читали того, чтобы оно должно было сдѣлаться Англійскимъ озеромъ, но не полагаю, чтобы ошиблись, думая, что таково именно мнѣніе большинства англійскихъ политиковъ. Съ другой стороны, никому не придетъ въ голову, чтобы Россія когда нибудь сказала, что Средиземное море должно сдѣлаться Русскимъ озеромъ. Слѣдовательно, всѣмъ тѣмъ, для кого не желательно, чтобы Средиземное море обратилось въ Французское или Англійское озеро (послѣднее конечно вѣроятнѣе), должно быть выгодно, что и Россія получить возможность этому препятствовать и съ своей стороны. Тамъ, гдѣ уже столько хозяевъ, новый участникъ можетъ для

каждаго изъ нихъ явиться съ такимъ же точно вѣроятіемъ союзникомъ, какъ и врагомъ; для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напирмѣръ для Италіи и Испаніи, такой союзъ даже гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ враждебное отношеніе. Относительно Австріи можно еще сказать, что обладаніе проливами, хотя бы только совмѣстное съ Турціей, даетъ Россіи возможность вредить ея интересамъ, ибо Дунай составляетъ для нея весьма важный торговый путь. Но построй только Россія достаточный флотъ въ Черномъ морѣ, она и безъ всякой власти надъ проливами имѣетъ полную возможность блокировать устья Дуная, и самое полное обладаніе проливами ей никакой силы въ этомъ отношеніи не прибавитъ. Остается Англія, которая по своему морскому могуществу не станетъ нуждаться въ содѣйствіи русскаго флота. Но, не говоря уже о незаконности всѣхъ англійскихъ владѣній въ Средиземномъ морѣ, которыя составляютъ не только нарушеніе прямыхъ интересовъ всѣхъ прибрежныхъ государствъ, но и самыхъ существенныхъ правъ Испаніи и Италіи (Гибралтаръ и Мальта), — пріобрѣтеніе Россією права свободного прохода черезъ Босфоръ и Дарданелы будетъ только справедливымъ вознагражденіемъ за тѣ удобства быстрѣйшаго сообщенія съ Индіей, которыя получила Англія въ Суэцкомъ каналѣ. Вѣдь и въ настоящую войну говорили о приготовленіяхъ Англіи послать на театръ военныхъ дѣйствій ея индійскія войска на помощь Турціи. Неужели же справедливо, законно и не нарушаетъ ничьихъ интересовъ только то, что даетъ новую возможность, новую точку опоры для нападенія на Россію; а напротивъ того, все, что усиливаетъ ея оборону, то несправедливо, незаконно и нарушаетъ общіе интересы?

И такъ, съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣло, все же оказывается, что, пока Турція существуетъ, совмѣстное съ Турціей владѣніе проливами Россіи не нарушаетъ никакихъ прямыхъ интересовъ, уже по одному тому, что составляетъ естественное послѣдствіе обладанія Россією большей частью береговъ Чернаго моря. Это есть необходимое послѣдствіе происшедшихъ въ теченіи столѣтій перемѣнъ, по которымъ берега Чернаго моря изъ исключительнаго владѣнія Турціи перешли значительною долею во владѣніе Россіи. Напротивъ того, свободное плаваніе (для военныхъ судовъ) по проливамъ есть нарушеніе самыхъ прямыхъ интересовъ Россіи, потому что, для державъ, неимѣющихъ въ Черномъ морѣ никакихъ владѣній, а слѣдовательно и никакихъ оборонительныхъ

интересовъ, оно имѣетъ лишь интересъ чисто наступательный. дать имъ новое средство нападать на Россію и ничего кромѣ этого, измѣнить нынѣ существующія политическія отношенія къ явной невыгодѣ Россіи. Однимъ словомъ, право свободного выхода изъ Чернаго моря русскимъ военнымъ судамъ есть право выхода изъ своего внутренняго двора на вольный Божій свѣтъ; право свободного входа въ Черное море для военныхъ судовъ всѣхъ прочихъ державъ есть право врываться въ нашъ дворъ и домъ единственно для грабежа.

4.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(Русский міръ, 1877, 11 и 12 ноября, №№ 308 и 309).

Въ виду отчаяннаго и сильнаго сопротивленія турокъ, въ виду новыхъ ужасовъ постигшихъ Болгарію и Арменію, въ виду усиленныхъ средствъ и усилій потребовавшихся со стороны Россіи, весьма естественно является желаніе болѣе радикальнаго рѣшенія вопроса, чѣмъ то, которымъ можно было бы удовольствоваться при легкомъ успѣхѣ, и при болѣе разумномъ и человѣческомъ образѣ дѣйствій Турціи. Слышатся голоса о совершенномъ изгнаніи турокъ изъ Европы. Замѣнить власть ихъ на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова не представляетъ особенно трудной задачи. Румелія и Македонія легко могутъ быть раздѣлены между имѣющими на нихъ право народности: болгарами и греками. Вся трудность задачи заключается въ проливахъ и въ самомъ Константинополѣ съ его ближайшими окрестностями. О проливахъ говорено въ предыдущей статьѣ, въ которой, кажется мнѣ, ясно показано, что не можетъ быть худшей для интересовъ Россіи комбинаціи, какъ такъ называемое свободное плаваніе по проливамъ: комбинація, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и несправедлива, и противна здравому смыслу съ общей теоретической точки зрѣнія. Вполнѣ соответствуетъ ей объявленіе Константинополя вольнымъ нейтральнымъ городомъ. Оба эти предположенія вяжутся между собою, одно составляетъ какъ бы дополненіе другому, и одно то, что Константинополь-вольный городъ необходимо предполагаетъ нейтрализацію проливовъ или свободное по нимъ плаваніе, такъ какъ защищать, заперать и открывать ихъ будетъ некому, было бы уже вполнѣ достаточно, чтобы заставить отвергнуть это предложеніе въ интересахъ Россіи. Но оставимъ въ сторонѣ, какъ уже достаточно разобранное, это не-

обходимое слѣдствіе объявленія Константинополя вольнымъ городомъ и рассмотримъ его само въ себѣ.

Не надо особой проницательности, чтобы представить себѣ довольно ясно и отчетливо характеристическія черты этого будущаго измышленія дипломатіи. Константинополь—вольный городъ будетъ городомъ въ полномъ смыслѣ космополитическимъ, по той весьма простой причинѣ, что, съ упраздненіемъ турецкой власти, исчезнетъ и тотъ восточный, турецкій колоритъ, который облакаетъ теперь этотъ городъ какимъ-то призракомъ національности, а иной національной основы, которая могла бы наложить на него свою печать, въ немъ нѣтъ и не откуда ей взяться.

Въ моихъ глазахъ, этотъ несомнѣнный космополитизмъ Константинополя-вольнаго города есть уже полный и безусловный надъ нимъ приговоръ. Что не національно, то не имѣетъ права на существованіе въ политическомъ мірѣ. Но, къ сожалѣнію, въ глазахъ многихъ космополитизмъ этотъ будетъ напротивъ того считаться величайшимъ достоинствомъ, штемпелемъ прогресса, причиной желательности такого явленія. Раскроемъ же съ нѣкоторою подробностью черты этого космополитизма, которыя неминуемо определятъ собою характеръ Константинополя, провозглашеннаго вольнымъ городомъ.

Начнемъ съ его единственнаго туземнаго элемента, который останется ему въ наслѣдство отъ теперешняго порядка вещей. Это фанариотство. Дружественно ли оно расположено въ Россіи и къ Славянству? — Это мы видимъ изъ теперешняго образа дѣйствій Константинопольской Патріархіи. Говорятъ, что мы сами оттолкнули ее отъ себя одностороннимъ покровительствомъ Болгаръ въ ихъ распрѣ съ Греками. Охотно допускаемъ, что Болгары перешли надлежащую мѣру, что они (впрочемъ точно также, какъ и ихъ противники), призвали вмѣшательство мусульманской власти въ дѣла Православной Церкви, выговорили себѣ несогласное съ церковными канонами право имѣть самостоятельнаго главу своей церкви (оставшейся православной) въ томъ же городѣ, гдѣ находится кathedra Вселенскаго Патріарха (нарушеніе, которое легко устранимо перемѣщеніемъ Болгарскаго экзарха въ другой городъ, напримѣръ — Тырново). Но что же повело къ этому и въ чемъ собственно сущность дѣла? Не въ честолюбивыхъ ли притязаніяхъ Грековъ эллинизировать Болгаръ, введеніемъ въ ихъ церкви богослуженія на греческомъ языкѣ, замѣщеніемъ болгарскихъ архіерейскихъ ка-

едрѣ исключительно греками, распространеніемъ греческихъ школъ среди Болгарскихъ населеній? Не таже ли это вина, въ которой повинны и Мадьяры относительно Словаковъ, Русскихъ, Сербовъ, Румынъ въ Трансильваніи, или Поляки въ Галиціи, а прежде во всей западной Россіи? Не явно ли, что національное безпристрастіе которое должно бы руководить церковью, носящую названіе Вселенской, и которымъ въ прежнія времена она отличалась,—было принесено въ жертву узкимъ интересамъ эллинизма — такъ называемой „великой идеѣ“? Не отголосокъ ли это тѣхъ навѣянныхъ съ запада опасеній всепоглощающаго панславизма, которыя такъ распространились въ послѣднее время между Греками, и которыя дошли до того, что значительная часть эллинской интеллигенціи проповѣдывала союзъ съ Турціей противъ Россіи и Славянства? Чѣмъ объяснить разницу въ поведеніи теперешней Патріархіи сравнительно съ временами греческаго возстанія двадцатыхъ годовъ, (тогда героизмъ и мученичество, теперь низкопоклонство и наружно по крайней мѣрѣ выказываемое сочувствіе турецкому дѣлу). *какъ не враждебнымъ отношеніемъ къ Славянству?* Какъ бы то ни было, но не можетъ быть сомнѣнія, что Фанариоты будутъ дѣйствовать въ этомъ же духѣ честолюбиваго эллинскаго прозелитизма и въ вольномъ городѣ—Константинополѣ, только съ гораздо большею свободою и откровенностью. А этимъ развѣ не воспользуются съ своей стороны католичество и іезуитизмъ?

Искони ухищренія католицизма были направлены на Болгаръ, изъ-за которыхъ и возгорѣлся собственно споръ, поведшій къ раздѣленію церквей. Неужели столь тонко понимающее свои выгоды католическое духовенство не воспользуется національною враждою между Греками и Болгарами, чтобы обрабатывать ее въ свою выгоду, и не сдѣлаетъ вольнаго города Константинополя однимъ изъ центровъ іезуитскихъ интригъ и пропаганды? Не откроются ли здѣсь іезуитскія школы и не распространятся ли по лицу Болгаріи подъ предлогомъ оказанія помощи болгарской народности въ ея культурной борьбѣ съ эллинизмомъ? Не можетъ быть, чтобы столь дѣятельный въ послѣднее время ультрамонтанскій католицизмъ упустилъ сдѣлать изъ Константинополя могущественную точку опоры для борьбы съ Православіемъ.

Къ этимъ двумъ религіознымъ элементамъ не забудемъ присоединить и третій: многочисленныя миссіонерскія общества отъ разныхъ протестантскихъ сектъ, какъ европейскихъ, такъ еще

болѣе американскихъ. Не станетъ ли вольный городъ—Константинополь однимъ изъ центровъ ихъ проповѣднической, училищной дѣятельности среди Славянъ и въ особенности среди Болгаръ какъ ограбленнаго, разореннаго народа? При помощи благотворительности, не могутъ ли они надѣяться на значительный успѣхъ тамъ, гдѣ еще ничего не сложилось и по необходимости будетъ найдаться какъ бы въ состояніи броженія? Вотъ вкратцѣ религіозная сторона дѣла; посмотримъ на политическую.

Политическіе выходцы всѣхъ странъ, начиная отъ революціонныхъ агитаторовъ національных польскихъ и другихъ, до послѣдователей интернаціональнаго и демократическаго социализма не совьютъ ли своего гнѣзда въ вольномъ городѣ Константинополѣ? Для этого онъ будетъ предоставлять имъ всевозможныя удобства: во-первыхъ, не только полную безопасность отъ преслѣдованія разныхъ правительствъ, но и *покровительство* отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; во-вторыхъ, обширное новое, подъ руками находящееся, поле дѣйствія. Въ Англіи, въ Швейцаріи всѣ эти выходцы, — что они такое, какъ не чуждый, посторонній элементъ, который терпится по принципу, но вокругъ и выше котораго идетъ своя самостоятельная широкая политическая жизнь? Здѣсь они будутъ не только главнымъ, но единственнымъ носителемъ политической жизни. Какое откроется передъ ними поприще! На развалинахъ Турціи общество новое, неустроенное, неустоявшееся, такъ сказать еще безъ историческаго баланса. Если русское войско и русская власть останутся на нѣкоторое время въ болгарскихъ странахъ, для устройства ихъ, власть эта конечно принуждена будетъ противодѣйствовать злонамѣренной пропагандѣ, причемъ не обойдется безъ мѣръ строгости, можетъ быть суровости; а это будетъ выставляться, какъ угнетеніе свободы, какъ честолюбивый замыселъ подчинить себѣ освобожденную страну. Такъ называемая народная интеллигенція въ Болгаріи и въ другихъ странахъ Балканскаго полуострова, конечно еще находится не на ступени самостоятельности, а, какъ по большей части и у насъ еще, на ступени пассивной пріемлемости. Въ такой средѣ, всѣ крайнія радикальныя ученія, принимаемыя за послѣднее слово науки и прогресса, имѣютъ самую удобную почву для своего распространенія, столь же удобную, какъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ многовѣковая историческая жизнь поставила другъ противъ друга, въ ихъ непримиримомъ противорѣчій, противоположныя общественные инте-

ресы. Могущественнаго союзника найдуть эти ученія въ мелкомъ чувствѣ узкаго націонализма, къ которому также очень склонна *зарождающаяся, неустоявшаяся* интеллигенція у маленькихъ народовъ. Только въ такой развитой странѣ, какъ Чехія, богатой историческимъ опытомъ, видимъ мы, что высшіе общіе интересы славянскаго единства начинаютъ пониматься наравнѣ съ частными интересами Чешской народности. Въ средѣ совершенно неопытной, конечно, могутъ получить вѣру рѣчи такого рода: „Россія освободила васъ изъ видовъ своего честолюбія; какія страшныя раны заставила она васъ понести, но чтó ей до нихъ, лишь бы достигнуть своей цѣли. Просвѣщенная, гуманная Европа не менѣе Россіи сочувствовала вашимъ страданіямъ, но она любила васъ для васъ самихъ, а не для себя, и потому хотѣла дѣйствовать постепенно, не подвергая васъ ужасамъ турецкаго фанатизма. Турція согласилась на обширныя реформы, ввела парламентскую форму правленія. Въ началѣ это была бы конечно одна форма, но мы бы позаботились, чтобы форма обратилась въ дѣйствительность. Турки, неспособные къ просвѣщенію и прогрессу, не вынесли бы дыханія политической свободы, и вы бы сдѣлались прямыми, естественными ихъ наслѣдниками. Вотъ какой судьбы желали мы для васъ, и только честолюбіе и эгоизмъ Россіи, прикрытые маскою либерализма, подвергли васъ всѣмъ ужасамъ турецкаго мщенія...“ и такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Ни годъ тому назадъ, ни теперь никто этому не повѣрилъ бы; всякій бы отвѣчалъ, что не русское нападеніе, а англійская и австрійская явная и тайная помощь придали силу и дерзость турецкому звѣрству и фанатизму. Но черезъ нѣсколько лѣтъ этому легко могла бы повѣрить масса мелкой интеллигенціи, развращенная пропагандой. Со всѣмъ тѣмъ, мы не думаемъ, чтобы эта пропаганда имѣла рѣшительный успѣхъ; здравый инстинктъ народа съумѣетъ дать ей должный отпоръ; но однимъ изъ худшихъ ея результатовъ будетъ то, что святыя интересы Славянства, и теперь съ разныхъ сторонъ злонамѣренно и ехидно смѣшиваемые съ интересами демократической и соціальной революціи, въ глазахъ многихъ дѣйствительно съ ними отождествятся, и что по внѣшности этому будетъ дано достаточное оправданіе. Одно это заставляетъ уже предположить, что такая пропаганда изъ вольнаго города Константинополя получить самое усердное содѣйствіе съ разныхъ сторонъ, даже весьма консервативной наружности.

Но злонамѣренная пропаганда изъ вольнаго города Константинополя не ограничится одними балканскими Славянами. Какое мѣсто выбрали себѣ наши русскіе выходцы для центра своей дѣятельности? Не Америку, гдѣ имъ было бы всего льготнѣе и свободнѣе; даже не Англію, съ которою наши сношенія не особенно часты, а Швейцарію, куда ѣздитъ масса путешественниковъ, откуда слѣдовательно всего легче дѣйствовать на Россію. Но какое преимущество будетъ имѣть въ этомъ отношеніи вольный городъ Константинополь сравнительно съ Цюрихомъ, или Женевею! Какъ близко изъ него до Россіи сухимъ путемъ, а особенно моремъ! Всего 24 часа пути до Крыма, полтора сутокъ до Одессы, двое до Кавказа. Всякій пароходъ, всякое торговое судно, даже рыбацья лодка могутъ ввозить революціонныя газеты, брошюры, подметные листы, прокламаціи и ихъ распространителей. Конечно, и при этомъ не погибнетъ Россія, въ ней не произойдетъ государственнаго переворота,—но сколько смуть, сколько личныхъ и семейныхъ несчастій, сколько стѣсненій въ законной свободѣ будетъ имѣть это своимъ послѣдствіемъ!

Вольный городъ Константинополь будетъ центромъ религіозныхъ, политическихъ и революціонно-соціалистическихъ интригъ, заговоровъ и пропаганды, направленныхъ противъ Славянства и Россіи. Это первая, несомнѣнная его характеристическая черта.

Другую черту составитъ весьма обширная торговая и биржевая дѣятельность. Не собственно производительная проявится дѣятельность,—а то, что такъ хорошо характеризуется новымъ, недавно вошедшимъ въ употребленіе, заимствованнымъ изъ жидовскаго жаргона, словомъ — *гешефтъ*. Все биржевое, барышничашее, жидовствующее стечется сюда, ибо тутъ будетъ ему широкій просторъ и большая пожива. Городъ безъ сомнѣнія будетъ порто-франко, ибо нѣтъ никакой причины не предоставить ему самыхъ широкихъ правъ свободной торговли, такъ какъ ни въ городѣ, ни въ его округѣ не существуетъ промышленныхъ интересовъ, которые требовали бы таможенной охраны. При этихъ условіяхъ и одномъ изъ выгоднѣйшихъ въ мірѣ торговомъ положеніи — матеріальное богатство города широко разовьется, а при отсутствіи всякихъ высшихъ интересовъ—ибо откуда имъ взяться—оно, какъ всегда и вездѣ, произведетъ стремленіе къ роскоши, веселью, разгулу и разврату.

Развратъ востока и запада, развратъ нравственный и развратъ

умственный поладуть здѣсь другъ другу руку и такъ сказать помножатся другъ на друга. Прибавьте къ этому полное отсутствіе всякаго противувѣса, всякой охраны какъ извнутри, такъ и извнѣ.

Извнутри никакой почвы подъ ногами, ни религіозной, ни національной, ни охранительной силы историческихъ преданій. Полная и совершенная *tabula rasa*. Отсутствіе національнаго элемента ясно само по себѣ. Съ удаленіемъ наплывной оттоманской стихіи, не пустившей корней въ продолженіе слишкомъ четырехсотлѣтняго господства, останется лишь смѣшеніе языковъ. Но страннымъ можетъ показаться, что мы отрицаемъ даже присутствіе элемента религіознаго въ этой столицѣ православія. Конечно, было время, когда Константинополь былъ центромъ религіозной жизни для всего христіанства. Это было время Григоріевъ, Златоустовъ, время вселенскихъ соборовъ. Затѣмъ, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій Константинополь продолжалъ быть главнымъ охранителемъ православной истины. И этотъ интересъ въ душахъ и сердцахъ его населенія перевѣшивалъ всѣ другіе интересы, даже интересы независимаго политическаго существованія. Но съ Турецкимъ погромомъ это все перешло въ область преданія, исторіи. Въ настоящемъ видѣ своемъ Константинополь не имѣетъ даже значенія великаго памятника христіанской святыни, подобно Іерусалиму, или даже подобно Аѳону, нашему Киеву, Троицкой Лаврѣ. Онъ не привлекаетъ къ себѣ толпы поклонниковъ.

Нить исторической жизни тоже порвана. А великіе историческіе мертвецы также не оживаютъ, какъ и отдѣльные люди для продолженія ихъ прежней жизни. На старомъ, историческомъ пепелищѣ нерѣдко снова возжигается жизнь; но жизнь эта не продолженіе прежней, а жизнь совершенно новая, которая, хотя и почерпаетъ особые плодотворные соки изъ богатой исторической почвы, но для своего возникновенія требуетъ новыхъ живыхъ элементовъ и силъ. При Птоломеяхъ Египетъ возродился къ новой блистательной жизни, но то не было продолженіе жизни Египта Фараоновъ. И Римъ въ средніе вѣка снова сталъ центромъ могучей жизни; но опять таки то не было возрожденіе жизни Рима Цесарей.—И мы надѣмся на возрожденіе Константинополя, — онъ это не будетъ воскресеніемъ Константинополя Комненовъ и Палеологовъ. Дабы начать новую жизнь, онъ долженъ преобразиться въ Царьградъ — центръ свободнаго и объединеннаго Славянства.

При полномъ отсутствіи внутреннихъ охранительныхъ началъ,

религіозныхъ, національныхъ, историческихъ — вольный городъ Константинополь, сказали мы, будетъ лишень всякаго охранительнаго вѣшняго вліянія, ибо, разъ согласившись на образованіе этого вольнаго города, — Россія потеряетъ возможность всякаго на него воздѣйствія. Тѣ зловредныя начала: религіозныя и политическія интриги, развратъ умственный и нравственный, которыя обратятъ его въ гнѣздо заразы для всего Балканскаго Славянства и для самой Россіи, и составляютъ именно тѣ условія, по которымъ онъ будетъ особенно милъ и дорогъ врагамъ Россіи и Славянства, и каждый изъ нихъ будетъ имѣть свои особыя причины лелеять и оберегать его.

Вольный городъ Константинополь — сказали мы — будетъ однимъ изъ центровъ дѣятельности католической и іезуитской интриги — и въ этомъ качествѣ будетъ пользоваться особымъ расположеніемъ Франціи. По отношенію къ папству, къ ультрамонтанству и клерикализму — Франція играетъ совершенно особую роль. Съ одной стороны, она меньше всѣхъ другихъ католическихъ державъ подчинялась власти Рима, болѣе всѣхъ противодѣйствовала ультрамонтанству, даже въ эпоху самихъ католическихъ своихъ государей, напримѣръ Людовика XIV, и болѣе всѣхъ нанесла вреда католичеству и папству такъ называемымъ вольнодумствомъ XVIII вѣка. Съ другой же стороны, Франція болѣе всѣхъ содѣйствовала укрѣпленію и возвеличенію папства. Столь прославленные въ средніе вѣка Gesta Dei per Francos были начиная съ Людовика и Карла Великаго дѣйствіями Франціи на усиленіе папства. И теперь всего болѣе, даже исключительно, на Францію возлагаетъ надежды своей Римская курія. Сообразно этому двоякому теченію, Франція возмущается всякими побѣдами клерикализма внутри, и готова всѣми своими силами способствовать его вѣшнимъ успѣхамъ. Покровительствуя вольному городу Константинополю, удовлетворитъ она разомъ нѣсколькимъ могущественнымъ стремленіямъ своимъ: продолжитъ свою историческую дѣятельность на защиту интересовъ католичества и папства; дастъ пищу народному честолюбію играть видную роль на востокѣ; оказывая вѣшнее содѣйствіе католическому властолюбію, получитъ болшую свободу противодѣйствовать его захвату внутри.

Австрія, конечно, также не прочь казать содѣйствіе католическому прозелитизму; но въ ея глазахъ главное достоинство вольнаго города Константинополя — служить орудіемъ и средствомъ къ

нравственному зараженію и разложенію Славянства, къ возбужденію его противъ Россіи, въ особенности же къ заподозрѣванію въ глазахъ Россіи чистоты славянскихъ стремленій, намѣреннымъ смѣшиваніемъ и отождествленіемъ ихъ съ стремленіями революціонныхъ и соціалистическихъ партій.

Наконецъ, Англія, всегдашняя покровительница всѣхъ политическихъ смуть и заговоровъ—вѣдь получило же нѣкогда знаменитый Пальмерстонъ прозваніе лорда Фейербранда—прикрывая свое покровительство маскою возвышеннѣйшаго политическаго либерализма, будетъ имѣть и еще особую причину благоволенія къ вольному городу на берегахъ Босфора. Въ политическомъ отношеніи онъ будетъ для нея точкою приложенія рычага, для дѣятельности ко вреду Россіи, въ чемъ и заключается вся сущность ея восточной политики. Въ отношеніи торговомъ—мы уже говорили, что вольный городъ Константинополь не можетъ не быть порто-франко. Но этотъ порто-франко будетъ въ совершенно особыхъ условіяхъ.

Привилегія порто-франко дается какому нибудь городу для искусственнаго возвышенія его торговаго значенія, промышленности же страны, въ которой онъ лежитъ, ограждается внутреннею таможенною линіею. Кто же будетъ охранять здѣсь эту таможенную линію? Интересъ города будетъ заключаться въ томъ, чтобы этой линіи не было, или, чтобы, по крайней мѣрѣ, она была наименѣе дѣйствительна, ибо, чѣмъ большее число товаровъ будетъ проходить черезъ городъ, тѣмъ обширнѣе торговая дѣятельность, и тѣмъ выше городскіе доходы. Но и окружающіе страны Балканскаго полуострова, неимѣющія почти никакихъ зачатковъ промышленной дѣятельности, исключительно производящія сырые матеріалы, будутъ считать своею выгодною возможно дешевое полученіе мануфактурныхъ и колониальныхъ товаровъ черезъ Константинополь. Слѣдовательно, нельзя ожидать и съ ихъ стороны сильныхъ настояній на строгомъ соблюденіи таможенныхъ линій вокругъ порто-франко. Я выставляю на видъ эти обстоятельства, не съ цѣлью обсужденія ихъ экономическихъ послѣдствій, а лишь для того, чтобы показать, сколько любезенъ долженъ сдѣлаться для Англіи этотъ вольный городъ. Англія во всей своей государственной и торговой политикѣ любитъ держаться правила выраженного во французской пословицѣ: *Le mieux est l'ennemi du bon* *).

*) Лучшее врагъ хорошему.

Въ этомъ заключается ея консерватизмъ. Но когда она въ очію видитъ всѣ выгоды этого лучшаго, то умѣетъ по достоинству его цѣнить. Такъ она долго противилась прорытію Суэцкаго канала, но теперь поняла его выгоды и старается прибрать къ своимъ рукамъ. Также точно, она скоро бы убѣдилась, что для ея торговыхъ интересовъ вольный городъ Константинополь многимъ превосходитъ турецкаго Стамбула.

Вотъ уже три вѣрныхъ защитника правъ и вольностей Босфорскаго вольнаго города. Четвертымъ, еще болѣе существеннымъ, будетъ общественное мнѣніе Европы, всегда враждебное Россіи, особенно когда дѣло идетъ о ея любимыхъ дѣтищахъ: свободѣ, либерализмѣ, безъ разбора, въ чемъ проявляются эти либерализмъ и свобода.

Что же будетъ дѣлать Россія? Ея представленія конечно не будутъ уважены. Обратиться къ силѣ ей едва ли будетъ возможно. И теперь, когда она встала на защиту грубо и свирѣпо попираемыхъ основныхъ правъ человѣка на жизнь, честь и имущество, мы видимъ, что ей противопоставляютъ всевозможныя преграды, и это при самыхъ благопріятныхъ для нея сочетаніяхъ политическихъ обстоятельствъ. Чѣмъ оправдаетъ она себя тогда въ глазахъ, частію ослѣпленнаго, частію злонамѣреннаго общественнаго мнѣнія? Чѣмъ обезоружитъ правительство тѣхъ государствъ, которыя именно во вредъ ей причиняемомъ и будутъ видѣть свою прямую непосредственную пользу, и при томъ будутъ имѣть возможность прикрывать свой эгоизмъ и лицемеріе возгласами о либерализмѣ, о защитѣ свободы противъ честолюбиваго деспотизма? Руки Россіи были бы связаны, и, что всего хуже, она сама помогла бы ихъ себѣ связать.

Въ маломъ видѣ и сравнительно въ узкой сферѣ, мы имѣли уже подобный примѣръ. На Вѣнскомъ конгрессѣ, не зная, что дѣлать съ Краковомъ, имѣвшимъ, повидимому, слишкомъ важное стратегическое, или иное какое значеніе, чтобы перейти вмѣстѣ съ большею частію герцогства Варшавскаго къ Россіи, рѣшили было обратить его въ вольный городъ. Конечно, онъ не былъ городомъ космополитическимъ, а напротивъ того, городомъ національно-польскимъ—и, соотвѣтственно этому, сдѣлался центромъ польскихъ политическихъ заговоровъ, такъ что, наконецъ, въ него должны были войти русскія и австрійскія войска. Вольный городъ былъ упраздненъ и присоединенъ къ Австріи. Сколько криковъ было

поднято по этому случаю въ Европейской либеральной журналистикѣ, въ англійскихъ и французскихъ правительственныхъ сферахъ! Но въ то время Священный союзъ существовалъ еще въ полной силѣ, интересы Россіи, Австріи и Пруссіи совпадали въ этомъ пунктѣ; во Франціи царствовалъ миролюбивѣйшій Людовикъ Филиппъ, самъ во все свое царствованіе еле отбивавшійся отъ насѣдавшей на него революціи; наконецъ, Краковъ лежитъ среди континента и недоступенъ для Англіи. Надо ли пояснять, что Константинополь будетъ вреднѣе и поважнѣе Кракова, что отдать его, даже еслибы Россія и могла на то согласиться, будетъ некому, что лежитъ онъ при морѣ, и что нѣтъ ни одной державы, интересы которой сходились бы на этомъ пунктѣ съ русскими?

Что же дѣлать съ Константинополемъ? Не настоящій ли это, выражаясь словами Карлейля, неразрѣшимый случай Кардана? Россія не хочетъ присоединять его къ себѣ, включить въ составъ своего государственнаго тѣла, опасаясь, что онъ перевернетъ центр тяжести его. Разбирая въ моей книгѣ подробно этотъ вопросъ, я представилъ всѣя, какъ мнѣ кажется, доказательства противъ такого включенія. Отдать его другой Европейской державѣ—противно всѣмъ интересамъ Россіи; обратить его въ вольный городъ, какъ мы только-что показали, едва ли не еще вреднѣе. Въ моей книгѣ, думается мнѣ, я представилъ рѣшеніе полное и удовлетворительное этой задачи. Но рѣшеніе это предполагаетъ полное, удовлетворительное и окончательное рѣшеніе Восточнаго вопроса во всемъ его объемѣ, составляетъ довершеніе и вѣнецъ его; въ настоящее же время это еще пока политическая мечта, политическій идеалъ, который долженъ конечно осуществиться, (какъ осуществилось итальянское и германское единства, такъ недавно также еще бывшія политическими мечтами), но не въ настоящемъ, еще приуготовительномъ фазисѣ Восточнаго вопроса.

Но посмотримъ, въ чемъ заключается самая сущность этого, пока идеальнаго рѣшенія; переведемъ его, такъ сказать, на болѣе общій алгебраическій языкъ, и въ эту общую формулу подставимъ другія данныя; не получимъ ли этимъ способомъ временнаго, предварительнаго рѣшенія, съ нѣкоторыхъ сторонъ можетъ быть и весьма неудовлетворительнаго, но, по крайней мѣрѣ, охраняющаго самую сущность дѣла, ничего не предрѣшающаго ему во вредъ, хотя бы для этого пришлось подставить подъ нѣкоторые алгебраическіе знаки величины нулевые и даже отрицательныя, за неимѣніемъ, неготов-

ностью еще въ настоящее время величинъ положительных? По нашему рѣшенію задачи—назовемъ его пока идеальнымъ—Константинополь долженъ быть городомъ общимъ всему православному и всему славянскому міру, центромъ Восточно-христіанскаго союза. Въ этомъ качествѣ, онъ будетъ слѣдовательно принадлежать и Россіи, первенствующему члену этого союза, но не будетъ включенъ въ непосредственный составъ ея государственнаго тѣла. Вліяніе Россіи въ Константинополь было бы, какъ само собою разумѣется, преобладающимъ. Все, что Константинополь заключаетъ въ себѣ великаго, — его православно-христіанскій и историческій ореолъ, его несравненное географическое, топографическое и стратегическое положеніе, — будетъ принадлежать Россіи наравнѣ со всѣми прочими народами, имѣющими на него право по своей религіи, этнографическому составу, историческимъ судьбамъ и географическому положенію занимаемыхъ ими странъ: между тѣмъ Россія будетъ ограждена отъ обаятельной и притягательной силы присущей этому величію, которая, какъ это свойственно всякому нравственному или физическому великому центру притяженія, могла бы оказать свое возмущающее вліяніе на внутренній составъ государственнаго тѣла Россіи. Здѣсь будетъ у мѣста сдѣлать одно замѣчаніе въ предупрежденіе могущихъ родиться недоразумѣній. И по нашему рѣшенію задачи, Константинополь долженъ пользоваться правами вольнаго города, но въ нашемъ смыслѣ вольный городъ имѣть значеніе муниципальное, а не политическое. Онъ долженъ быть вольнымъ городомъ, каковы: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ среди Германской Имперіи, или, еще ближе, какъ Франкфуртъ въ бывшемъ Германскомъ союзѣ, которые, хотя и вольные города, но не составляютъ самостоятельныхъ космополитическихъ центровъ, а суть такія же части Германской Имперіи, какъ королевства и герцогства, и подчинены, подобно имъ, общему германскому закону.

Но, какъ мы уже сказали, элементы для полнаго рѣшенія задачи еще не существуютъ. Большая часть народовъ, которымъ обща долженъ принадлежать Константинополь, не получили еще политической самостоятельности и не получаютъ ее даже при самомъ успѣшномъ окончаніи настоящей войны. Слѣдовательно, въ нашей формулѣ, этому элементу пришлось бы присвоить нулевое значеніе. При этомъ получилось бы такое рѣшеніе, что Константинополь долженъ быть взятъ временно въ руки Россіи, съ тѣмъ

чтобы въ должное время быть переданнымъ всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ на него право. Такое временное, провизуарное владѣніе Константинополемъ едва-ли бы могло оказать на Россію то вредное вліяніе, которое возникло бы послѣ включенія его въ ея государственный составъ. Онъ могъ бы, пожалуй, быть признанъ и вольнымъ городомъ, но подѣ исключительнымъ протекторатомъ Россіи, въ томъ видѣ, на примѣръ, какъ Іоническіе острова были подѣ протекторатомъ Англіи, — то-есть съ русскимъ гарнизономъ и подѣ общимъ ея административнымъ надзоромъ. Такое рѣшеніе было бы весьма желательно и исполнѣ удовлетворительно; но нельзя сомнѣваться, что оно встрѣтитъ самое рѣшительное сопротивленіе со стороны большинства Европейскихъ державъ. Если бы война была поведена съ самаго начала съ должной энергіей, искусствомъ и всесокрушающимъ перевѣсомъ силъ, то быстрый, рѣшительный успѣхъ, всегда внушающій страхъ и уваженіе, могъ бы еще пожалуй сломить это сопротивленіе; но теперь, каковъ бы ни былъ окончательный успѣхъ, то обаяніе силы, которое такъ искусно умѣла пріобрѣсти Германія въ кампаніи 1870—1871 годовъ, нами во всякомъ случаѣ утрачено, и слѣдовательно, теперь мы не въ силахъ побѣдить это сопротивленіе.

Обратимся снова къ нашей формулѣ и попробуемъ придать нашей измѣняющейся величинѣ вмѣсто нулеваго значенія, оказавшагося непригоднымъ, — значеніе отрицательное: то-есть оставимъ Константинополь и проливы подѣ властью Турокъ. Какъ ни противно такое рѣшеніе нашему чувству, я тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь утверждать, что въ настоящее время это единственное сообразное съ выгодами Россіи рѣшеніе вопроса, конечно, при осуществленіи всѣхъ прочихъ условій, при которыхъ результаты настоящей войны могутъ вообще быть признаны успѣшными, условій, которыя перечислены въ первой моей статьѣ (*) о настоящей войнѣ.

Турція будетъ поставлена ими въ полную зависимость отъ Россіи, будетъ подлежать ея исключительному политическому вліянію. Судорожный спазмъ Турціи долженъ окончиться полнымъ разломомъ. Потерявъ вѣру въ союзниковъ, лишившись кредита, она не можетъ избѣгнуть полного подчиненія Россіи, которая будетъ имѣть въ своихъ рукахъ, при посредствѣ своихъ союзниковъ, осво-

*) См. выше, стр. 31—41.

божденныхъ Болгаръ, Сербовъ и Румынъ, Дунай и Балканы, будетъ обладать сильнымъ флотомъ на Черномъ морѣ, занимать господствующее положеніе въ Малой Азіи. Для Турціи это подчиненіе будетъ единственнымъ средствомъ продлить свое политическое существованіе, и апатическій характеръ Турокъ скоро съ этимъ примирится, какъ примирился послѣ Адрианопольскаго мира.

Съ этой точки зрѣнія, неожиданно сильное сопротивленіе Турціи есть явленіе, которое должно считать благопріятнымъ. Въ немъ, какъ во всемъ этомъ дѣлѣ, начиная съ Герцоговинскаго возстанія, ясно видна рука Божія, обращающая во благо самыя козни враговъ, самыя ошибки и неразуміе друзей праваго дѣла. Надо лишь одно—претерпѣвать до конца. Сопротивленіе должно быть сломлено, чего бы это ни стоило и во что бы ни обошлось, Турецкія арміи разбѣяны, уничтожены, крѣпости срыты, оружіе и военные запасы отобраны вмѣстѣ съ флотомъ въ замѣнъ денежной контрибуціи, Турція доведена до полного банкротства, и долгъ ея ни какимъ образомъ не долженъ обременять собою освобожденные отъ ея ига народы. Это гораздо дѣйствительнѣе быстрого, блистательнаго и великодушнаго мира, который могъ бы быть заключенъ при иномъ образѣ геденія войны. Будетъ меньше блеска, но результаты существеннѣе.

Отъ Турціи останется одна тѣнь; но тѣнь эта должна еще до поры до времени отбѣнать берега Босфора и Дарданеллъ, ибо замѣнить ее живымъ и не только живымъ, но еще здоровымъ организмомъ пока невозможно. Такимъ образомъ, вопросъ не будетъ предрѣшенъ къ неисправимому вреду Россіи и Славянства. Константинополь не обратится въ новый Содомъ, въ центръ нравственной и умственной заразы, а будетъ ожидать времени своего преображенія изъ турецкаго стамбула въ православный и славянскій Царьградъ для новой славнои исторической жизни.

5.

Конференція, или даже конгрессъ.

(*Русскій міръ*, 1878, 18 и 19 Марта).

I.

За войною, въ которой участвовали только Россія и Турція, должны послѣдовать конференціи или даже конгрессъ, гдѣ будутъ участвовать всѣ великія державы Европы, никакого участія въ войнѣ не принимавшія. Бывали конгрессы послѣ продолжительныхъ войнъ, касавшихся если не всѣхъ, то большей части европейскихъ государствъ, послѣ того, какъ всѣ границы были перепутаны, возстали новыя государства, прежнія рушились. Понятно, что необходимо было общее совѣщаніе, чтобы привести этотъ хаосъ въ порядокъ, чтобы формулировать результаты перемѣнъ, произведенныхъ войною. Такъ было послѣ тридцати лѣтъ непрерывной войны, окончившейся Вестфальскимъ конгрессомъ; такъ было и послѣ двадцати-двухъ-лѣтняго ряда отдѣльныхъ войнъ съ 1793 по 1815 годъ, окончившагося Вѣнскимъ конгрессомъ. Чтобы понять необходимость, на примѣръ, этого послѣдняго, стоитъ только сравнить карты Европы 1793, 1811 и 1815 годовъ. Бывали также дипломатическія совѣщанія разныхъ наименованій, имѣвшія цѣлью разрѣшить спорные вопросы, фактически еще не разрѣшенные, развязать гордіевы узлы, еще не разрубленные мечемъ. И это дѣло понятное. Но что дѣлать конференціи или даже конгрессу въ 1878 году? Никакой путаницы въ границахъ и вообще въ отношеніяхъ между европейскими государствами не появилось. Произошли лишь перемѣны на Балканскомъ полуостровѣ, перемѣны, установленныя уже обѣими воевавшими сторонами заключеннымъ между ними миромъ. Для чего тутъ посторонніе?

Необходимость дипломатическаго совѣщанія всѣхъ въ дѣлѣ, касающемся только двоихъ, выводятъ изъ слѣдующихъ положеній:

1) Парижскій трактатъ опредѣлилъ положеніе Турціи въ Европѣ, которое такимъ образомъ гарантировано всѣми подписавшими его.

2) Мирныя условія между Россіею и Турціею касаются не только интересовъ этихъ двухъ державъ, но и интересовъ общеевропейскихъ.

Если бы первое положеніе было справедливо теоретически, а второе фактически, то дѣйствительно противъ необходимости общаго дипломатическаго совѣщанія трудно было бы возражать. Но, прежде чѣмъ взвѣсить вѣрность этихъ положеній, не лишнимъ будетъ подвергнуть оцѣнкѣ Парижскій трактатъ въ его сущности, опредѣлить его историческое значеніе и важность, независимо отъ приписываемой ему формальной обязательной силы. Очевидно, что памятникъ истинной дипломатической мудрости, составленный со всевозможною политическою предусмотрительностью, съ безпристрастнымъ вниманіемъ къ потребностямъ народовъ, судьбу которыхъ онъ имѣлъ въ виду устроить, — заслуживаетъ совершенно иного вниманія, нежели скороспѣлый продуктъ тщеславнаго высокомерія, эгоизма и полнаго невѣдѣнія, если даже не намѣреннаго нехотѣнія знать тѣхъ именно отношеній и обстоятельствъ, которые подлежали лучшей и справедливѣйшей организаціи.

II.

Парижскій трактатъ 1856 г.

Разсматриваемый по своему внутреннему достоинству, Парижскій трактатъ ни что иное, какъ гнусный и глупый дипломатическій хламъ. Мы можемъ такъ рѣзко о немъ отозваться, когда сами лица, принимавшія въ немъ и въ возбужденіи предшествовавшей ему войны непосредственное активное участіе, — какъ напримѣръ Гладстонъ, — въ сущности не болѣе высокаго о немъ мнѣнія. Гнусный онъ потому, что шелъ противъ естественнаго поступательнаго хода исторіи, стремился его задержать, скрѣпить оковы на милліонахъ несчастныхъ христіанъ, вдохнуть искусственную жизнь въ разлагавшійся уже трупъ; — глупый потому, что наложенныя имъ условія нисколько не соответствовали даже и той безза-

конной цѣли, которую трактатъ этотъ имѣлъ въ виду, и еще потому, что эти условія не имѣли за собою никакого дѣйствительнаго обезпеченія. Ничѣмъ существеннымъ онъ не ограничивалъ могущества Россіи, а только наносилъ ей рядъ невыносимыхъ и безцѣльныхъ оскорбленій. Версальскій трактатъ 1871 года налагалъ на Францію условія крайне тяжелыя, но онъ же и обезпечивалъ ихъ исполненіе ослабленіемъ Франціи, и еще въ гораздо большей степени усиленіемъ самой Германіи, не столько черезъ присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи, сколько черезъ объединеніе всей Германіи въ могущественное политическое тѣло, что и даетъ ей возможность надолго сохранить разъ приобрѣтенный перевѣсъ.

Чтобы выяснитъ всю безсмысленность Парижскаго трактата, стоитъ разобрать съ нѣкоторою подробностью его послѣдствія для всѣхъ, принимавшихъ въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, государствъ.

Конечно, Россія проиграла Восточную войну, но, собственно говоря, она не была побѣждена, не была поставлена въ необходимость безусловно и безпрекословно подчиниться волѣ побѣдителей, какъ на примѣръ Австрія въ 1866 г., Франція — въ 1871 г., или Турція теперь. Въ теченіе двухъ лѣтъ войны, грозныя флоты союзниковъ на Балтійскомъ морѣ только издали смотрѣли на твердыни Кронштадта; на Черномъ морѣ грозныя флоты и четырехъязычная армія въ годъ успѣла лишь овладѣть одною импровизированною крѣпостью и стояла въ бездѣйствіи, не имѣя возможности предпринять что либо дальнѣйшее. Русская армія не была разбита, не потеряла ни артиллеріи, ни плѣнныхъ, и стояла готовою къ бою. Значительная часть русскихъ войскъ вовсе не принимала участія въ войнѣ. Въ Азіи же мы были побѣдителями. Если, за всѣмъ тѣмъ, Россія согласилась на невыгодный миръ, то причиною тому были: во-первыхъ, сознаніе, что цѣли, съ которыми война была предпринята, на этотъ разъ уже не могутъ быть достигнуты; да и сами цѣли эти—въ этомъ должно сознаться—не представлялись ей тогда съ такою ясностью и опредѣленностью, какъ, на примѣръ, теперь; во-вторыхъ, враждебность всего европейскаго общественнаго мнѣнія, при такомъ политическомъ положеніи, что внутреннія европейскія отношенія не препятствовали перейти отъ словъ къ дѣлу,—къ дѣятельному вмѣшательству противъ Россіи многихъ европейскихъ державъ; въ третьихъ — и это главное —

желаніе приступить къ кореннымъ реформамъ и улучшеніямъ внутренняго государственнаго и общественнаго строя.

Чего требовало, при такомъ положеніи дѣлъ, политическое благородіе, не ослѣпленное злобою и эгоистическими цѣлями? Очевидно, двухъ вещей: прежде всего—принятія въ свои руки исполненія справедливыхъ и великодушныхъ, не скажу плановъ—опредѣленныхъ плановъ не существовало—а намѣреній Россіи относительно турецкихъ христіанъ. Такимъ ловкимъ маневромъ была бы вырвана изъ рукъ Россіи ея историческая задача, осуществленіемъ которой она, по разнымъ, частью внѣшнимъ, частью внутреннимъ причинамъ, слишкомъ долго медлила и принуждена была медлить. Если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, надолго сочувствіе единоплеменниковъ и единовѣрцевъ Россіи было бы отвращено отъ нея и обращено къ яко бы либеральнымъ народамъ Запада. Угнетеннымъ могло бы быть показано, что просвѣщенные народы Запада—истинные друзья ихъ, которые, какъ только приняли въ свои руки судьбу ихъ, такъ и доставили имъ широкое исполненіе ихъ чаяній. Они могли бы сказать: «Россія только подстрекала васъ изъ своихъ властолюбивыхъ видовъ, но ничего существеннаго не могла или даже не хотѣла для васъ сдѣлать». Нельзя отрицать, что такой образъ дѣйствій и такіа внушенія могли бы имѣть весьма серьезный успѣхъ. Однимъ словомъ, слѣдовало бы сдѣлать то, чтó и теперь предлагалъ Гладстонъ, сказавшій же въ Оксфордѣ, что задача освобожденія выпала на долю государства, которое всего меньше достойно ее исполнить. Почтенный предводитель либераловъ тоже видно заднимъ умомъ крѣпокъ. Конечно, все это была бы ложь, но и для такой лжи надо было, чтобы Европа, и въ особенности Англія, перестали бы быть Европой и Англіей.

Затѣмъ—слѣдовало бы предоставить Россіи, сохранившей, какъ мы уже замѣтили, и послѣ войны все свое могущество, такіа почетныя условія, которыя не оставили бы въ ея сердцѣ жала негодованія и уязвленной народной гордости.

Что же было сдѣлано вмѣсто этого?—Перечтемъ:

Россіи было запрещено держать флотъ на Черномъ морѣ, имѣть верфи, морскіе арсеналы и строить прибрежныя укрѣпленія. Но флотъ нашъ былъ уже на дѣлѣ уничтоженъ самою войною; а если бы и не былъ уничтоженъ, то не только послѣдовавшія вскорѣ за войною техническія усовершенствованія, но уже и тѣ, которыя существовали въ то время у нашихъ противниковъ, ли-

шали старый русскій парусный и деревянный флотъ всякаго военнаго значенія. Между тѣмъ, сама война, предпринятая послѣ нея реформы, сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, перевооруженіе арміи и крѣпостей,—до такой степени напрягали финансовыя силы Россіи, что она долго не могла удѣлить нужныхъ средствъ для построенія новаго пароваго и броненоснаго флота. Очевиднымъ доказательствомъ тому служить то, что, и добившись отміны этого пункта Парижскаго трактата, Россія въ теченіе 6 лѣтъ не приступала къ постройкѣ черноморскаго флота. Относительно морскихъ укрѣпленій можно сказать почти то же самое: которыя были въ Севастополѣ, Очаковѣ, Керчи—были уничтожены войной, а если бы и не были, то, вслѣдствіе усовершенствованій въ артиллеріи, оказались бы нигде негодными. Когда же почувствовалась надобность въ новыхъ, то они и были возведены и вооружены, въ Севастополѣ, въ Очаковѣ, въ Одессѣ, въ какой нибудь мѣсяцъ, и притомъ въ такой силѣ, что и Гобартъ-паша пришлось только смотрѣть на нихъ, какъ нѣкогда Непиру на Кронштадтъ. На возможность этого впрочемъ указывала уже оборона Севастополя. Въ довершеніе всего, Россія сохранила за собою право устройства крѣпостей въ Азовскомъ морѣ и Керченскомъ проливѣ, чѣмъ и воспользовалась въ періодъ наибольшей дѣйствительности Парижскаго трактата, устроивъ въ Керчи первоклассную крѣпость, подъ защитою которой могъ бы въ совершеннѣйшей безопасности укрываться если не тяжелый броненосный, то легкій миноносный флотъ. Конечно, тогда еще инаго нельзя было предвидѣть, но все же остается несомнѣннымъ, что такого рода ограниченія рѣдко приводятъ къ цѣлямъ, имѣющимся въ виду при ихъ установленіи, именно потому, что невозможно предвидѣть, какое значеніе сохранять на будущее время самыя предметы ограниченій, и какія могутъ быть найдены уловки, чтобы обойти ихъ. Такъ и въ этомъ случаѣ оказалось, потому что такъ сложились обстоятельства, что этотъ считавшійся столь важнымъ пунктъ Парижскаго трактата, изъ-за непринятія котораго Россіей война продлилась слишкомъ на годъ, не заключалъ въ себѣ никакого дѣйствительнаго ограниченія могущества Россіи, а наносилъ только ей совершенно безцѣльное оскорбленіе. Поэтому она и постаралась сбросить съ себя оскорбительную форму обязательства, при первомъ представившемся удобномъ случаѣ, даже ранѣе, чѣмъ имѣла намѣреніе приступить къ фактическому его упраздненію.

Россія была отрѣзана узкою полосою, у ней отнятой, земли отъ Дуная, съ двоякою цѣлью: чтобы обезпечить свободу судоходства по Дунаю и чтобы отгородить ее отъ Турціи, и тѣмъ лишить возможности нападать на нее съ сухаго пути, какъ запрещеніемъ держать флотъ мы лишились возможности нападенія съ моря. Сама отрѣзка куска Бессарабіи конечно не наносила никакого ущерба могуществу Россіи, но опять-таки, съ обѣихъ приведенныхъ точекъ зрѣнія, была напраснымъ, безцѣльнымъ оскорбленіемъ. Свободѣ Дунайскаго судоходства Россія никогда не препятствовала, а если не тратила значительныхъ суммъ на прочищеніе и поддержаніе въ судоходномъ для морскихъ судовъ состояніи Дунайскихъ гирлъ, то потому, что для нея они почти не имѣли никакого торговаго значенія. Что же касается до воспрепятствованія Россіи воевать съ Турціею, то событія съ достаточною силою показали тщету этихъ препонъ. Какъ въ прежнія времена,—такъ и въ 1877 году русскія войска перешли Дунай, когда Россія сочла это нужнымъ.

Россія была лишена права спеціальнаго покровительства какъ относительно Дунайскихъ княжествъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи, такъ и относительно прочихъ православныхъ подданныхъ султана, и это покровительство было замѣнено чисто номинальнымъ, коллективнымъ покровительствомъ Европы. Еще напрасное, безцѣльное оскорбленіе! Въ сущности, Россія ничего не лишилась, а напротивъ того, она, и только она одна, часто вопреки другимъ, оказывала тутъ свое покровительство, болѣе дѣйствительное, чѣмъ когда-либо. Она возвысила голосъ въ пользу Черногоріи и Крита, и добилась сколько-нибудь сноснаго для нихъ существованія; при ея заступничествѣ выведенъ былъ гарнизонъ изъ Бѣлграда; ея настоянія постепенно повели къ консульской комисіи въ Герцеговинѣ, къ нотѣ графа Андраши, къ Берлинскому меморандуму. Великодушное самоотверженіе ея генерала, милліоны рублей и тысячи добровольцевъ, посланные ея народомъ,—дали возможность осуществиться геройскому порыву сербскаго народа и помогли его неустроенному, плохо вооруженному, отвышему отъ войны ополченію четыре мѣсяца держаться противъ регулярныхъ, превосходно вооруженныхъ, храбрыхъ турецкихъ войскъ; а когда великодушная попытка неудалась, и пылающая мщеніемъ турецкая армія ринулась по пути въ Бѣлградъ,—слово Россіи остановило этотъ истребительный потокъ. Затѣмъ, не съ иною какою цѣлью, какъ именно

покровительства Черногоріи, Сербіи, Румыніи и всѣмъ турецкимъ христіанамъ, не взирая на то, что право этого покровительства было формально отнято у Россіи,—войска ея перешли Дунай, ведя за собой и румынъ, и сербовъ, и самихъ болгаръ, перешли Балканы, стоятъ у воротъ Цареграда, и русскій Царь предписалъ дать полную свободу Сербіи и Румыніи, признать всегда на дѣлѣ существовавшую свободу Черногоріи и предоставить полную внутреннюю автономію Болгаріи. Это ли не покровительство? И когда проявлялось оно съ такою силою, когда увѣнчивалось такимъ успѣхомъ, какъ не послѣ того, какъ Парижскій трактатъ лишилъ Россію этого священнаго права и этой священной обязанности? Но это еще не все. Можно смѣло утверждать, что если бы по прежнему право формальнаго покровительства надъ Дунайскими княжествами и надъ турецкими христіанами вообще оставалось за Россіею, то дѣла не приняли бы такого крутаго и благопріятнаго оборота. При русскомъ покровительствѣ, Турція два раза бы подумала, прежде чѣмъ рѣшиться на болгарскую рѣзню; а съ другой стороны—Сербія не могла бы объявить войны Турціи; русскій генералъ, хотя бы и находившійся въ отставкѣ, не могъ бы принять начальства надъ сербскими войсками, и русскіе добровольцы не могли бы сражаться въ ихъ рядахъ. Кому извѣстна та строгая, можно сказать щепетильная легальность, которой придерживается Россія во всѣхъ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ,—тотъ не можетъ имѣть въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Нельзя не поблагодарить виновниковъ Парижскаго трактата за то, что они такъ благовременно сняли съ Россіи эту формальную обязанность покровительства, связывавшую ее по рукамъ и по ногамъ.

И такъ, по отношенію къ Россіи, противъ которой Парижскій трактатъ былъ направленъ, онъ состоялъ изъ ряда мелкихъ стѣсненій, придирчивыхъ оскорбленій, которыя не только не ставили дѣйствительныхъ преградъ ея исконнымъ стремленіямъ къ освобожденію восточныхъ христіанъ и возможности воздѣйствія на Турцію, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже развязывали ей руки, конечно совершенно вопреки намѣреніямъ державъ, принудившихъ ее принять этотъ трактатъ. Посмотримъ теперь, какое имѣлъ онъ вліяніе на тѣхъ, кому благопріятствовалъ, чьимъ цѣлямъ долженъ былъ содѣйствовать, и прежде всего на Турцію.

По отношенію къ Турціи, — это было поистинѣ невѣроятное сдѣленіе завѣдомой лжи и обмана и изумительнаго самооболь-

щенія. Турція была принята въ сонмъ европейскихъ государствъ, какъ равноправный членъ, съ гарантіею ея цѣлости и независимости, и возомнила о себѣ, что она не только первостепенная европейская держава, но еще боецъ за цивилизацію и свободу. Чтобы поддержать свое новое достоинство, она поспѣшила прежде всего обременить себя громадными государственными долгами, истраченными на самыя бесполезныя вещи, какъ напримѣръ на огромный броненосный флотъ—третій въ Европѣ, который, какъ оказалось на дѣлѣ, не послужилъ ни къ чему; замѣтимъ кстати, второй примѣръ, что броненосный флотъ, будучи хорошимъ подспорьемъ для того, кто и безъ него имѣетъ перевѣсъ на своей сторонѣ, самостоятельнаго значенія однакожъ не имѣетъ и не въ состояніи доставить перевѣса или даже уравнять шансы стороны слабѣйшей въ другихъ отношеніяхъ. Народъ былъ обремененъ налогами — и все окончилось банкротствомъ еще до начала войны. Затѣмъ, заручившись обезпеченіемъ своей цѣлости и независимости, Турція вообразила себѣ, что для нея законъ не писанъ и дала свободу развратнымъ, хищническимъ и варварскимъ инстинктамъ худшихъ элементовъ своего населенія, что въ концѣ концовъ и привело ее къ гибели. Противъ естественнаго хода событій никакія дипломатическія гарантіи не помогли.

Австрія, хотя не принимала непосредственнаго участія въ Восточной войнѣ, но своею феноменальною неблагодарностью нанесла наибольшій вредъ Россіи. Въ самомъ разгарѣ войны, она заставила перемѣнить театръ ея, чтобы дать союзникамъ возможность перенести ее въ Крымъ. О вѣроятномъ успѣхѣ войны, если бы она велась въ Болгаріи, мы можемъ отчасти судить по образчикамъ дѣйствій англо-французовъ, когда имъ приходилось удаляться отъ ихъ базиса—моря, хотя-бы на самое незначительное разстояніе, — по экспедиціи въ Добруджу и по бездѣятельному стоянію на тѣсномъ пространствѣ Хорсонесскаго полуострова, послѣ взятія Севастополя.

Менѣе нежели черезъ пять лѣтъ послѣ спасенія Австріи Россіей отъ конечной гибели, она обратилась противъ своей спасительницы, потребовавъ очищенія Молдавіи и Валахіи. Черезъ три года послѣ заключенія Парижскаго мира она потеряла Ломбардію, владѣнія своихъ эрцгерцоговъ, и всякое вліяніе на Апеннинскомъ полуостровѣ, черезъ десять—потеряла Венецію и была выброшена изъ Германскаго союза, и, вслѣдствіе этого, приведена въ такое

положеніе, что мѣсто Австрійской монархіи заступилъ какой-то невѣроятный, безсмысленный хаосъ двухъ Лейтаній, соединенныхъ между собою десятилѣтнимъ контрактомъ, точно акціонерная компанія на срокъ. Кому неизвѣстно, что при самыхъ переговорахъ по заключенію Парижскаго трактата, уже было рѣшено вознаграждать Сардинію австрійскими владѣніями въ Италіи. Можно ли сомнѣваться, что, если бы Австрія честно исполнила долгъ благодарности — никогда не позволили бы Франціи отнять у ней Ломбардію, также точно какъ никогда, при существованіи стариннаго союза, не дошло бы дѣло до войны между Австріей и Пруссіей? Порукой тому служить 1851 годъ.

Какіе же результаты извлекла въ концѣ концовъ изъ Восточной войны и Парижскаго трактата главная въ нихъ участница — Франція? Въ сущности почти тѣ же, что Турція. Она возомнила себя рѣшительницей судебъ Европы, — и была унижена и разгромлена. И опять, никто не станетъ утверждать, чтобы это не было прямымъ послѣдствіемъ той перемѣны въ отношеніяхъ европейскихъ государствъ, которую произвела именно Восточная война и Парижскій трактатъ.

Обратимся теперь къ главной виновницѣ всего дѣла, къ Англіи, которая всегда была такъ искусна въ загребаніи жара чужими руками и въ присвоеніи себѣ выигрышей тамъ, гдѣ всѣ проигрывали. Не усилилъ ли Парижскій трактатъ по крайней мѣрѣ хоть ея могущества, не содѣйствовалъ ли осуществленію ея особыхъ, такъ называемыхъ британскихъ интересовъ? О, нѣтъ, она и сама ясно теперь видитъ, что нѣтъ. Ея изолированное положеніе, метаніе изъ стороны въ сторону, крушеніе Турціи, которую она считала и считаетъ главною опорою своихъ интересовъ на Востокѣ, поддержаніе и обезпеченіе которыхъ и имѣлъ собственно въ виду Парижскій трактатъ, достаточно показываютъ, что и британскимъ интересамъ, какъ ихъ понимаетъ большинство англичанъ, онъ нанесъ самый существенный вредъ. Ближайшее разсмотрѣніе этого предмета выкажетъ этотъ результатъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ.

Послѣ Восточной войны, видя враждебное къ себѣ отношеніе большей части Европы, съ другой же стороны, чувствуя потребность внутреннихъ преобразованій, — Россія временно устранила себя отъ дѣятельнаго участія въ Европейской политикѣ. Съ тѣмъ большимъ вниманіемъ обратила она свои взоры на Азію, гдѣ не-

обходимо было устроить дѣла свои и упрочить свое положеніе въ свободное отъ другихъ политическихъ коллизій время.

Прежде всего былъ покоренъ Кавказъ. Черезъ три года послѣ Парижскаго мира сдался Шамиль и съ нимъ Чечня и Дагестанъ; черезъ семь—и западная половина Кавказскаго хребта. Съ этой стороны и оборонительное и наступательное положеніе Россіи обезпечено. Лучшимъ доказательствомъ тому служить то, какой ничтожный результатъ имѣла высадка въ Сухумъ-Кале, и съ какими малыми силами были усмирены волненія и взрывы мятежа горныхъ племенъ, во время нынѣшней войны. Сообразно съ этимъ и кругъ дѣйствія кавказской арміи уже расширился и распространяется на Туркменскій юго-восточный берегъ Каспійскаго моря.

Затѣмъ, приобрѣтены Амуръ и длинная приморская полоса земли, извѣстная подъ именемъ Уссурійскаго края, съ цѣлымъ рядомъ превосходныхъ заливовъ и бухтъ—мѣстъ снаряженія и убѣжища для «Вестъ», «Россій» и «Константиновъ», имѣющихъ дѣйствовать на просторѣ Великаго океана, когда въ томъ встрѣтится надобность.

Дошла очередь и до Средней Азіи, хищническаго ханства которой, по прежнимъ неудачнымъ опытамъ, считали себя отвлеченными отъ русскаго вліянія и власти непроходимымъ поясомъ безводныхъ пустынь. Но этимъ розовымъ иллюзіямъ суждено было исчезнуть. Коканъ, Бухара и Хива покорены. Если одинъ Коканъ въ полномъ составѣ непосредственно присоединенъ къ Россіи, то кто же не знаетъ, что остатки Бухары и Хивы ни что иное, какъ вассалы Россіи? Слѣдовательно, какъ съ суши, такъ и съ моря Россія далеко подвинулась впередъ къ Азіи, и стала въ ней гораздо болѣе твердою ногою чѣмъ прежде. Пріятны ли эти успѣхи для Англіи? А между тѣмъ они весьма значительною долею — послѣдствія Восточной войны и Парижскаго трактата.

Но были и воспользовавшіеся тою переменною отношеній, которая возникла изъ этихъ событій, и извлекшіе изъ нея громадныя выгоды; но это были собственно постороннія дѣлу государства, не тѣ, которыхъ имѣлось въ виду въ такой степени усилить. То были Италія и Пруссія. Сардинія принимала, правда, участіе въ войнѣ противъ Россіи, но и вражда къ Россіи, и цѣли, которыхъ желали достигнуть главные руководители, были ей собственно совершенно чужды. Съ ея стороны тутъ былъ свой особый, національный, хотя и макіавелистическій расчетъ;—но вѣдь безъ

этого въ политикѣ рѣдко дѣло обходится. Расчетъ этотъ былъ осуществимъ лишь при той перемѣнѣ въ расположеніи политическихъ созвѣздій, которую произвела Восточная война и Парижскій трактатъ. Россія поняла это — и, какъ извѣстно, не была злопаметна.

И такъ, цѣли Парижскаго трактата были недостойныя; средства, употребленныя для ихъ осуществленія, — нелѣпыя; практическіе результаты, которыхъ онъ достигъ, ничтожныя и даже прямо противоположныя тому, чтò имѣлось въ виду его авторами. Не въ правѣ ли мы были послѣ того назвать его гнуснымъ (по цѣлямъ) и глупымъ (по средствамъ и достигнутымъ результатамъ) дипломатическимъ хламомъ?

III.

Формальная обязательная сила Парижскаго трактата.

Мы разсмотрѣли Парижскій трактатъ въ его сущности, въ его историческомъ достоинствѣ, въ общемъ ходѣ развитія Восточнаго вопроса. Намъ предстоитъ оцѣнить его формальную обязательную силу по отношенію къ настоящему моменту, степень вліянія, которое онъ, такъ сказать, въ правѣ оказывать на установленіе мирныхъ условій между Россіей и Турціей, а также справедливость общаго положенія, что державы, нѣкогда гарантировавшія извѣстный политическій порядокъ вещей, имѣютъ право участвовать въ установленіи новаго порядка, когда прежній фактически отмѣненъ ходомъ событій, хотя бы онѣ и не участвовали въ этой фактической отмѣнѣ его. Касательно запрещенія Россіи держать флотъ на Черномъ морѣ, то объ этомъ говорить нечего: этотъ пунктъ былъ отмѣненъ въ 1871 году съ общаго согласія и, кромѣ того, нейтралитетъ Чернаго моря былъ отмѣненъ фактически, такъ какъ на немъ происходили военныя дѣйствія.

Свобода судоходства по Дунаю и поддержка гирль въ судоходномъ состояніи были, конечно, нарушены войной; съ возстановленіемъ же мира, относящіяся до этого предмета постановленія опять вступаютъ въ полную силу. Ни войной, ни мирными условіями тутъ ничего не измѣнено, слѣдовательно Парижскій трактатъ ни причемъ.

Возстановленія исключительнаго и формальнаго покровительства Россіи надъ Сербіей и Румыніей, сколько извѣстно, никто не требовалъ. Въ этомъ пунктѣ Парижскій трактатъ остается неприкосновеннымъ.

Добровольнаго улучшенія быта христіанъ со стороны правительства султана, какъ извѣстно, не послѣдовало; напротивъ того, послѣдовало весьма значительное ухудшеніе, значительное до степени невыносимости. Въ этомъ отношеніи Парижскій трактатъ дѣйствительно былъ отмѣненъ, но отмѣненъ не со вчерашняго дня, и не съ прошлаго и не съ запрошлаго года, даже не со времени Критскаго возстанія, а съ самаго момента подписи Парижскаго трактата, который такимъ образомъ, собственно говоря, никогда и не вступалъ въ дѣйствительную силу. Это добровольное обязательство Турціи было единственнымъ обязательствомъ, наложеннымъ на одну сторону, въ соотвѣтствіе всѣмъ прочимъ обязательствамъ, наложеннымъ на другую сторону — Россію; а такъ какъ всякое юридическое обязательство имѣетъ силу лишь подъ условіемъ обоюднаго соблюденія, то Россія имѣла всегда полнѣйшее право считать Парижскій трактатъ несуществующимъ. Даже болѣе того: Турція, не исполняя своего добровольнаго обязательства, тѣмъ самымъ не признавала его; подписавшіе трактатъ державы (кромѣ Россіи) знали это и молчали, слѣдовательно, *tacito consensu* не признавали трактата, который, слѣдовательно, должно считать фактически отмѣненнымъ задолго до войны.

Трактатъ гарантируетъ цѣлость и независимость Турціи. О независимости надо сказать, что она бываетъ двоякая: формальная и дѣйствительная. Только первую можно гарантировать трактатами; но ея никто и не нарушаетъ, ибо не слыхать, чтобы Турція къ кому либо поступала въ вассальныя отношенія. Дѣйствительная же независимость, по отношенію къ государствамъ и по отношенію къ частнымъ лицамъ, неуволима ни для какихъ трактатовъ и ни для какихъ договоровъ. Напримѣръ, въ теченіе послѣдняго времени, до начала и даже во время войны, была-ли Турція дѣйствительно независима? Независимо-ли дѣйствовала она, свергая султана Абдуль-Азиса, отказываясь принять мягкія условія конференціи и даже приступая къ болгарской рѣзнѣ 1878 года? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Во всемъ этомъ волю Турціи направляла воля Англіи. Какъ, даже и въ болгарской рѣзнѣ?—Безъ малѣйшаго сомнѣнія. Развѣ не голосъ Англіи, бывший въ то время всемогу-

щимъ въ Константинополѣ, посовѣтываль — читай приказаль — дѣйствовать энергически; а — въ переводѣ на турецкія понятія, — что же значить дѣйствовать энергически, какъ не насиловать, грабить, рѣзать, сажать на колъ, сдирать кожу, жечь живыми и проч. и проч.? Еслибы это было не такъ, зачѣмъ бы англійскимъ офиціальнымъ агентамъ, восходя до самаго перваго министра, стараться замаять и скрыть эти ужасы?

Цѣлость Турціи, — ну это, пожалуй, что нарушается. Однако же какимъ образомъ? Вассальность Сербіи, Молдавіи, Валахіи, Египта, Триполи, Туниса не считалась же прежде нарушеніемъ цѣлости Турецкой имперіи: почему же не примириться друзьямъ ея и съ вассальствомъ Болгаріи? Сербія и Румынія приобрѣтають полную независимость. Но онѣ именно изъ за этого вели удачную войну, которой не препятствовали радѣтели турецкой цѣлости. Нельзя же послѣ этого не покориться результатамъ ея. Впрочемъ, объ этомъ мы сейчасъ будемъ говорить подробнѣе. Наконецъ, Россія получаетъ нѣкоторыя турецкія области, но получаетъ ихъ за долгъ, котораго иначе Турція уплатить не въ состояніи. Въ Англіи существуютъ майораты, т. е., другими словами, англійскіе гражданскіе законы гарантируютъ цѣлость имѣній англійской нобилити и джентри. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что господа лорды избавлены отъ уплаты своихъ долговъ и даже судебныхъ издержекъ, по веденнымъ ими процессамъ, въ случаѣ ихъ проигрыша? — Ничуть. Въ этихъ случаяхъ имѣнія лордовъ продаются, какъ и всякія другія имущества. Уплата военныхъ издержекъ въ международныхъ отношеніяхъ и есть то именно, что уплата судебныхъ издержекъ въ обыкновенныхъ гражданскихъ процессахъ. Можно лишь замѣтить, что и въ этомъ отношеніи Россія простираетъ свою умѣренность и великодушіе до совершеннаго забвенія своихъ собственныхъ интересовъ. Области Карса, Батума, Ардагана и Баязета, который отходятъ къ Россіи, оцѣнены въ тысячу или тысячу сто милліоновъ рублей. Но развѣ онѣ этого стоятъ? Считая по 5%, тысяча сто милліоновъ приносятъ 55 милліоновъ дохода — а эти области и пяти не дадутъ. Такъ-ли поступали въ подобныхъ случаяхъ другіе! Эльзась и Лотарингія не Карсу, Батуму и Баязету чета, но сверхъ ихъ взяты были еще тысяча двѣсти пятьдесятъ милліоновъ рублей съ Франціи, да еще въ короткій срокъ, да еще не считая громаднхъ контрибуцій, взятыхъ во время самой войны, тогда какъ Россія не взяла ни копѣйки. И все-таки это называется презмѣр-

ными требованіями Россіи, на которыя великодушная Европа не можетъ согласиться! Но пусть такъ, — пусть нарушена цѣлость Турецкой имперіи, и съ нею вмѣстѣ и Парижскій трактатъ въ этомъ единственномъ пунктѣ: но что же это значитъ, если этотъ же самый трактатъ былъ постоянно нарушаемъ Турціею и самими державами, его гарантировавшими, какъ мы сейчасъ видѣли, и какъ еще яснѣе увидимъ изъ разбора еще не разсмотрѣннаго нами пункта, составляющаго вѣнецъ и завершеніе всего трактата?

По этому пункту, государства, подписавшія трактатъ, приняли на себя обязательство, что если у одного изъ нихъ возникнетъ съ Турціею несогласіе, то оно, не приступая къ рѣшенію спорнаго вопроса силою, должно обратиться къ общему содѣйствію всѣхъ этихъ государствъ, для улаженія возникшаго несогласія. Россія исполняла это всегда, а въ настоящемъ случаѣ исполнила съ невѣроятною роскошью терпѣнія и дипломатической легальности. Въ четыре пріема оказывали державы свою совѣщательную дѣятельность: въ консульскихъ комиссіяхъ, въ нотѣ Андраши, въ берлинскомъ меморандумѣ и, наконецъ, въ константинопольскихъ конференціяхъ. Эти совѣщанія, по здравому смыслу и сущности дѣла, могли привести къ одному изъ трехъ слѣдующихъ способовъ дѣйствія. Или державы признали бы, что Россія неосновательно придирается къ Турціи, которая, въ силу своей независимости и государственнаго верховенства, не взирая на добровольно сдѣланное, торжественное обѣщаніе улучшить бытъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, имѣла полное право ихъ рѣзать, вѣшать, жарить и проч., и въ такомъ случаѣ, должны были бы коллективно объявить Россіи, что она не должна препятствовать правительству его величества султана въ его законномъ образѣ дѣйствій, одобренномъ, или по крайней мѣрѣ допущенномъ ареопагомъ державъ порукъ. Или признать, что притязанія Россіи правильны, а Турція поступаетъ вопреки принятымъ ею на себя обязательствамъ, — и въ такомъ случаѣ, коллективно принудить ее измѣнить ея образъ дѣйствій, заручившись достаточными гарантіями, что впредь ничего подобнаго не повторится. Россія это именно и предлагала. Въ обоихъ этихъ случаяхъ державы-поруки заявили бы, что онѣ признаютъ Парижскій трактатъ сохранившимъ свою полную, обязательную для всѣхъ силу. Или, наконецъ, умыть руки и предоставить сторонамъ разбираться какъ знаютъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и было поступлено.

Съ того момента, какъ Россія объявила войну Турціи, и ни одна изъ державъ-порокъ не только не вмѣшалась въ эту войну, но даже не протестовала перерывомъ дипломатическихъ сношеній съ Россією, или инымъ способомъ, онѣ собственноручно разорвали трактатъ. Всякая война полагаетъ конецъ прежнимъ отношеніямъ между воюющими государствами, и всякій Новый миръ устанавливаетъ новыя отношенія. Какъ Кучукъ-Кайнарджійскій и Адріанопольскій миры потеряли свою обязательную силу, съ объявленіемъ Восточной войны, такъ точно и Парижскій миръ потерялъ свою силу 12 апрѣля 1877 года, съ безмолвнаго, но само по себѣ разумѣющагося согласія всѣхъ державъ-порокъ. Если бы онѣ въ то время приняли сторону Россіи, или сторону Турціи, онѣ тѣмъ бы показали, что желаютъ возстановить ту часть трактата, которая, по ихъ мнѣнію, была нарушена тою или другою стороною, и сохранить остальную его часть; коль скоро онѣ этого не сдѣлали, онѣ, значитъ, рѣшились подвергнуть его участь жребію войны. Можетъ быть возражать, что это справедливо только относительно Россіи и Турціи, а не относительно Россіи и другихъ державъ. Безъ сомнѣнія, если бы въ Парижскомъ трактатѣ заключались условія, налагавшія на Россію обязательства непосредственно къ другимъ державамъ, независимо отъ ея отношеній къ Турціи, то эти обязательства и сохранили бы свою силу. Такія обязательства дѣйствительно были, а именно: несодержаніе флота на Черномъ морѣ, отказъ отъ исключительнаго покровительства Дунайскимъ княжествамъ и обязанность обращаться къ общему совѣту державъ, въ случаѣ возникновенія спорныхъ вопросовъ съ Турцією. Но всѣ они частію отмѣнены, частію же были исполнены или исполняются Россіей.

Предположимъ, что относительно какого либо имущества было бы положено обязательство на двѣ стороны: не начинать по поводу его судебного процесса, не собравъ предварительно семейнаго совѣта, имѣющаго постановить свое рѣшеніе по спорному дѣлу. Совѣтъ былъ собранъ и рѣшенія не постановилъ. Стороны начинаютъ процесъ, и, ни при началѣ его, ни во все продолженіе его, семейный совѣтъ не подаетъ никакого протеста противъ законности судебного разбирательства. Судъ постановляетъ наконецъ рѣшеніе. Имѣлъ ли бы послѣ этого значеніе протестъ семейнаго совѣта противъ законности рѣшенія суда?

Но въ такъ называемомъ международномъ правѣ положитель-

ныхъ законовъ нѣтъ: — единственнымъ руководствомъ служить прецеденты. Посмотримъ, что отвѣтятъ намъ эти прецеденты.

Въ теченіе всей европейской исторіи, не было, конечно, дипломатическаго собранія, которое, по обширности интересовъ, подлежавшихъ его разбирательству, по числу участвовавшихъ въ немъ государствъ, по самой его формальной торжественности, по его исторической важности и, наконецъ, по продолжительности времени, въ теченіе котораго всѣ существенныя его постановленія составляли основаніе всего политическаго порядка вещей въ Европѣ, могло бы сравниться съ Вѣнскимъ конгрессомъ. Всѣ безъ исключенія европейскія государства принимали въ немъ участіе; не было ни одного между ними, котораго бы не касались его постановленія; не послы и министры только, но сами могущественнѣйшіе государи принимали въ немъ непосредственное участіе. Онъ составляетъ грань новаго періода въ исторіи Европы, который даже во всѣхъ учебникахъ принято называть „новѣйшею исторіею“. Сорокъ четыре года (1815—1859) постановленія его составляли основной законъ для международныхъ отношеній, безъ существенныхъ перемѣнъ. Куда же равняться съ нимъ какому нибудь Парижскому трактату! Не чета ему Вѣнскій конгрессъ и по внутреннему своему достоинству. То былъ истинный памятникъ дипломатической мудрости. Всѣ интересы были приняты во вниманіе, постановленія конгресса соотвѣтствовали дѣйствительному распредѣленію политической силы и могущества, а также и справедливости, за немногими исключеніями. Обижены были только Данія — этотъ козелъ отпущенія европейской политики, — получившая Лауэнбургъ въ замѣнъ Норвегіи, и внѣ Европы — Голландія, лишившаяся мыса Доброй Надежды, и Франція, потерявшая чисто французскій островъ Иль-де-Франсъ. Напрасно укоряютъ конгрессъ, что онъ раздавалъ народы, какъ стада, не справляясь съ ихъ національными стремленіями. Принципъ національности мало кѣмъ въ то время сознавался. Требовать отъ Вѣнскаго конгресса, чтобы онъ имъ руководствовался, все равно что требовать отъ Сезостриса или Навуходоносора, чтобы они сообразовались въ своей политикѣ съ правилами христіанскаго милосердія. И какая могла быть рѣчь о національныхъ принципахъ, когда конгрессъ не могъ же не признавать факта существованія Австрійской монархіи — прямого его отрицанія! А если такъ, то почему же было, напримѣръ, не присоединить части

Италіи, въ которой и прежде Габсбурги имѣли владѣнія, къ этому конгломерату народностей?

Какъ бы то ни было, по рѣшенію конгресса Ломбардія и Венеція были присоединены къ Австріи. Другія части Италіи достались принцамъ Габсбургскаго дома. Во всей Италіи господствовало вліяніе Австріи. На послѣдовавшихъ дипломатическихъ конгрессахъ, которыми такъ изобиловало то время, этотъ порядокъ вещей былъ укрѣпленъ и подтвержденъ. Не смотря на все это, однакоже, вслѣдствіе неудачныхъ для Австріи войнъ 1859-го и 1866 годовъ, этотъ столь торжественно утвержденный порядокъ былъ измѣненъ въ самомъ корнѣ. Австрія лишилась Ломбардіи и Венеціи, эрцгерцоги—своихъ владѣній. Затѣмъ, и неаполитанскій король, которому тотъ же Вѣнскій конгрессъ возвратилъ его владѣнія, былъ изгнанъ. И все это совершилось простыми мирными договорами между воевавшими, и даже просто насильственнымъ захватомъ. Для обсужденія и узаконенія всѣхъ этихъ, столь существенныхъ, перемѣнъ, не сочли нужнымъ созывать дипломатическое собраніе представителей государствъ, подписавшихъ и гарантировавшихъ постановленія Вѣнскаго конгресса.

Вскорѣ и свѣтская власть папъ была уничтожена простымъ захватомъ итальянскаго правительства. Не говоря уже о томъ, что свѣтская власть папъ также была возстановлена и гарантирована Вѣнскимъ конгрессомъ, трудно найти предметъ, который бы въ большей степени касался интереса не только всѣхъ европейскихъ (за исключеніемъ развѣ Швеціи, Даніи и Голландіи, почти не имѣющихъ католическихъ подданныхъ), но и всѣхъ американскихъ державъ, какъ организація папской власти. И развѣ маловажная вещь — уничтоженіе свѣтской власти папъ? Конечно, на первый взглядъ, папство лишилось части своего могущества—что на руку для власти государственной. Но вѣдь это зависитъ только отъ противоположности интересовъ папства съ государственными интересами Италіи. Но въ сущности, такъ ли они непримиримы и противоположны? И не возможно ли возрожденіе Гвельфскаго духа? Италія причисляется къ первостепеннымъ державамъ Европы, но вѣдь болѣе изъ вѣжливости, чѣмъ по дѣйствительнымъ размѣрамъ ея политической силы. Въ дѣйствительности, Италія не болѣе, какъ первое изъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ. Также и Римъ, ставъ столицей Италіи, потерялъ въ своемъ значеніи, хотя на первыхъ порахъ и не замѣчаетъ еще своего разжалованья. На-

родное честолюбіе итальянцевъ ни тѣмъ ни другимъ не можетъ долго оставаться довольнымъ. Папство же всегда умѣло сообразоваться съ обстоятельствами и подчинять ихъ себѣ. Въмѣсто хрупкой опоры, доставлявшей папскому престолу двумя съ половиною милліоновъ его бывшихъ, большею частію мятежныхъ, подданныхъ, не можетъ ли оно задумать опереться на весь двадцатипяти-милліонный итальянскій народъ, который съ своей стороны, черезъ нравственное значеніе папства, пріобрѣтетъ громадное политическое вліяніе, какого не въ состояніи доставить ему его національная сила? Въ этомъ смыслѣ уже высказался патеръ Курчи, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ ордена Іезуитовъ, хотя идея не нашла себѣ пока сочувствія. Взаимное раздраженіе еще слишкомъ сильно, но оно уляжется.

Зачѣмъ однако заглядывать въ болѣе или менѣе отдаленное будущее? Практическая дипломатія имѣетъ преимущественно дѣло съ насущными вопросами настоящаго. Чтò же могло быть ближе и для интересовъ минуты и для вопросовъ будущаго, какъ перемѣны, происшедшія въ Германіи въ томъ же 1866 и въ 1871 годахъ? Главнымъ, основнымъ, существеннѣйшимъ, любимѣйшимъ созданіемъ Вѣнскаго конгресса, былъ конечно Германскій союзъ. По выраженію вѣмцевъ,—съ этимъ союзомъ стоитъ и падаетъ все дѣло Вѣнскаго конгресса. И нельзя не сознаться, что учрежденіе это, хотя оно и подвергалось жестокимъ нападкамъ, было дѣломъ дѣйствительной политической мудрости, доставившимъ Европѣ слишкомъ сорокалѣтній миръ—благодѣяніе, котораго она еще никогда прежде не испытывала. Германскій союзъ былъ конечно искусственнымъ политическимъ зданіемъ, но въ то время не существовало еще никакого естественнаго организма, который могъ бы занять его мѣсто. Организмъ этотъ родился и созрѣлъ подъ его покровомъ. Германскій союзъ обладалъ огромною оборонительною силою, и, находясь въ срединѣ Европы, раздѣлялъ собою всѣ элементы ея, которые могли бы вступить между собою въ борьбу, по крайней мѣрѣ въ борьбу рѣшительную; сверхъ того, онъ нейтрализовалъ антагонизмъ Пруссіи и Австріи. Напротивъ того, его наступательная сила, нуждавшаяся для своего проявленія въ быстромъ соглашеніи всѣхъ его, во многихъ отношеніяхъ разнородныхъ, составныхъ частей, равнялась почти нулю. Этимъ онъ служилъ широкою основою для возможно устойчиваго равновѣсія Европы. Однако этотъ палладіумъ европейскаго равновѣсія и спокойствія былъ нис-

провергнуть, сначала внутреннюю, а затѣмъ внѣшнюю войной. На мѣсто чисто охранительнаго союза возникла сильная, способная къ самому энергическому наступательному дѣйствію, имперія,—и все же, ни послѣ первой, ни послѣ второй войны, ни послѣ 1866, ни послѣ 1871 года,—европейскія государства, подписавшія актъ Вѣнскаго конгресса, не сочли нужнымъ собраться на новый конгрессъ, хотя бы только для обсужденія и утвержденія происшедшей перемѣны.

Вотъ что говорятъ прецеденты!

И однакожъ, канцлеръ Германской Имперіи, въ произнесенной имъ въ рейхстагѣ рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «то, что будетъ составлять перемѣну противъ обязательствъ 1856 г., потребуетъ санкціи участвовавшихъ въ нихъ державъ»; и въ другомъ мѣстѣ: „насколько оно (т. е. вознагражденіе за убытки войны) денежное—оно касается лишь воюющихъ державъ; насколько территориальное—контрагентовъ парижскаго трактата, и должно быть регулировано съ ихъ санкціи».

Странныя слова въ устахъ князя Бисмарка! Читая ихъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, счелъ ли бы князь Бисмаркъ основательными, справедливыми и дружелюбными къ Пруссіи фразы подобныя этимъ, произнесенныя кѣмъ-либо изъ руководителей политики дружественныхъ Пруссіи государствъ въ 1866 и 1871 годахъ? Почему же въ 1878 году по отношенію къ Россіи справедливо и даже какъ бы само собою разумѣется, что все, составляющее отступленіе отъ трактатовъ 1856 года, должно подлежать утвержденію державъ, участвовавшихъ въ Парижскомъ трактатѣ; а въ 1866 и 1871 годахъ, по отношенію къ Пруссіи или Германіи, было бы несправедливо и пожалуй даже оскорбительно заявлять, что все, составлявшее отступленіе отъ трактатовъ 1815 года, должно подлежать утвержденію державъ, участвовавшихъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ?

Все та же вѣчная двойственность мѣръ и вѣсовъ, какъ со стороны европейскихъ враговъ, такъ и со стороны европейскихъ друзей, когда дѣло идетъ о Россіи и о другихъ державахъ. Двойственность эта и оскорбительна и лестна. Оскорбительна она для тѣхъ, которые видятъ въ Россіи не болѣе какъ одного изъ членовъ европейской (не слишкомъ впрочемъ дружной) семьи, и естественно желаютъ, чтобы она пользовалась полною равноправностью съ прочими братьями. Дѣйствительно оскорбительна, очень оскорбительна должна быть эта

двойственность для тѣхъ, которые считаютъ высшею честью Россіи принятіе ея въ сонмъ европейскихъ державъ, и стараются заслужить эту честь, какою бы то ни было цѣною. Но она очень лестна для тѣхъ, которые видятъ въ Россіи иное: не равноправнаго члена европейской семьи, а главу иной семьи, равноправной всей совокупности того, что называется системою европейскихъ государствъ. Лестна потому, что въ этой двойственности слышится голосъ внутреннего сознанія, говорящій съ затаенною скорбью уязвленнаго самолюбія: „какъ ни скромничай, какъ ни умаляй себя, мы знаемъ—ты центръ инаго, новаго, начинающаго складываться міра... Въ виду судебъ твоихъ мы не можемъ быть къ тебѣ справедливы, мы не смѣемъ относиться къ тебѣ безпристрастно“.

Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, однакожь, двойственность эта одинаково поучительна и приводитъ къ тому же окончательному выводу, что «друзей у нашей Руси нѣтъ»; что всѣ конечно готовы пользоваться ея услугами, но любятъ платить за эти услуги если и не отъявленною феноменальною неблагодарностью, на что конечно не всѣ обладаютъ достаточно мѣднымъ лбомъ, то по крайней мѣрѣ, какъ мы уже разъ выразились, ассигнаціями весьма низкаго курса за чистое золото;—что Россія должна всегда промышлять сама о себѣ; что она должна приготовить себѣ иныхъ друзей, связанныхъ съ нею не только болѣе или менѣе случайными общими интересами и временными сочувствіями, а общностью всей исторической судьбы своей, своего настоящаго и будущаго.

Но возвратимся къ нашему предмету. Примѣры недавняго прошлаго съ достаточною ясностью показываютъ, что принципъ пересмотра перемѣнъ, произведенныхъ войной между государствами, участвовавшими въ предшествовавшихъ мирныхъ договорахъ, которыми былъ установленъ тотъ именно порядокъ вещей, который отмѣняется въ цѣломъ, или отчасти,—на практикѣ признаваемъ не былъ.

Но русскія воззрѣнія на политическія дѣла отличаются, какъ извѣстно, удивительнѣйшею гуманностью и наитончайшею деликатностью. Мы не хотимъ брать примѣра съ другихъ, если ихъ дѣйствія не согласуются съ самою строгою справедливостію, съ самыми возвышенными требованіями интересовъ цивилизаціи, самымъ самоотверженнымъ безкорыстіемъ; мы не хотимъ, въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, «съ волками жить—по волчьи вѣть».

Избави Богъ осуждать въ самомъ ихъ основаніи такія качества русскаго политическаго міровоззрѣнія. Мы только сожалѣемъ, что нерѣдко нами пересаливаются эти политическія добродѣтели, пересаливаются въ томъ смыслѣ, что, въ погонѣ за преувеличеннымъ безкорыстіемъ, мы жертвуемъ нѣкоторыми интересами только потому, что они наши интересы, ради другихъ—только потому, что они чужіе, не обращая порой вниманія на внутреннія свойства этихъ интересовъ, на то, что наши интересы—интересы законные, справедливые, священные, человѣчные, а интересы чужіе—своекорыстные, эгоистическіе, даже варварскіе, — забываемъ, что не всегда великодушіе—дѣйствительно великодушно.

Для безкорыстной русской мысли представляется поэтому важнымъ не то, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступали другіе, а какъ должно поступать. Если они поступали несправедливо, эгоистично, насильственно — это намъ не образецъ. Важно даже не то, каково внутреннее достоинство этого трактата, о которомъ идетъ рѣчь; важенъ самъ принципъ. Война измѣнила положеніе вещей, освященное договоромъ, выгоднымъ для насъ или невыгоднымъ—это все равно. Не справедливо-ли, чтобы всѣ участники прежняго договора обсудили эти перемѣны, съ тѣмъ чтобы ихъ утвердить или отвергнуть?—вотъ въ чемъ, по мнѣнію иныхъ, существенный вопросъ. Нѣтъ, несправедливо,—отвѣтимъ мы, не обинуясь; несправедливо, потому что не исторично. Великіе историческіе интересы изъемятся изъ юрисдикціи дипломатіи, которая, въ данномъ случаѣ, уже тѣмъ доказала свою некомпетентность, что дѣло вышло изъ ея рукъ и дошло до войны,—а рѣшаются непосредственною борьбою народныхъ силъ. Въ этихъ вопросахъ, опредѣляющихъ историческую будущность народовъ, рѣшеніе не можетъ быть предоставлено соглашенію отдѣльныхъ лицъ, часто своекорыстныхъ и всегда близорукихъ, но должно рѣшаться борьбою историческихъ силъ. Логика событій, логика исторіи находится нерѣдко въ противорѣчій съ логикой индивидуальной. Кто признаетъ въ ходѣ исторіи направляющую волю высшаго разума,—конечно, не усомнится предпочесть первую—второй. Напротивъ того, кто въ этомъ ходѣ видитъ не болѣе, какъ сочетаніе неразумныхъ случайностей, результатъ борьбы неразумныхъ силъ, конечно, долженъ быть склоненъ видѣть величайшій успѣхъ въ подчиненіи хода событій человѣческому разуму. Но для нашей цѣли нѣтъ надобности возвышать вопроса до этой философской высоты. Мы готовы согласиться

съ послѣдними, если только намъ покажутъ, что въ дипломатическихъ собраніяхъ — не говоримъ дѣйствительно проявляется, но даже имѣетъ возможность проявиться эта разумность, имѣющая руководить судьбами народовъ. На дѣлѣ, критерій разумности ихъ рѣшеній приводится къ рѣшенію по большинству голосовъ, и еще по какому большинству! Въ парламентахъ, палатахъ, гдѣ также рѣшаетъ большинство, не смотря на всю противоположность интересовъ и возрѣній, на всю игру страстей, господствуетъ всѣмъ общее стремленіе къ государственному благу, примиряющее противорѣчія. Различіе во взглядахъ относится собственно (съ исключеніями конечно) къ средствамъ его достиженія, — единая же цѣль всѣми одинаково признается. Гдѣ же это высшее примиряющее начало на дипломатическихъ конференціяхъ? Не благо-ли человечества? Не говоря уже о томъ, что никому неизвѣстно въ чемъ оно состоитъ, — не смѣшная-ли фикція предполагать, что стремленіемъ къ нему одушевляются члены дипломатическихъ конгрессовъ или конференцій?

Въ чемъ можетъ проявиться на дѣлѣ дипломатическое вмѣшательство государствъ, неучаствовавшихъ въ войнѣ? — Или въ безплодной тратѣ времени, тяжело отзывающейся на тѣхъ, кто ее вель, ибо нерѣшительность положенія, поддерживаемая дипломатическими преніями, препятствуетъ имъ разоружиться; или въ новой войнѣ; или, наконецъ, въ рѣшеніи вопроса въ анти-историческомъ смыслѣ. Первые два случая понятны сами по себѣ, только послѣдній требуетъ нѣкотораго разъясненія.

Отношенія государствъ другъ къ другу, ихъ взаимныя права и обязанности опредѣляются мирными договорами. Но государства — живые организмы. Они растутъ и измѣняются, и притомъ неравномѣрно, не одинаково въ разныхъ направленіяхъ. Съ теченіемъ времени, обязанности оказываются стѣснительными и нарушаются, права — излишними или недостаточными. Возникаютъ новыя требованія. Установленный договоромъ *modus vivendi* оказывается невыносимымъ. Конечно, дѣло можно уладить полюбовными сдѣлками, посредничествомъ — и здѣсь они вполне умѣстны, по крайней мѣрѣ въ теоріи, если не на практикѣ. Полюбовныя сдѣлки, посредничество, даже при размежеваніи угодій, рѣдко удаются, и приходится прибѣгать къ силѣ судебныхъ рѣшеній. По неимѣнію такой силы въ дѣлахъ международныхъ, возникаетъ война и устанавливаетъ новыя отношенія, болѣе соответствующія новымъ потребностямъ

и интересамъ, успѣвшимъ развиться въ періодъ предшествовавшаго мира, и болѣе соразмѣрныя съ новымъ распредѣленіемъ государственныхъ силъ. Въ чемъ же можетъ состоять посредническая дѣятельность государствъ, не участвовавшихъ въ войнѣ, но участвовавшихъ въ заключеніи того мира, послѣдствія котораго именно и отмѣняются войной? Очевидно они будутъ стараться о сохраненіи, на сколько возможно, прежняго порядка вещей, который былъ сообразенъ съ ихъ выгодами, такъ какъ они его установили. Чтò имъ за дѣло, что онъ не пригоденъ для тѣхъ, кого онъ ближе и прямѣе касается? Они знаютъ лишь свои интересы. Дѣйствіе ихъ не можетъ быть иное, какъ тормозящее, задерживающее, мертвящее, однимъ словомъ, противоисторическое. Они всегда будутъ на сторонѣ формальной легальности противъ живой дѣйствительности.

Эти посторонніе участники всегда будутъ отстаивать привилегированное положеніе, доставшееся имъ по прежнему трактату, несмотря на то, что привилегія уже отжила свой вѣкъ, совершенно такъ, какъ, на примѣръ, торійскіе аристократы отстаивали представительство гнилыхъ мѣстечекъ. Между тѣмъ, очевидно, что самыя интересы, за которые они такъ горячо стоятъ, въ сущности и для нихъ несущественны; иначе они не предоставили бы ихъ защиту силамъ своего кліента, а сами бы помогали защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но такъ какъ дѣло было не кровное, они возлагаютъ надежду на слабость имъ противной, на силу имъ пріязненной стороны. Когда же кривая не вывезла, они хотятъ жать тамъ, гдѣ не сѣяли, думая, что имъ легче удастся справиться съ противникомъ, ослабленнымъ только-что выдержанною имъ, хотя бы и побѣдоносною, войною. Честный-ли это расчетъ и можетъ-ли онъ повести къ благотѣльнымъ, разумнымъ послѣдствіямъ? Освободилась-ли и объединилась-ли бы Италія, образовалась-ли бы Ново-Германская имперія, если-бы участь ихъ зависѣла отъ рѣшеній европейскаго конгресса или конференціи,—такъ какъ вѣдь все это были событія въ высшей степени антилегальныя, несогласныя съ прежними трактатами, хотя и совершенно законныя съ точки зрѣнія живой исторической дѣйствительности? По крайней мѣрѣ на сколько были бы они урѣзаны! Сколько новыхъ попытокъ потребовалось бы для окончательнаго достиженія ихъ цѣлей, а слѣдовательно сколько новыхъ войнъ пришлось бы выдерживать!

Такимъ образомъ, съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на вопросъ: съ точки-ли зрѣнія специальныхъ достоинствъ Парижскаго трактата, его особыхъ правъ на значеніе договора, который долженъ регулировать международныя отношенія, съ точки-ли зрѣнія авторитета прецедентовъ, представляемыхъ повѣйшею исторіею—авторитета дипломатическихъ обычаевъ, или, наконецъ, съ точки зрѣнія самаго выставляемаго принципа *in abstracto*:—мы приходимъ къ одинаковому заключенію, что не участвовавшіе въ войнѣ, въ сопряженныхъ съ нею жертвахъ и усиліяхъ, не имѣютъ достаточныхъ правъ и основаній на участіе въ установленіи ея результатовъ.

И такъ, мы имѣемъ полное право отвергнуть первое основаніе, приводимое въ оправданіе притязаній державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, на пересмотръ состоявшихся между Россіей и Турціей мирныхъ условій, на собранномъ для этой цѣли дипломатическомъ собраніи. Посмотримъ, не заслуживаетъ-ли большаго уваженія второе изъ приводимыхъ основаній, заключающееся не въ требованіяхъ формальной легальности, а въ дѣйствительныхъ интересахъ европейскихъ державъ.

IV.

Общевропейскіе интересы.

I.

(„Русскій міръ“ 1879, 5 апр.).

Что такое европейскій интересъ и въ чемъ онъ заключается.—Примѣры Италіи и Германіи.—Вопросъ объ устьяхъ Дуная.—Значеніе территоріальныхъ перемѣнъ въ Малой Азіи.—Вопросъ о проливахъ.—Отзывъ князя Бисмарка.—Для кого важны ключи отъ нашего дома.—Примѣръ—проходы въ Индію.—Домогательства Англіи.—Значеніе Индіи для Англіи и для Россіи.—Безсмысленность взаимной вражды.

Конференціи или конгрессы необходимы, говорятъ, потому, что, кромѣ интересовъ Россіи и Турціи, мирный договоръ между ними затрагиваетъ и интересы общеевропейскіе. Тутъ, слѣдовательно, вопросъ не въ теоріи, а въ фактахъ. Чтобы отвѣчать на вопросъ, есть-ли надобность въ дипломатическомъ собраніи европейскихъ государствъ, съ этой точки зрѣнія, надо показать, какіе-же это общеевропейскіе интересы, затрагиваемые русско-турецкимъ мирнымъ договоромъ.

Сербія и Румынія получаютъ полную независимость; независимость Черногоріи признается Турціею; владѣнія этихъ государствъ увеличиваются; Болгарія становится полунезависимымъ вассальнымъ княжествомъ, вступающимъ въ тѣ-же отношенія къ Турціи, въ которыхъ до сего времени находились Румынія и Сербія; Россія получаетъ денежное и территориальное вознагражденіе. Прежде думали, что въ это вознагражденіе поступитъ и часть турецкаго флота, но отъ этой надежды приходится отказаться. Относительно проливовъ все остается по старому; только нейтральныя торговыя суда могутъ проходить черезъ нихъ и въ военное время. Къ этому присоединяется еще намѣреніе Россіи промѣнять у Румыніи уступленную ей Турціей Добруджу на часть Бессарабіи, отошедшую отъ Россіи по Парижскому трактату, — не всю, однакожъ, а только по самый сѣверный изъ рукавовъ Дуная. Подъ земельнымъ вознагражденіемъ разумѣется небольшая часть Малой Азіи, съ городами Батумомъ, Арлаганомъ, Карсомъ и Баязетомъ. Эрзерумъ, какъ было надѣялись, сюда не вошелъ.

Напрягая все свое вниманіе, во всемъ этомъ мы рѣшительно ничего общеевропейскаго не можемъ замѣтить. Ни единый общеевропейскій интересъ, не только прямой, но даже косвенный, ничѣмъ не нарушенъ. Разсмотримъ, однако, всѣ эти пункты подробнѣе и внимательнѣе, — не найдемъ-ли чего.

Прежде всего, что такое общеевропейскій интересъ? Очевидно, — такой интересъ, который касается всѣхъ европейскихъ государствъ, или по крайней мѣрѣ большинства ихъ. Такъ, напри-
мѣръ, интересъ, представляемый устройствомъ папской власти, о чемъ мы уже сказали нѣсколько словъ, можетъ быть названъ общеевропейскимъ, ибо касается почти всѣхъ государствъ Европы. Также вопросъ о Зундской пошлинѣ былъ общеевропейскимъ, и даже общеевропейскимъ, сверхъ того. Пожалуй, и вопросъ объ устройствѣ Германіи, въ видѣ ли блаженной памяти союза, или нынѣшней имперіи, былъ общеевропейскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, для Австріи эта перемѣна вообще весьма невыгодна, хотя бы уже по одному тому, что прежній союзъ гарантировалъ значительную часть ея земель, — а вѣдь всякая гарантія ей куда какъ нужна. Нѣтъ надобности, думаю, распространяться, что и для Франціи гораздо была пріятнѣе сосѣдка, растягиваемая надвое противоположными стремленіями Австріи и Пруссіи, съ придачею еще особыхъ тенденцій Баваріи, Бадена и проч., чѣмъ нынѣшняя объединенная

грозная нѣмецкая сила. Для Англіи явился новый конкуррентъ въ области политическихъ вліяній, пока, правда, только на европейскомъ континентѣ, но есть основанія предполагать, что онъ не замедлитъ оказать ихъ и на моряхъ; военный флотъ новой имперіи по крайней мѣрѣ усиливается; обо всемъ этомъ нечего было тревожиться со стороны Германскаго союза. Голландія населена народностью весьма близкою къ нѣмецкой, а отъ нижненѣмецкой даже мало чѣмъ и отличимою. Есть ей, слѣдовательно, основаніе позадуматься надъ германскими объединительными тенденціями. Къ тому же, чрезполосный Люксембургъ уже совсѣмъ нѣмецкій, и Рейну, по крайней мѣрѣ его судоходной части, только одна Голландія мѣшаетъ сдѣлаться совсѣмъ нѣмецкою рѣкою. Нужно ли говорить о Даніи?—она на опытѣ извѣдала, какая разниа между Германскимъ союзомъ и самостоятельно дѣйствующей Пруссіей, изъ сравненія годовъ 1848 и 1849 и 1864. Швеція съ Норвегіей, уже по общескандинавскому чувству, стоятъ на этой же точкѣ зрѣнія. Швейцарія имѣетъ въ этомъ отношеніи точки соприкосновенія съ Голландіей. Для Россіи теперь положительно выгодноѣ имперія, чѣмъ прежній союзъ; но это можетъ измѣниться. Италія, думаю, въ томъ же положеніи, какъ и Россія. Для Испаніи и Португаліи—хотя отъ первой и загорѣлся сыръ боръ—что союзъ, что имперія—совершенно безразлично. И такъ, мы видимъ семь государствъ: три большихъ и четыре малыхъ, интересы которыхъ превращеніемъ союза въ имперію—или положительно нарушены, или болѣе или менѣе угрожаются въ будущемъ; два большихъ, для которыхъ это, говоря вообще, пока выгодно, и два: одно среднее, другое малое, для которыхъ это совершенно безразлично. Безспорно, слѣдовательно, что тутъ былъ интересъ общеевропейскій. Замѣтимъ еще, что оба упомянутые нами общеевропейскіе вопроса, Римскій и Германскій, были рѣшены въ національномъ и антиевропейскомъ смыслѣ, и весьма основательно. Потому что и Германія, и Италія помогали только своего, законнаго. Не стоятъ же имъ въ самомъ дѣлѣ изъ-за другихъ! Если кому отъ этого не поздоровилось—все, что можно сказать: тѣмъ хуже для него. Заачить, его организмъ чѣмъ нибудь да страдаетъ, въ какомъ-нибудь направленіи поврежденъ, ненормально развитъ, не на здоровыхъ основахъ утвержденъ,—если чужой ростъ, удовлетвореніе законныхъ требованій другихъ народностей ему не понутру.

Возвращаясь къ своему предмету, мы найдемъ, что если бу-

демъ придерживаться вышеприведеннаго опредѣленія общеевропейскихъ интересовъ, то, въ числѣ поименованныхъ мирныхъ условий, мы не найдемъ ни одного, которое представляло бы необходимый для того характеръ. Уменьшимъ наши требованія; пусть общеевропейскимъ будетъ называться такой интересъ, который касается хотя бы только нѣсколькихъ, не замѣшанныхъ въ войнѣ государствъ.

Болѣе всѣхъ будетъ носить этотъ характеръ возвращеніе Россіи отошедшей отъ нея полосы Бессарабіи, такъ какъ съ этимъ сопряжено владѣніе Дунаемъ, а рѣка эта служитъ важнымъ торговымъ путемъ для Австріи и для небольшой части Германіи. Что же требуется отъ такой международной рѣки? — Чтобы плаваніе по ней было свободно отъ истоковъ до устья, для всѣхъ прибрежныхъ государствъ. И больше ничего. Но вѣдь это условіе совершенно не зависитъ отъ того, кому принадлежитъ та или другая часть рѣки, предполагая, конечно, что ни одинъ изъ прибрежныхъ владѣтелей не покровительствуетъ рѣчному разбою, какъ то дѣлали въ былыя времена Алжиръ и Тунисъ на морѣ. Если государство, доселѣ не прилежавшее къ Дунаю, сдѣлается прибрежнымъ, то, само собою разумѣется, оно получитъ всѣ права и приметъ на себя всѣ обязанности, съ этимъ сопряженныя. Это могло бы еще составить какой-нибудь вопросъ, еслибъ Дунай былъ единственною въ мірѣ рѣкою, протекающею черезъ нѣсколько государствъ. Но такихъ рѣкъ на свѣтѣ не мало, и никого онѣ не затрудняютъ. Напримѣръ, Рейнъ протекаетъ черезъ Швейцарію, Германію и Голландію, а недавно протекалъ и по границѣ Франціи, однакожъ никто на это не жалуется. Можетъ быть, скажутъ, что устья Рейна находятся въ рукахъ государства незначительнаго по своей силѣ, которое не дерзнетъ рѣшиться на образъ дѣйствій несогласный съ выгодами верховыхъ государствъ, и что, отдавая Румыніи отошедшую отъ Россіи часть Бессарабіи, Парижскій трактатъ и имѣлъ именно въ виду устроить въ низовьяхъ Дуная положеніе дѣлъ, подобное существующему въ низовьяхъ Рейна. Въ виду этого возраженія, намъ стоитъ только перемѣнить примѣръ, чтобы доказать, что свобода судоходства ни мало не зависитъ отъ принадлежности рѣчныхъ устьевъ непременно политически-слабому государству. Эльба протекаетъ по Австріи и Германіи; Висла — по Австріи, Россіи и Германіи, Нѣманъ — по Россіи и Германіи. Чего уже сильнѣе теперешней Германіи, а развѣ эта сила низоваго го-

сударства чѣмъ нибудь вредить интересамъ верховныхъ? Почему же Россія заслуживаетъ менѣе довѣрія, чѣмъ Германія? Такое утвержденіе было-бы весьма оскорбительно, и едва-ли кто рѣшится его произнести. Ясно, что никакой конференціи и никакого конгресса не требуется для улаженія столь простаго дѣла.

Но если возвращеніе Россіи части Бессарабіи, не смотря на Дунай, имѣетъ весьма ничтожное значеніе съ точки зрѣнія общеевропейскихъ интересовъ,—оно составляетъ вопросъ большой важности для самой Россіи, и потому я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе въ эту сторону.

Возвращеніе полосы Бессарабіи Россіи можетъ имѣть тройное значеніе: 1) значеніе территориальнаго увеличенія, сопряженнаго съ увеличеніемъ государственнаго могущества; 2) значеніе вопроса чести, какъ подтвержденіе принципа, что Россія никогда не признаетъ насилъственнаго отторженія самаго незначительнаго пространства ея территории; 3) значеніе стратегическое. О первомъ не стоитъ собственно и говорить. По своему пространству, по числу населенія, кусочекъ Бессарабіи, въ сравненіи съ Россіей, есть величина совершенно ничтожная. Во второмъ смыслѣ вопросъ этотъ, конечно, приобретаетъ несомнѣнную важность. Но тутъ одна квадратная верста равняется сотнямъ квадратныхъ миль. Все или ничего—должно быть въ этомъ случаѣ девизомъ. До 1856 года намъ принадлежала не только полоса земли до лѣваго берега самаго сѣвернаго изъ рукавовъ Дуная, но и вся дунайская дельта, отошедшая не къ Румыніи, а непосредственно къ Турціи, вмѣстѣ съ островомъ Фидониси, о которомъ и теперь еще не извѣстно, кому онъ будетъ принадлежать. Дельта же должна отойти къ Румыніи вмѣстѣ съ Добруджей. Слѣдовательно, вопросъ чести все-таки не будетъ удовлетворенъ. Но намъ кажется, что въ фактическомъ удовлетвореніи его въ настоящемъ случаѣ вообще не предстоитъ никакой надобности. Понятіе о чести, личной или государственной, есть понятіе идеальное, и идеальное возстановленіе ея вполне достаточно. То-есть, вполне достаточно убѣжденіе,—а кто же можетъ не имѣть его?—что Россія имѣла бы полную возможность возвратить себѣ у нея отнятое, если бы захотѣла; приводить же или не приводить въ исполненіе свою волю — она предоставляетъ своему благоусмотрѣнію. Наконецъ, стратегическое значеніе отошедшей полосы Бессарабіи заключается единственно въ непосредственномъ соприкосновеніи черезъ нее съ Болгарією, а затѣмъ и съ Турцією,

еще третьимъ путемъ, сверхъ Малой Азіи и моря. Но это значеніе совершенно утрачивается, если Добруджа должна отойти къ Румыніи, въ видѣ вознагражденія за возвращаемую Россіи территорію.

Между тѣмъ, мысль объ уступкѣ Россіи куска Бессарабіи, какъ мы видѣли, въ сущности ей бесполезнаго, возбуждаетъ неудовольствіе нашихъ бывшихъ союзниковъ, а отдѣленіе Добруджи отъ Болгаріи не можетъ быть пріятно Болгаріи, потому что нарушаетъ если не этнографическіе, то географическіе ея естественные предѣлы,—неудовольствіе, которое, конечно, постараются развить со всѣхъ сторонъ. Главный же интересъ Россіи въ странахъ нижняго Дуная заключается, думаемъ мы, въ слѣдующемъ: въ томъ прежде всего, чтобы Румынія не обратилась, какъ выражаются, въ южную Бельгію—въ нейтральное государство, а лучшее средство для этого, чтобы сами румыны этого не желали, какъ истинные ихъ интересы и не допускаютъ желать. По счастью, Австрія также не желаетъ нейтрализаціи Румыніи, конечно, въ надеждѣ осуществить въ будущемъ свои на нее виды. Но, еслибъ даже они и осуществились, мы твердо убѣждены, что Россіи скорѣе бы можно согласиться на присоединеніе Румыніи къ Австріи, чѣмъ на ея нейтрализацію. Австрія не такая сила, съ которою Россіи было бы особенно трудно справиться при случаѣ; общеевропейскій же клинъ, вбитый въ славянское тѣло, составилъ бы такое препятствіе, для устраненія котораго потребовалась бы со стороны Россіи рѣшимость на оскорбленіе европейскаго величества, на что, при извѣстномъ уваженіи ея къ легальности, невозможно, да и не желательно разсчитывать, не говоря уже о матеріальныхъ трудностяхъ такого нарушенія. Такія нарушенія сходятъ съ рукъ всегда только одной Англіи, сходили при благопріятныхъ обстоятельствахъ не разъ Италіи и Германіи, но Россіи едва ли когда сойдутъ, если уже и архилегальныя, наистрожайше законныя ея дѣйствія раздражаютъ столь многихъ до забвенія и внѣшней законности, и внутренней правды. Затѣмъ, интересъ Россіи требуетъ, чтобы Румынія признавала, что до сихъ поръ она достигала своихъ цѣлей только тяжелыми усиліями и стараніями Россіи, направленными не противъ Турокъ только, и что точно также и въ будущемъ—дальнѣйшихъ своихъ національныхъ цѣлей она можетъ достигнуть не иначе, какъ опираясь на Россію; какъ сливая свои выгоды съ ея выгодами.

Пойдемъ далѣе. Въ вознагражденіе жертвъ и убытковъ своихъ Россія получаетъ небольшую часть Малой Азіи. Чѣмъ это затро-

гиваетъ общевропейскіе интересы? Думаемъ — не болѣе, чѣмъ и присоединеніе Заревпанскаго округа или Ферганской области. Отношеніе силъ Россіи къ другимъ европейскимъ государствамъ черезъ это нисколько не измѣнится. Присоединенныя области не дадутъ ей ни одного лишняго солдата, да, кажется, и ни одного лишняго ружья на случай европейской войны. Это вовсе не то, что, на примѣръ, присоединеніе къ Германіи Шлезвигъ-Голштиніи, Эльзаса и Лотарингіи, которыя увеличиваютъ ея боевыя силы двумя или по крайней мѣрѣ полутора корпусами. Даже и финансовыя силы Россіи немного возрастутъ, если только возрастутъ. Все, что Россія выиграетъ, — это улучшеніе ея стратегическаго положенія въ той отдаленной мѣстности, и облегченіе для торговли пріобрѣтеніемъ хорошей гавани, которой ей не доставало на протяженіи всей закавказской береговой линіи. Общевропейскаго тутъ нѣтъ ничего. Есть, можетъ быть, спеціально англійское? Но это уже совершенно иное дѣло, ничего не имѣющее общаго съ созваніемъ общевропейскаго конгресса. Но не самъ ли лордъ Дерби, которому ближе всего знать, объявилъ, что нѣтъ даже и этого? И въ самомъ дѣлѣ, ни для русскихъ, ни для англичанъ не пролегаетъ чрезъ эти страны пути въ Индію. Черезъ Трапезунтъ, Эрзерумъ, Баязетъ ведетъ Англія довольно значительную торговлю съ Персіей, ну и будетъ продолжать себѣ ее вести и послѣ присоединенія нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ къ Россіи. Только увеличится безопасность торговаго пути; вмѣсто вьючныхъ, слѣдаются дороги колесными, а чего добраго со-временемъ и желѣзными. Вотъ и всѣ измѣненія, которыхъ можно ожидать.

Но вотъ доходитъ, наконецъ, дѣло до проливовъ. Мирныя условія, къ сожалѣнію, ихъ не касаются. Но допустимъ предположеніе, что вопросъ этотъ былъ бы рѣшенъ самымъ желательнымъ для Россіи образомъ, то есть, что, тѣмъ или инымъ способомъ, они совершенно закрываются во всякое время для военныхъ флотовъ всей Европы и, напротивъ того, постоянно остаются открытыми только для военныхъ флотовъ Турціи и Россіи. Чѣмъ нарушило бы это общевропейскіе интересы? Мы часто читали и слышали, что бѣда будетъ отъ этого для Европы страшная. Даже князь Бисмаркъ, человѣкъ и прозорливый и не пугливаго десятка, повидимому однакоже раздѣляетъ эти опасенія. «Вопросъ о Дарданеллахъ», сказалъ онъ въ рейхсратѣ, «имѣетъ громадную важность, если дѣло идетъ о томъ, чтобы проходъ черезъ нихъ, и ключи къ

Босфору и Дарданелламъ передать въ другія руки, предоставить, напимѣрь, Россіи отпирать и запираць ихъ по своему усмотрѣнію». Весь рейхстагъ кричить: «слушайте, слушайте!» то есть, также признаеть за этимъ дѣломъ громадную важность. Въ чемъ же однако заключается эта громадная важность—этотъ страхъ и ужасъ общества, этотъ кошмаръ Европы,—и онъ не соблаговолилъ разъяснить; и никогда и ни отъ кого мы этого объясненія не слыжали. А вѣдь очень было бы любопытно узнать. Ужасъ, да и все тутъ! Важность тутъ конечно есть, но только для Россіи, и больше ни для кого. Какому хозяину не важно имѣть замокъ и ключъ отъ своего дома? Но что до этого хозяевамъ другихъ домовъ?—рѣшительно не понимаю. Еще могу постигнуть важность для плутовъ, мошенниковъ, воровъ, чтобы дома запирались плохими замками, къ которымъ легко поддѣлывать фальшивые ключи; но для чего это честнымъ домохозяевамъ,—не могу въ толкъ взять.

Но оставимъ шутки въ сторону, которыя, однакоже, въ сущности вовсе даже и не шутки, а самыя точныя и простыя уподобленія. Вопросъ о проливахъ раздѣляется самымъ естественнымъ образомъ на два вопроса: на вопросъ о запрещеніи входа иностраннымъ военнымъ судамъ въ Черное море — и на вопросъ о свободномъ выходѣ изъ Чернаго моря русскаго флота. Почему въ первомъ отношеніи Россія должна находиться не только въ вѣчной зависимости отъ произвола другаго государства, но даже не можетъ выговорить себѣ опредѣленныхъ на этотъ счетъ правъ, безъ дозволенія совершенно постороннихъ дѣлу государствъ,—это такое нарушеніе здраваго смысла и всѣхъ понятій о справедливости, которому нѣтъ имени и нѣтъ примѣра въ исторіи. Можетъ быть, не всѣмъ читателямъ извѣстно, что съ сухаго пути англійская Индія находится, въ отношеніи къ ведущимъ въ нее путямъ, совершенно въ такомъ же положеніи, какъ Россія на Черномъ морѣ. Со всѣхъ сторонъ окружена она горами, на сѣверѣ совершенно непроходимыми, но проходимыми съ запада. Главнѣйшихъ западныхъ проходовъ два: Хиберскій и Боланскій, и оба они лежатъ внѣ границъ англійской территоріи. Первый—въ Афганистанѣ близъ самой индійской границы, второй — въ Белуджистанѣ или Келатѣ, довольно далеко отъ границы. Англія обезпечила себѣ эти пути договорами съ тамошними ханами, и первый, если не ошибаюсь, даже укрѣпила и охраняеть своими войсками. Чтò сказали-бы англичане, если бы кто сталъ утверждать, что общеевропейскіе, или хотъ

пожалуй только спеціально русскіе интересы требуютъ, чтобы проходы эти находились въ совершенно свободномъ распоряженіи Кабульскаго эмира и Келатскаго хана, и чтобы Англія отнюдь не смѣла заручаться какими бы то ни было обезпеченіями насчетъ закрытія ихъ, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, не говоря уже о содержаніи въ нихъ гарнизона или устроенія англійскихъ укрѣпленій? Прежде всего, Англія могла бы спросить: «да какое вамъ дѣло до этихъ проходовъ? Они могутъ быть вамъ нужны только для вторженія въ Индію; ну, а противъ этого, извините, мы считаемъ себя въ правѣ принимать всякаго рода предосторожности». А наши опасенія относительно Чернаго моря еще гораздо справедливѣе. Въ Индію, съ тѣхъ поръ какъ она англійская, еще никто пока означенными проходами не врывался, а въ Черномъ морѣ господа англичане и французы уже хозяйничали и не мало бѣдъ намъ натворили. Во время крѣпостнаго права встрѣчались господа и чаще барыни, которые били своихъ людей и грозно требовали, чтобы они держали руки по швамъ, отнюдь не отбиваясь. Видно Европа считаетъ Россію своею крѣпостною дѣвкой и право требовать, чтобы она держала руки по швамъ, когда ей вздумается бить ее, считаетъ общеевропейскимъ интересомъ. Удивительнымъ образомъ устроены европейскіе мозги! Вообще очень ученые и здравомыслящіе, они непремѣнно подвергаются частному умопомѣшательству, лишь только ихъ вниманіе направится на Россію и русскія дѣла, умопомѣшательству, доходящему до совершенной невозможности отличать бѣлое отъ чернаго, правое отъ неправого.

Если такъ ясно несомнѣнное право Россіи занять Босфоръ для своего огражденія, то не большаго труда представляетъ доказательство и ея несомнѣннаго права отпирать, какъ Босфоръ, такъ и Дарданеллы, для выхода ея изъ Чернаго моря. Это доказательство допускаетъ совершенно геометрическую строгость. Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что проходъ черезъ проливы былъ всегда свободенъ для Россіи, и только для нея одной (кромѣ Турціи, конечно); но что Россія, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, не держала флота въ Черномъ морѣ. Результатъ былъ бы тотъ же, что и теперь, т. е., что, не смотря на свободу проливовъ, русскій флотъ не появлялся бы на водахъ Средиземнаго моря. Но вотъ Россія вздумала обзавестись флотомъ. Имѣла-ли бы кака-либо европейская держава право протестовать противъ этого, подъ тѣмъ предлогомъ, что черезъ это явится на Средиземномъ морѣ

новая политическая сила? Очевидно, нѣтъ. Въ обоихъ случаяхъ произошло-бы, однакожъ, одинаковое явленіе: возможность присутствія на водахъ Средиземнаго моря и океановъ новаго элемента политическаго дѣйствія. Почему же въ одномъ случаѣ никто не сочтетъ себя въ правѣ препятствовать этому, а въ другомъ можетъ это дѣлать, не выходя изъ границъ международнаго права? Скажутъ, что въ предполагаемомъ нами случаѣ Россія пользовалась бы только естественнымъ правомъ, принадлежащимъ всякому независимому государству, устройства своихъ вооруженныхъ силъ. Совершенно вѣрно. А не то же ли самое и во-второмъ, дѣйствительно существующемъ случаѣ? Россія также пользовалась-бы лишь своимъ естественнымъ правомъ вступать въ договорныя сдѣлки съ другимъ также независимымъ государствомъ.

Но существуетъ если не право, то, по крайней мѣрѣ, поводъ къ ограниченію неоспоримаго права Россіи получить свободный входъ и выходъ изъ своего дома. Въ другой статьѣ *) мы рассматривали вопросъ о проливахъ съ этой точки зрѣнія, и потому, не повторяя здѣсь нашихъ доказательствъ, приведемъ лишь сдѣланный нами тамъ выводъ, что для государствъ бассейна Среди земнаго моря свободный проходъ русскаго военнаго флота черезъ Босфоръ и Дарданеллы не только можетъ быть, говоря теоретически, столько же благопріятнымъ, сколько и неблагопріятнымъ, но въ дѣйствительности, на практикѣ, это принесетъ имъ гораздо больше пользы, нежели вреда. Только относительно Англіи, которая, однакожъ, не есть средиземноморское государство, это можетъ казаться невѣрнымъ, такъ какъ, по своему преобладающему положенію на морѣ, она не имѣетъ надобности разсчитывать на полезнаго, при случаѣ, союзника, а скорѣе можетъ опасаться врага. Эта вѣроятность враждебнаго столкновенія Россіи съ Англіею, какъ извѣстно, основывается, по мнѣнію англійскихъ государственныхъ людей и англійской публики, на возможности, которую имѣетъ Россія, и одна только Россія, сдѣлать нападеніе на Индію съ сухаго пути. Изъ этого истекаетъ для Англіи необходимость всегда держать открытымъ свободное сообщеніе съ Индіей, самымъ короткимъ путемъ, т. е. Суэцскимъ каналомъ, и слѣдовательно всѣми мѣрами противиться возможности для русскаго флота угрожать этому пути изъ Чернаго моря. Вотъ англійская точка зрѣнія, ко-

*) См. выше, стр. 53—70.

торая, хотя, въ сущности и не даетъ ей ни малѣйшаго права препятствовать осуществленію совершенно законныхъ требованій Россіи на свободный выходъ изъ замкнутаго моря, большею частію береговъ котораго она владѣтъ, но служить объясненіямъ незаконныхъ домогательствъ Англіи. Посмотримъ, однакоже, на дѣло съ другой стороны, и мы легко убѣдимся, что, даже съ точки зрѣнія исключительныхъ интересовъ Англіи, ея образъ дѣйствій не имѣетъ смысла.

Имѣетъ-ли Россія какую-нибудь разумную, хотя-бы и самую эгоистическую причину овладѣть Индіею, вытѣснивъ оттуда англичанъ? Въмѣсто отвѣта поставимъ рядъ другихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Увеличиваетъ-ли Индія наступательныя силы Англіи?—Нѣтъ, потому что ея сипайская армія недостаточна даже для охраненія Индіи, такъ какъ она должна, сверхъ нея, содержать еще дорогостоящую англійскую индійскую армію и англійскихъ офицеровъ въ рядахъ самихъ сипаевъ. Увеличиваетъ-ли Индія оборонительную силу Англіи?—Не только нѣтъ, но еще значительно ослабляетъ ее, требуя отвлеченія, для защиты ея, значительной доли англійскихъ силъ, и составляя тѣмъ не менѣе ея ахиллесову пяту по отношенію къ Россіи. Въ чемъ же заключается для Англіи важность обладанія Индіей? Во-первыхъ, въ отношеніи торговомъ, оно доставляетъ сбытъ англійскимъ произведеніямъ и значительный матеріалъ для фрахта англійскихъ судовъ; во-вторыхъ, при ультра-аристократическомъ характерѣ государственнаго и общественнаго строя, представляетъ возможность доставлять богато оплачиваемыя мѣста въ гражданской, судебной и военной службѣ младшимъ сыновьямъ англійской аристократіи. Можетъ быть, возразятъ, что при широкомъ развитіи англійской промышленности и торговли, ей нечего бояться конкуренціи, и что если-бы Индія и не принадлежала ей политически, она все-таки продолжала бы находиться въ почти исключительной отъ нея торговой зависимости. Нѣтъ,—потому что неизвѣстно, какой торговой политики стали бы держаться тѣ туземныя или иноземныя государства, власть которыхъ замѣнила бы власть Англіи въ Индіи. Также безспорно, что, безъ политическаго преобладанія, Англіи никогда бы не удалось одною свободною конкуренціею сокрушить мануфактурную промышленность Индіи, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія имѣвшую огромное значеніе. Такъ, несмотря на конкуренцію, и даже на нѣкоторую помощь со стороны артиллеріи и флота, Англіи не удается подавить мануфактурную дѣятельность Китая; а любопытно

было-бы посмотрѣть, сколько лѣтъ она просуществовала-бы, если-бы Китай, подобно Индіи, подпалъ подъ политическую власть Англіи.

Но если это такъ, если Индія не увеличиваетъ собственно политической силы Англіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и отчасти даже ее ослабляетъ, то обладаніе этою страной, по тѣмъ же самымъ причинамъ, и въ еще гораздо большей степени, ослабитъ политическую силу Россіи. Я говорю «еще въ большей степени» потому, что Россіи пришлось бы поддерживать свою связь съ Индіей не быстрымъ и дешевымъ морскимъ, а медленнымъ и дорогимъ сухопутнымъ сообщеніемъ. Коммерческихъ выгодъ Россія изъ Индіи извлечь бы не могла, по неразвитости своей промышленности и морской торговли. Соціальныхъ причинъ, заставляющихъ Англію держать въ своихъ рукахъ Индію, Россія также не имѣетъ. Очевидно, слѣдовательно, что Россія не можетъ имѣть и не имѣетъ никакого желанія овладѣть Индіей. И однакоже весьма возможно, что Россія принуждена будетъ предпринять походъ въ эту страну съ единственною цѣлью выгнать изъ нея англичанъ. Въ рѣшительной борьбѣ съ Англіей, которая, при образѣ ея дѣйствій относительно насъ, неминуемо должна наступить, это есть единственное средство Россіи поборотъ своего противника. Указываютъ еще на крейсерство и каперство. Неоспоримо, что и это весьма дѣйствительныя пособія, но это только дѣйствія партизанскія, могущія нанести противнику довольно существенный вредъ, но не могущія повести къ рѣшительнымъ цѣлямъ.

Но съ какой стати Россіи воевать съ Англіей? Если кому нечего дѣлать другъ съ другомъ,—то это, конечно, Англіи съ Россіей. По праву или въ противность всякому праву владѣетъ Англія Гельголандомъ, Гибралтаромъ, Мальтой, Перимомъ, Трансваальской республикой, мысомъ Доброй Надежды, Иль-де-Франсомъ:—до этого Россіи нѣтъ никакого дѣла. Завладѣетъ ли она сверхъ сего Канарскими или Азорскими островами, Явой, Суматрой, Сан-Доминго, Кубой, хотъ даже цѣлой Бразиліей:—Россіи опять-таки и до этого никакого не будетъ дѣла. Напротивъ того, для нея весьма пріятно быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ Англіей. Она лучший покупатель русскихъ товаровъ; вѣрнѣйшій источникъ, изъ котораго Россія могла бы заимствовать капиталы для развитія своей промышленности. Англія также находитъ въ мирныхъ сношеніяхъ съ Россіей значительныя торговныя выгоды. Изъ-за чего же воевать? Единственно изъ-за того, что Англія уже съ давнихъ поръ по-

стоянно и неуклонно противодѣйствуетъ русской политикѣ относительно Турціи; противилась прежде, противится и теперь освобожденію единовѣрцевъ и единоплеменниковъ Россіи; противится развитію русскаго черноморскаго флота; не хочетъ допустить насъ пользоваться нашими естественными правами свободного входа и выхода изъ нашего внутренняго моря. Для чего же это она дѣлаетъ? Для охраненія Индіи на случай войны съ Россіей—войны, которая единственно изъ этого только можетъ проистечь. Такимъ образомъ, передъ нами предстаетъ слѣдующее невѣроятно нелѣпное положеніе вещей, слѣдующій курьезный *circulus vitiosus*:

Россія и Англія не имѣютъ ни малѣйшаго повода ко взаимной враждѣ. Сферы ихъ вліянія такъ различны, что не пересѣкаются ни въ одной точкѣ. Напротивъ того, многіе общіе интересы связываютъ ихъ между собою. Всего менѣе имѣетъ Россія побужденій угрожать положенію Англіи въ Индіи. Что же дѣлаетъ Англія? Чтобы предупредить эту, совершенно мнимую опасность, чтобы противодѣйствовать планамъ, которые никогда и въ голову Россіи не могли входить, она своими руками создаетъ эти побужденія, создаетъ дѣйствительную для себя опасность, принуждаетъ Россію усвоить себѣ эти планы, тѣмъ, что постоянно оскорбляетъ самыя святыя симпатіи Россіи, нарушаетъ самыя насущныя, самыя законныя, самыя жизненные интересы, и наконецъ, рано или поздно, теперь или въ далекомъ будущемъ, вынудить Россію обратиться къ единственному средству обороны, находящемуся въ ея рукахъ, отъ нападеній Англіи, истощить ея долготерпѣніе, заставить собрать всѣ свои силы, чтобы предпринять походъ въ Индію, и нанести Англіи смертельный ударъ. Это ли не безуміе!

II.

(„Русскій Міръ“ 1879 г. 12 апр.).

Болѣзненные «европейскія» требованія.—Роковое положеніе Австріи.—Прекшнія австрійскія войны, ихъ ограниченныя цѣли и предѣлы.—Грозная особенность столкновеній съ Россією на почвѣ Славянства.—Невозможность федеративнаго устройства Австріи.—Благоразуміе австрійскихъ дѣятелей и тройственный императорскій союзъ.—«Почетный» выходъ изъ затрудненій—присоединеніе Босніи и части Герцеговины.—Два Лейтанинъ, съ прибавкою третьей, магометанской.—Тяжелая, но быть можетъ необходимая задача.

Остается послѣдній пунктъ мирныхъ условій, — освобожденіе балканскихъ христіанъ: независимость и увеличеніе Сербіи и Ру-

мыніи, усиленіе Черногоріи, автономія Болгаріи въ истинныхъ /
предѣлахъ болгарской національности. Чтò тутъ общеевропейскаго?

Ни одинъ народъ и ни одно государство не оказали столькихъ /
услугъ другимъ народамъ и государствамъ, какъ Русскій народъ
и Русское государство—услугъ не только безкорыстныхъ, но часто
даже противныхъ прямымъ выгодамъ Россіи. Ни одинъ человѣкъ,
съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, не освободилъ столькихъ миллио-
новъ людей отъ разныхъ видовъ рабства, какъ Императоръ Але-
ксандръ II, и никому, въ теченіе всей всемірной исторіи, не при-
надлежитъ съ такимъ правомъ титулъ Освободителя. Такова была
милость Господня къ Русскому народу и благодушному Царю его.
Желаеть-ли Европа приобщиться, если и не къ послѣднему ихъ
подвигу, то, по крайней мѣрѣ, къ ихъ славѣ? Если такъ, то, про-
тивъ этого, конечно, никто возражать не станетъ. Но только съ
одной этой точки зрѣнія и можно считать вопросъ о Болгаріи,
Сербіи, Черногоріи, Румыніи и вообще о христіанскихъ земляхъ
Турціи—вопросомъ общеевропейскимъ. Однако, по всему, чтò видно
и слышно, не таковы намѣренія многихъ великихъ европейскихъ
державъ. Не укрѣпить, а умалить добытую для христіанскихъ на-
родовъ свободу хотять онѣ. Не съ точки зрѣнія человѣколюбія,
свободы, справедливости требуютъ онѣ пересмотра русско-турс-
кихъ мирныхъ условий, а съ точки зрѣнія нарушенныхъ будто бы
общеевропейскихъ интересовъ именно этими освободительными мир-
ными условіями.

Въ самомъ германскомъ рейхстагѣ, въ отвѣтъ на рѣчь импер-
скаго канцлера, и не съ враждебной, повидимому, стороны, раз-
дались такія странныя слова, произнесенныя депутатомъ Генке-
лемъ: „Ни одно изъ европейскихъ государствъ не имѣетъ инте-
реса въ поддержкѣ связи между Турціей, Сербіей, Черногоріей и
Румыніей. Но проекты, составленные въ настоящее время въ пользу
Болгаріи и Босніи, слишкомъ имѣютъ въ виду интересы одной Рос-
сіи и прямо нарушаютъ интересы Австріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и
наши“. Полагаемъ, что имѣются и должны имѣться, прежде всего,
въ виду интересы не Австріи, не Германіи и даже не принесшей
безчисленныя жертвы Россіи, а интересы самой Болгаріи и самой
Босніи. Если интересы Россіи совпадаютъ съ этими интересами,
то есть, съ интересами справедливости, правъ національностей,
слишкомъ долго презиравшихся, человѣколюбія,—неужели это со-
впаденіе можетъ считаться въ чѣмъ-либо умѣ, если только это

умъ здравый и неослѣпленный,—достаточною причиною идти противъ справедливости, противъ правъ національностей, противъ челоѡколюбія? Изумительная была бы эта логика! Если же интересы Австріи этому противорѣчатъ, то все, что можно и должно сказать въ этомъ случаѣ: тѣмъ хуже для нихъ. Есть рассказы, что иногда люди бываютъ одержимы такими болѣзнями, что жизнь ихъ можетъ быть спасена и поддержана только ваннами изъ челоѡческой крови. Для такихъ больныхъ—только одно рѣшеніе: пусть умираютъ!

Умаленіе и стѣсненіе правъ народностей, выходящихъ изъ подъ турецкаго гнета, не можетъ быть общеевропейскимъ интересомъ. Тутъ интересъ только австрійскій. Если Англія, противоѣдствуя законнымъ стремленіямъ Россіи получить свободный выходъ изъ внутренняго моря и оградить берега его отъ посѣщенія непрощенныхъ гостей,—какъ говорится—съ жиру бѣсится, безъ всякой надобности, съ-дуру накликаетъ на себя бѣду, теперь или въ близкомъ будущемъ, то, по справедливости, мы не можемъ того же сказать объ Австріи.

Положеніе Австріи роковое, что бы она ни дѣлала, какъ бы ни изворачивалась. Она не больной челоѡкъ, какъ Турція; она челоѡкъ—приговоренный и обреченный на смерть. Вода, наполняющая сосудъ, стоящій въ совершенномъ спокойствіи, сохраняетъ свою жидкость, хотя температура ея далеко уже упала ниже точки замерзанія; но сотрясеніе разомъ ее замораживаетъ. Таково положеніе Австріи. Одинъ сильный ударъ можетъ ее окончательно убить и болѣе она уже не воскреснетъ. Австрія, какъ всякому извѣстно, есть политическое тѣло, лишенное внутренней связи между составляющими ее частями. Вѣрить въ жизненность ея могутъ только дипломаты. Мѣсто взаимной притягательной силы между этими частями заняла искусственная связь государственнаго управленія, давленіе двухъ политически преобладающихъ народностей, вѣмецкой и мадьярской, а также старая привычка политическаго сожительства. Извнѣ со всѣхъ сторонъ расположены центры внѣшняго притяженія, которые стремятся растянуть это разнородное тѣло, разорвать его на болѣе естественныя группы. Оно находится въ состояніи крайняго напряженія, при которомъ едва-едва сохраняется равновѣсіе. Одинъ сильный внѣшній ударъ, направленный съ надлежащей стороны, и Австрія лопнетъ по швамъ. Но ударъ этотъ можетъ нанести только Россія. Всѣ прочіе

сосѣди, находившіеся съ нею въ разное время во враждѣ, могли нанести ей лишь болѣе или менѣе тяжелыя, но несмертельныя и залечимыя раны. Съ одной стороны, сами они не имѣли интереса наносить Австріи вредъ болѣе существенный, съ другой—и сами элементы, составляющіе Австрію, не имѣли достаточныхъ побужденій продолжать и усиливать дѣйствіе внѣшняго удара. Напротивъ того, въ случаѣ борьбы Россіи съ Австріей, Россія не только можетъ, но даже и противъ воли своей принуждена будетъ нанести ей смертельный ударъ.

Цѣль Франціи, въ ея продолжительной борьбѣ съ Габсбургскимъ домомъ, заключалась лишь въ ослабленіи его нѣкогда могущественнаго вліянія на европейскія дѣла, но только до извѣстныхъ границъ, которыя никакъ не могли доходить до полнаго разложенія состава австрійскихъ наслѣдственныхъ земель, ибо это создало бы новую силу, гораздо опаснѣйшую для Франціи, на ея восточныхъ границахъ, какъ оно и случилось на дѣлѣ, помимо ея воли конечно, но по ея непредусмотрительности. Войны эти имѣли чисто политическій характеръ.

Италія могла разумно стремиться только къ отвоеванію итальянскихъ земель габсбургской короны, и къ этому прочіе элементы Австріи, за исключеніемъ нѣмецкаго, относились совершенно равнодушно. Но дѣло приняло бы совершенно иной оборотъ, еслибы Италія захотѣла, на примѣръ, овладѣть Далмаціею, Истріею и вообще Адриатическимъ побережьемъ, потому что нѣкогда они отчасти принадлежали Венеціанской республикѣ. Безъ сомнѣнія, не только нѣмцы, но и всѣ славянскія народности Австріи воспротивились бы этому всѣми своими силами.

Наконецъ тоже можно сказать и о борьбѣ съ Пруссіей и вообще съ Германіей. Интересы Пруссіи заключались только въ выдѣленіи Австріи изъ Германіи, въ совершенномъ устраненіи ея вліянія на нее, дабы тѣмъ уничтожить разъ навсегда пагубный дуализмъ, составлявшій истинную причину политической слабости нѣмецкой націи. Далѣе Пруссія не могла идти. Даже присоединеніе къ Германской имперіи чисто нѣмецкихъ австрійскихъ областей ослабило бы значеніе германской народности въ міровыхъ судьбахъ въ гораздо большей степени, чѣмъ насколько усилилось бы политическое могущество германскаго государства. Но и съ другой стороны, распаденіе Австріи на ея составные элементы, подъ напоромъ Пруссіи, не могло соответствовать интересамъ австрій-

скихъ народностей. Это справедливо не только по отношенію къ славянамъ, что уже само по себѣ ясно, но и по отношенію къ мадьярамъ и даже самимъ нѣмцамъ, которые лишились бы своего преобладающаго, господствующаго положенія.

Совершенно иное дѣло Россія. Еслибъ Россія была только Россіей, т. е. національно-русскимъ государствомъ, какъ Италия—национально-итальянское, Германія—національно-нѣмецкое, то вся политическая противоположность между Россіей и Австріей ограничивалась бы лишь тѣмъ, что въ составъ австрійскихъ владѣній входятъ и чисто-русскія земли: большая часть Галиціи, угорская Русь и часть Буковины. Противоположность эта могла бы разрешиться такъ же, какъ она разрешилась между Италіей и Австріей, присоединеніемъ этихъ земель къ общему Русскому отечеству. Послѣ этого ихъ отношенія приняли бы общій политическій характеръ, основанный на временномъ и случайномъ совпаденіи или противорѣчій интересовъ. Но Россія не только національно-русское государство, а и глава Славянскаго міра. Въ Австріи же Славянство занимаетъ не отдѣльный какой нибудь уголь, въ родѣ итальянскихъ Ломбардіи и Венеціи, а проникаетъ весь государственный составъ, составляетъ основную ткань, въ которую почти всѣ другія народности какъ бы вкраплены.

Понятно, на чьей сторонѣ будутъ народныя симпатіи, въ случаѣ борьбы Австріи съ Россіей, и какой результатъ могло бы имѣть пораженіе первой. Оно коснулось бы не какой либо окраины государства, но поразило бы его въ самое сердце, уничтоживъ то двойное давленіе, которое держитъ славянскій элементъ въ подчиненномъ положеніи. Чтобы противодействовать этому, австрійское правительство не имѣло бы другаго средства, какъ предупредить это насильственное разложеніе, полнымъ уравниемъ правъ своихъ славянскихъ подданныхъ съ правами привилегированныхъ народностей. Переустройство Австріи на благопріятный Россіи, то есть Славянству, ладъ сдѣлалось бы для нея необходимостью. Повторилось бы то же явленіе, которому мы были свидѣтелями послѣ 1866 года, только въ одномъ направленіи и въ большихъ размѣрахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, война 1859 года съ Франціей изъ-за Италіи не оказала никакого вліянія на внутренній строй австрійскаго государства, потому что итальянскія владѣнія были только выѣшней приставкой къ Австріи. Отдѣленіемъ этой приставки все и ограничилось. Напротивъ того, война съ Германіей, не лишившая Ав-

стріи ни одного кусочка земли, повела къ ея внутреннему переустройству, въ благопріятномъ для Германіи смыслѣ, потому что преобладаніе досталось какъ сочувственному Германіи элементу, нѣмецкому, такъ и по внутренней своей ничтожности нисколько для Германіи не опасному элементу, мадьярскому, подкрѣпляющему нѣмецкій, оказавшійся, по семнадцати-лѣтнему опыту, слишкомъ слабымъ для безраздѣльнаго и исключительнаго господства. Только послѣ утвержденія германо-мадьярскаго дуализма очутилось Славянство въ положеніи подчиненномъ, низшемъ, принесенномъ въ жертву другимъ. Въ прежнее Метерниховское и до-Метерниховское время (за исключеніемъ лишь неудавшихся объединительныхъ попытокъ Іосифа II) въ Австріи господствовалъ единственно отвлеченно-государственный, династическій принципъ; всякое же національное стремленіе, всякая національная жизнь — нѣмецкая и мадьярская въ томъ числѣ — были почти одинаково преслѣдуемы.

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ выводѣ, намъ представится слѣдующее странное положеніе вещей: безъ искренней помощи своихъ славянскихъ подданныхъ, Австрія не можетъ воевать противъ Россіи; помощь эту можетъ она себѣ обезпечить только уравненіемъ ихъ правъ съ правами привилегированныхъ народностей; но съ этимъ уравненіемъ славянскія стремленія получаютъ перевѣсъ, и славяне австрійскіе не захотятъ воевать противъ славянъ русскихъ, за стѣсненіе правъ славянъ турецкихъ: и Россія безъ войны достигнетъ всѣхъ своихъ цѣлей, Австрія же перестанетъ быть Австріей.

Весьма многіе изъ австрійскихъ славянъ, а также и у насъ, представляютъ себѣ, что такое перерожденіе Австріи и есть настоящая панацея отъ всѣхъ ея бѣдъ, и это переустройство Австріи на федеральныхъ началахъ величаютъ именемъ разумнаго панславизма, и удивляются ослѣпленію австрійскихъ государственныхъ мужей, никакъ не хотящихъ прибѣгнуть къ столь цѣлебному средству. Согласимся, что и это панславизмъ, но только не разумный, а идиллическій; согласимся, что и это панацея, — но панацея въ томъ только смыслѣ, въ которомъ называютъ смерть лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней.

При федеративномъ устройствѣ, Австрія становится славянскимъ государствомъ, и доселѣ господствовавшія народности, нѣмецкая и мадьярская, обращаются, если не въ угнетенныя, какъ

теперь славяне, то во всякомъ случаѣ въ подчиненныя. Но вѣдь и это невыносимо для честолюбивыхъ націй, привыкшихъ къ господству. Примѣромъ могутъ служить поляки, которымъ не свобода нужна, а господство, отчего и проистекають всѣ ихъ бѣды. Съ потерей преобладанія исчезнетъ для нѣмцевъ и всякая побудительная причина продолжать оставаться въ союзѣ; они, очевидно, будутъ стремиться присоединиться къ могущественной Германіи, захвативъ съ собою въ придатокъ какъ можно больше славянскихъ клочковъ. Мадьяры, которымъ дѣваться некуда, конечно, тоже будутъ искать покровительства Германіи, чтобы, съ ея помощью, сохранить хотя часть своего господства. Австрійскіе же славяне не могутъ противиться ни тому, ни другому, и, окруженные сильными внѣшними врагами, разбѣдаемые внутренними, по самому политическому положенію, не говоря уже о національныхъ симпатіяхъ и влеченіяхъ, не будутъ имѣть другаго исхода, какъ вступить въ самую тѣсную связь съ Россіей. Такимъ образомъ, австрійская федерація неминуемо обратится въ федерацію всеславянскую, а идиллическій панславизмъ — въ панславизмъ дѣйствительный, реальный.

Положеніе Австріи передъ вступленіемъ въ войну съ Россіей подобно положенію человѣка, готовящагося вынуть билетъ изъ лотереи, въ которой выигрышъ — извѣстная, хотя бы и значительная сумма денегъ, а проигрышъ смерть, и въ которой, какъ и вообще въ лотереяхъ, число проигрышей во много разъ превосходитъ число выигрышей. Много ли смѣльчаковъ, готовыхъ рѣшиться на такую азартную игру? Во всякомъ случаѣ, осторожная Австрія не въ числѣ ихъ, если только ей извѣстно истинное положеніе дѣлъ. А что оно ей извѣстно, о томъ свидѣтельствуетъ перемѣна тона многихъ ея туркофильскихъ газетъ, перестроившихъ свою лиру съ воинственнаго на мирный тонъ, какъ только наступила пора переходить отъ словъ къ дѣламъ, и съ еще гораздо большимъ авторитетомъ свидѣтельствуетъ тоже самое и вся новая исторія Австріи.

Австрію почему-то считаютъ государствомъ миролюбивымъ, и въ ея силѣ и вліяніи видятъ залогъ мирнаго направленія европейской политики. Такое мнѣніе дѣйствительно справедливо, если ограничить поле наблюденій одною эпохой Меттерниха, государственнаго мужа, вѣрно постигавшаго положеніе Австріи. Но если обратиться къ временамъ, предшествовавшимъ этой эпохѣ и послѣ-

довавшимъ за нею, то оно опровергается фактами. За послѣдніе два вѣка Австрія вела войны не только не рѣже, но едва ли даже не чаще всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ. Она пользовалась всѣми случаями, которые могли обѣщать ей какую либо выгоду, чтобы воевать со всѣми своими сосѣдями. Войны эти не происходили, какъ большая часть войнъ, веденныхъ Франціею, изъ войнолюбиваго характера ея населеній; или какъ войны Англіи,—изъ энергическаго преслѣдованія честолюбивой, а главное барышнической цѣли господства на всѣхъ моряхъ, то есть, собственно говоря, господства во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ Европы. Онѣ не были также развитіемъ одной, неуклонно преслѣдуемой цѣли, какъ войны Пруссіи, или оборонительными войнами, какъ войны Россіи. Австрійскія войны носятъ на себѣ характеръ политико-династическій. Не будучи проявленіями національных стремленій и требованій, онѣ велись всегда свободно и съ расчетомъ, а потому всегда были благоразумны и прекращались во-время, не переходя своихъ цѣлей, при успѣхѣ, и не доводя государственнаго организма до полнаго изнеможенія, при неудачѣ. Поэтому онѣ не представляютъ такихъ крушеній, какъ войны 1806 г.—для Пруссіи, 1870 и 1871 гг. для Франціи, или 1877 и 1878 — для Турціи; но за то не представляютъ и такихъ торжествъ крайняго напряженія народныхъ силъ, какъ революціонныя войны для Франціи, или 1812 годъ для Россіи. Организмъ Австріи не могъ бы выдержать такихъ усилій. Однако, между всѣми этими многочисленными войнами, веденными со всѣми сосѣдями, мы не встречаемъ ни одной войны противъ Россіи. (Войны 1809 и 1812 гг. были лишь одними демонстраціями, съ полнымъ сознаніемъ противниковъ, что они воюють только для вида). Между тѣмъ, столкновенія интересовъ между обоими государствами были довольно часты и такого характера, что не Россіи предстояла надобность противодѣйствовать стремленіямъ Австріи, а Австріи — стремленіямъ Россіи. Такъ было, напримѣръ, въ первую екатерининскую турецкую войну, въ 1828 и 1829, въ 1854 и въ 1863 годахъ. Зная свое положеніе, понимая всю опасность, не начнетъ Австрія войны и теперь, не начнетъ потому, что войны Австріи были всегда войнами благоразумными. Еслибы направленіе австрійской политики вполнѣ зависѣло отъ мадьярскаго вліянія, — тогда другое дѣло. Мадьяры — хотя маленькая, но все-таки національность, которая имѣетъ свои симпатіи и антипатіи, свои національныя цѣли. Ихъ

можетъ увлечь страсть, и расчетъ можетъ быть забытъ. Но, во внѣшнихъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, и нынѣшняя Австрія еще въ достаточной мѣрѣ сохранила свою независимость отъ мадьярскихъ увлеченій, чтобы устоять на своей разсчетливой, благоразумной отвлеченно-государственной точкѣ зрѣнія.

Эта благоразумная точка зрѣнія заключается для Австріи въ томъ, чтобы избѣгать того внѣшняго удара, который неминуемо приведетъ весь организмъ ея въ сотрясеніе и, какъ въ мало устойчивомъ химическомъ соединеніи, поведетъ къ разложенію его на составныя части и затѣмъ къ иной группировкѣ ихъ. За недостаткомъ внутренней связи, охрана ея организма зависитъ въ значительной степени отъ внѣшнихъ сдерживательныхъ вліяній, среди которыхъ она поставлена тройственнымъ союзомъ императоровъ. Понадѣявшись на свои внутреннія силы и соблазнившись благоприятными внѣшними обстоятельствами, она разъ уже сдѣлала попытку выйти изъ охранительныхъ условій подобнаго же союза. Она хорошо знаетъ, чѣмъ за это поплатилась, и какъ рада-рада была, когда, послѣ долгихъ мытарствъ, снова удалось ей поступить подъ его охрану. Неужели безъ пользы пропали для нея опыты недавняго прошлаго?

Конечно, образованіе и увеличеніе свободныхъ славянскихъ государствъ у границъ Австріи усиливаетъ тѣ внѣшніе центры притяженія, которые стремятся ее растянуть и заставить, какъ мы выразились, лопнуть по швамъ; но развѣ эта опасность можетъ сравниться съ тою, которою грозитъ война съ Россіей? Неужели она не понимаетъ, что, именно при этой борьбѣ, внѣшніе притягательные центры и пріобрѣтаютъ всю энергію своего дѣйствія?

Ручательствомъ для Австріи, что подъ эгидою императорскаго союза она можетъ надолго успокоиться, служатъ два свойства, издавна характеризующія внѣшнюю политику Россіи: самая строгая легальность и чрезвычайно медленное, но постепенное достиженіе своихъ цѣлей, чего во всей полнотѣ нельзя даже всегда приписывать сознательному способу дѣйствія руководителей ея политики, а скорѣе внутреннему инстинкту Россіи, говорящему ей, что у нея много времени впереди, и что цѣли ея лежатъ въ самомъ руслѣ историческаго потока и потому не могутъ отъ нея уйти. Скорѣе можно ожидать преувеличенія этихъ принциповъ, нежели ихъ нарушенія.

Къ такому положенію вещей, котораго не можетъ не понимать

Австрія, и, какъ по многому видно, дѣйствительно понимаетъ, присоединяется для нея весьма почетный выходъ изъ затрудненій, отличный предлогъ *faire bonne mine à mauvais jeu*. Это—присоединеніе въ той или другой формѣ, въ полномъ составѣ, или отчасти, Босніи и Герцеговины. Но какъ же намъ отнестись къ этой австрійской аннексії? Не будетъ ли она для славянскаго дѣла потерей, отрицательнымъ результатомъ, уравнивающимъ тѣ положительные результаты, которые приобрѣтены войною для Болгаріи, Сербіи и Черногоріи? Для непосредственнаго славянскаго чувства — это было бы, безъ сомнѣнія, въ высшей степени горестнымъ, печальнымъ событіемъ, и нельзя не желать пламенно, чтобы эта новая чаша горечи и испытаній прошла мимо Славянства. Однако, съ болѣе общей точки зрѣнія, и въ этомъ плачевномъ событіи откроется намъ, если и не утѣшеніе, то нѣкоторое вознагражденіе въ будущемъ. Добровольная сдача и пожаръ Москвы были въ высшей степени прискорбны для народнаго чувства; однакоже, они спасли Россію. Страданія, испытанныя Болгарами, какъ они ни обливали кровью славянское и даже вообще человѣческое сердце, искупили свободу Болгаріи. Такое же, думаемъ мы, будетъ имѣть значеніе присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи. Враги въ этихъ случаяхъ дальновиднѣе насъ самихъ и нашихъ друзей. Не даромъ и австрійскіе нѣмцы и мадьяры противятся этому присоединенію. Въ нашихъ глазахъ представляется важнымъ не то, что такимъ присоединеніемъ вообще усилится славянскій элементъ Австріи,—онъ и теперь уже достаточно силенъ,—а то, что усилится коренная рознь и противоположность между славянскою и неславянскою Австріею, что она прояснится для славянскаго сознанія.

Въ настоящее время Австрія официально состоитъ изъ двухъ Лейтаній, но ихъ уже и теперь можно насчитывать три. Кромѣ Лейтаніи нѣмецкой, гдѣ нѣмецкой народности подчинены и принесены въ жертву чехи, словенцы и далматы,—кромѣ Лейтаніи мадьярской, гдѣ ради мадьярскаго меньшинства угнетены словаки, русские, сербы, хорваты и румыны, вѣдь есть еще Лейтанія польская, гдѣ интересамъ польскаго меньшинства принесены въ жертву болѣе многочисленные русскіе. Съ присоединеніемъ Босніи и Герцеговины, къ этимъ тремъ Лейтаніямъ прибавится еще четвертая, магометанская Лейтанія, въ которой магометанскіе беги будутъ приняты въ союзъ съ прочими преобладающими и угнетательными элементами, а на

долю православныхъ сербовъ нечего не останется, кромѣ несправедливости и угнетеній, которыя будутъ здѣсь тѣмъ невыносимѣе, что къ гнету политическому присоединится несравненно труднѣе переносимый гнетъ социальный и экономическій. Такой союзъ ясно покажетъ, на чьей сторонѣ право и на чьей—насиліе, и отъ такого союза, конечно, не поздоровится. Напряженность національной вражды и противоположностей интересовъ возрастетъ и тѣмъ скорѣе доведетъ до кризиса. Присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи будетъ новымъ патрономъ динамита, подложеннымъ подъ государственную систему Австріи. Онъ еще скорѣе окажетъ свое дѣйствіе, если эти провинціи будутъ присоединены къ мадьярской Лейтаніи, какъ того требуетъ географическое ихъ положеніе, ибо въ способности подражать лягушкѣ, надувающейся въ быка, мадьяры имѣютъ достойныхъ соперниковъ въ однихъ только полякахъ.

Мужественные борцы за славянскую свободу, зажегшіе фитиль, взорвавшій на воздухъ зданіе турецкой неправды и нечестія, — вамъ не суждено еще успокоиться и насладиться плодами вашихъ героическихъ усилій! Отъ васъ требуется новый завершительный подвигъ. Вамъ же, видно, предназначено подать сигналъ къ сокрушенію и другаго врага Славянства,—развѣ благоразуміе и осторожность возьмутъ верхъ въ совѣтахъ его.

III.

(*Русскій Миръ*. 1879 г., 14 апр.).

Исключительныя отношенія Европы къ Россіи.—Уступчивость и упрямость во время войны и послѣ нея. — Еще о проливахъ.—Произвольная «европейская» опека. — Уроки прошедшаго и настоящаго. — Характеристика вѣншей политики Англіи.—Индійскій путь къ Босфору и Дарданелламъ.

Тщательнымъ и подробнымъ разборомъ мы показали, что мирныя условія между Россією и Турцією, которыми устраиваются дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, не подлежатъ обсужденію Европы, ни потому, что ими измѣняется Парижскій трактатъ, ни потому, что они, будто бы, касаются общеевропейскихъ интересовъ. Сколько мы ни искали, ни единого общеевропейскаго интереса не оказалось. Оказались только частные интересы, англійскіе и ав-

стрийскіе, интересы характера чисто эгоистическаго, и притомъ съ англійской стороны чисто мнимые, воображаемые, съ австрійской же—хотя и дѣйствительные, но совершенно незаконные, не заслуживающіе, съ точки зрѣнія права народовъ, справедливости и человѣчности, никакого вниманія. Почему же эти эгоистическіе мнимые и незаконные интересы Англій и Австріи, которыя притомъ вовсе не принимали участія въ войнѣ, ставятся не только на одну доску съ справедливыми, безкорыстными, человѣчными интересами Россіи, принесшей столько жертвъ кровью и достояніемъ своимъ, но даже гораздо выше ихъ, ибо нарекаются интересами общеевропейскими, передъ которыми должны преклониться интересы Россіи?

Потому, что, гдѣ только идетъ дѣло объ отношеніяхъ Европы къ Россіи,—тамъ нѣтъ и рѣчи о справедливости, равноправности, безпристрастіи. Эта безспорная истина вытекаетъ изъ анализа всѣхъ отношеній между Европой и Россіей уже съ очень давнихъ временъ. Она съ достаточной ясностью выразилась во всѣхъ обстоятельствахъ, приведшихъ къ Крымской войнѣ, во время и послѣ нея; но никогда еще она не обнаруживалась съ такою поразительною яркостью, какъ именно теперь.

Припомнимъ всю роскошь, все излишество уступчивости и миролюбія Россіи, въ теченіе почти двухлѣтнихъ переговоровъ отъ начала герцеговинскаго возстанія до объявленія войны Турціи. Война начинается, и тутъ дано время Турціи образумиться. Сама война ведется вначалѣ, такъ сказать, демонстративно. Россія не развиваетъ и трети своихъ силъ. Въ какихъ видахъ и въ чью угоду? спрашиваемъ мы. Но, по счастью для дѣла и по несчастью для самой Россіи, такъ какъ именно эта умѣренность увеличиваетъ въ огромныхъ размѣрахъ ея жертвы деньгами и людьми,—ослѣпленная Турція и въ самомъ дѣлѣ начинаетъ считать себя наканунѣ рѣшительной побѣды. Клики радости и восторга раздаются въ Европѣ. Но не на нихъ желаемъ мы обратить вниманіе. Прислушаемся, какъ относятся къ этому періоду войны наши доброжелатели. Напримѣръ, г. Бенигсенъ, мотивируя свой извѣстный вопросъ въ рейхстагѣ, видитъ въ нерѣшительномъ ходѣ начала войны, что русская армія, вслѣдствіе измѣнчивости военнаго счастья, претерпѣла столь сильныя неудачи, что это заставляло даже опасаться такого ослабленія Россіи, при которомъ она могла бы перестать служить достаточною поддержкою для сохраненія того положенія,

какое Германія занимаетъ въ Европѣ. Вотъ куда метнулъ! Между тѣмъ, не надо было имѣть большой проницательности, чтобы видѣть, что не было никакой измѣнчивости военнаго счастья, а было лишь недостаточное развитіе военныхъ силъ, вслѣдствіе того, что Россія избѣгала рѣшительнаго, подавляющаго образа веденія войны во вниманіе къ тому, что называется интересами Европы. Также, доброжелательный, повидимому, къ намъ корреспондентъ Times'a пишетъ: „Неповоротливость, отличавшая русское войско въ началѣ кампаніи, исчезла, и та сила, которая только возбуждала насмѣшки военныхъ въ Европѣ, стала могущественнымъ орудіемъ войны“. Въ чемъ же это господа европейскіе военные находили предлогъ для своихъ насмѣшекъ, и въ чемъ видѣли неповоротливость? Развѣ въ томъ изумительномъ геройствѣ, съ которымъ русская армія, попавшая въ критическое положеніе, единственно вслѣдствіе недостаточности введенныхъ въ дѣло силъ, не только боролась съ превосходными силами на Кара-Ломѣ, Шипкѣ и при Плевнѣ, но и сохранила всѣ преимущества, приобретенныя ею въ началѣ кампаніи? Мало въ этомъ смѣшнаго:—гораздо болѣе грознаго и внушительнаго!

Война ведется Турками со всѣми ужасами варварства, глубоко оскорбительными не только для народнаго чувства, при видѣ несказанныхъ терзаній тѣхъ, кого пришли мы защищать, не только для чувства военнаго товарищества и братства, при видѣ тѣхъ истязаній и поруганій, которымъ были предаваемы наши раненые и плѣнные, но и, вообще, для всякаго чувства человѣчности. И ни одного акта, не говорю мщенія, но даже и, всѣми признаваемыхъ законными, репрессалій, ни со стороны военнаго начальства, ни со стороны простыхъ солдатъ; ничего въ родѣ разстрѣливанія французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, которые вѣдь только защищали свое отечество вполне законными партизанскими дѣйствіями. Въ отвѣтъ на это мы встрѣтили гнусныя клеветы, подверглись чему-то въ родѣ изслѣдованія—*enquête internationale*. Когда, наконецъ, рядомъ неслыханныхъ, изумительныхъ подвиговъ, силы Турціи были разметаны въ прахъ,—наша армія остановилась среди своего триумфальнаго шествія. Нѣсколько дней пути отдѣляли ее отъ Константинополя, отъ исполненія завѣтныхъ стремленій Русскаго народа, отъ водруженія креста на куполѣ св. Софіи. Въ угоду чьихъ интересовъ, и даже не интересовъ, а чьихъ завистливыхъ, ревнивыхъ желаній, остановилась русская армія? Представимъ себѣ на

мѣстѣ ея какое угодно побѣдоносное войско: германское, англійское, французское,—поступило ли бы оно такъ? Не сочли ли бы необходимымъ удовлетворить столь естественному, столь законному народному чувству? А еслибы, изъ уваженія къ смирившемуся врагу, хотя и не заслуживающему такого снисхожденія, и удержались отъ занятія его столицы,—то не оградили ли бы, не обезпечили-ли бы вполнѣ своего положенія условіями перемирія, чтѣ въ то время было такъ легко сдѣлать, быстро занявъ, съ согласія или безъ согласія Турокъ, Дарданеллы и Босфоръ, и потребовавъ немедленной выдачи всего или хотя большей части турецкаго броненоснаго флота? Англія увидала бы тогда всю ничтожность своихъ грозныхъ морскихъ силъ и всѣ выгоды нашего стратегическаго положенія. Австрія была бы уничтожена однимъ ударомъ. Но Россія и тутъ, какъ и всегда, судила по себѣ: она не желала помнить многократныхъ опытовъ прошлаго, хотѣла видѣть въ своихъ скрытыхъ недругахъ честныхъ и благородныхъ противниковъ, и еще разъ должна была испытать коварство и вѣроломство.

За вниманіе къ ея такъ называемымъ интересамъ, Англія, и во время войны не соблюдавшая обязанностей нейтралитета, самымъ дерзкимъ образомъ ворвавшись въ Мраморное море, по своему исконному обычаю нарушила и этотъ нейтралитетъ, и прежніе, ея же защищаемые трактаты, какъ скоро соблюденіе ихъ представилось ей невыгоднымъ. Но уступчивость, снисходительность Россіи, скажу опять, не къ интересамъ, а просто къ желаніямъ другихъ державъ, не ограничилась условіями перемирія; она распространилась и на самый мирный договоръ. Россія отказалась отъ Салоникъ и отъ Адрианополя для Болгаріи, отъ Сѣницы, Вароша, Призрена—для Сербіи, отъ Эрзерума и броненоснаго флота—для себя, а главное — отказалась отъ своего самаго естественнаго, самаго законнаго права на свободный проходъ своего военнаго флота черезъ проливы.

Два раза говорилъ я уже о проливахъ, разбирая вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія; но не могу не обратиться еще разъ къ этому предмету, чтобы выставить на видъ тотъ новый оборотъ, который принимаетъ это дѣло, послѣ того какъ Россія лишается своего естественнаго права, уже не отъ сопротивленія Турціи, сломленной въ конецъ, и которая уже ничему противиться не могла, а вслѣдствіе сопротивленія Европы.

Турція, вступивъ своими завоеваніями въ обладаніе всѣми бере-

гами Чернаго и Азовскаго морей, которыми владѣла еще безраздѣльно въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, имѣла неоспоримое право и власть надъ проливами; она могла распоряжаться ими по единому своему усмотрѣнію. Когда, по разнымъ мирнымъ трактатамъ, всѣ берега Азовскаго и большая часть береговъ Чернаго моря перешли во власть Россіи, но вмѣстѣ съ этимъ не было приобрѣтено ею и прямое послѣдствіе этихъ территоріальныхъ измѣненій, заключающееся въ правѣ свободнаго плаванія по проливамъ для ея военныхъ судовъ: то въ этомъ еще не было ничего, кромѣ упущенія Россіею своихъ выгодъ, происходившаго отъ того, конечно, что упорство Турціи не было еще достаточно сломлено прежними войнами. Положеніе Россіи было похоже на положеніе тяжущагося, который выигралъ свой процессъ о какомъ либо спорномъ имуществѣ, но по какимъ нибудь причинамъ не могъ, или еще не успѣлъ, выговорить въ свою пользу нѣкоторыхъ правъ, пользование которыми нераздѣльно связано съ владѣніемъ выиграннаго имущества. Но съ того момента, какъ всякое сопротивленіе Турціи было окончательно сломлено, дѣло принимаетъ совершенно иной видъ. Вопросъ о выгодахъ переходитъ въ вопросъ о государственномъ и національномъ достоинствѣ Россіи. Она лишается своего естественнаго права уже не по обращенному въ ничто сопротивленію Турціи, единственнаго и законнаго владѣтеля проливовъ, а по сопротивленію Англіи или, лучше сказать, вообще Европы: ибо одна Англія, если бы не опиралась на сочувствіе Европы, не смѣла бы выставить своей оскорбительной претензіи, основываясь единственно на своихъ частныхъ эгоистическихъ интересахъ. Такое странное сопротивленіе Европы есть уже лишеніе Россіи равноправія, той свободы, верховенства и державности, которыя признаются неотъемлемыми свойствами всякаго, самаго маленькаго независимаго государства. Россія какъ бы ставится подъ опеку Европы, въ интересахъ которой налагаются на нее ограниченія въ пользованіи ея морскими силами. Въ сущности, это даже обиднѣе нейтрализаціи Чернаго моря. Россіи запрещается одинъ изъ способовъ проявленія ея государственной силы, въ видахъ мнимой общей пользы, мнимыхъ общихъ интересовъ Европы,—значить, признается, что она есть злая, вредоносная сила, къ которой питаютъ справедливое недовѣріе. Черноморскій флотъ Россіи считается какъ бы нравственно зачумленнымъ, отъ появленія котораго дозвоительно ограждать себя нѣкотораго рода общими карантинными мѣрами,—

разбойничьимъ, пиратскимъ флотомъ, такъ что можно и должно не допускать его на общую арену состязанія—открытое море. Ни одно государство въ Европѣ, Америкѣ, Азіи, Африкѣ или Австраліи, ни большое, ни малое, не подвергается такому оскорбительному ostracismу; ни на одно не налагается такихъ ограниченій въ пользованіи его вооруженными силами. Англія, угнетательница морей, несчетное число разъ нарушавшая своими произвольными дѣйствіями права нейтральныхъ судовъ, можетъ владѣть на чужихъ берегахъ и въ чужихъ водахъ Гельголандомъ, Гибралтаромъ, Мальтой, Церимомъ, Сингапуромъ, чуть не всѣми проливами и наблюдательными пунктами земнаго шара; а Россія, всегда стоявшая за свободу морей, за гуманизацію морской войны, лишается единственнаго выхода изъ своего замкнутого моря общимъ къ ней недоверіемъ, недоброжелательствомъ и непонятною пристрастностью Англіи. Развѣ это равноправность и справедливость? И когда подумаешь, изъ-за чего такая напасть! Беззаконная купеческая компанія, притѣснявшая, обманывавшая, грабившая, попиравшая царства и народы, и пролившая кровь, какъ воду, ради своихъ акціонерныхъ барышей, — основала на дальнемъ востокѣ купеческое царство—едва-ли не самое безнравственное явленіе во всей всемірной исторіи:—и вотъ это-то постыдное произведеніе алчности и корысти, en grand отравлявшее Китай, должно быть сохранено во что бы то ни стало, какъ нѣкій драгоцѣнный перлъ англо-саксонской цивилизаціи, и изъ-за этого-то гнуснаго наслѣдія торгашества и барышничества, недавно переименованнаго въ Индійскую имперію ея британскаго величества, наша великодушная, славная Россія должна быть спутана и связана въ самомъ законномъ проявленіи своей государственной силы!

Ни самое кровавое оскорбленіе, нанесенное Россіи въ ея возвышеннѣйшихъ и священнѣйшихъ чувствахъ, ни безпримѣрно-великодушный образъ веденія войны, ни крайняя уступчивость и вниманіе къ постороннимъ интересамъ и желаніямъ (вспомнимъ хоть Египеть, на примѣръ), ни рыцарская довѣрчивость, при заключеніи условій перемирія, ни самая умѣренность при назначеніи мирныхъ условій,—ничто не обезоружило враждебности, питаемой къ намъ явно или скрытно большинствомъ Европы. Вопреки дипломатическимъ прецедентамъ и обычаямъ, которыми руководятся по отношенію къ другимъ государствамъ, выставляютъ лживый претекстъ обязательной силы трактатовъ и общеевропейскихъ интере-

совѣ, чтобы подвергнуть вопросу всѣ, столькими жертвами купленные Россіей, результаты ея святой борьбы! Ихъ хотятъ обсуждать на конференціи или на конгрессѣ, и уже однимъ этимъ замедленіемъ наносятъ огромный экономическій вредъ Россіи, препятствуя ея разоруженію.

Неужели и этотъ новый урокъ останется втунѣ? Неужели не выведетъ Россія и на этотъ разъ заключающихся въ немъ поученій:

1) Что истинный врагъ Россіи не Турція. Турція не болѣе—какъ подставное лицо. Она дѣйствовала, какъ иначе не могла дѣйствовать по своей внутренней природѣ, какъ дѣйствовала не разъ и прежде. Но если дикій звѣрь вырывается изъ клѣтки, кусаетъ и растерзываетъ всѣхъ, кто попадаетъ ему подъ зубы и когти, — развѣ онъ несетъ за это отвѣтственность, а не тотъ, кто его кормитъ, поитъ, кто наострилъ его зубы и когти, выпустилъ на волю, науськалъ и даже обнадежилъ своею помощію?

Все это Англія, — скажутъ намъ, — а не Европа. Да, Англія, конечно, запѣвало; но еслибъ у Европы лежало сердце къ справедливости, если бы она относилась, не говорю, сочувственно—а только безпристрастно къ Россіи и Славянству, развѣ она не въ силахъ была бы заставить не только Турцію, но и самую Англію повиноваться голосу чести и человѣколюбія? Въ 1840 году, египетскій папа, знаменитый Мегметъ-Али, хотѣлъ получить Сирію, какъ наслѣдственное владѣніе, — собственно говоря, хотѣлъ основать независимое Египетско-сирійское государство. Франція стояла на сторонѣ Мегмета-Али; Англія, какъ и всегда стояла за султана. Россія, Австрія и Пруссія приняли сторону Англіи. Какъ ни хорохорились въ то время Тьеръ и Франція, — и она, и Египетъ, однакожъ, смирились передъ общимъ, твердо выраженнымъ требованіемъ. Въ настоящемъ случаѣ, вмѣшательство было еще гораздо настоятельнѣе, предметъ его важнѣе и возвышеннѣе, и нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ его — и Англія, и Турція послѣдовали бы примѣру Франціи и Египта. Но дѣло въ томъ, что Европа никогда не станетъ за Россію противъ кого-бы то ни было изъ своихъ, особенно въ вопросѣ касающемся Славянства. Справедливость и человѣколюбіе, свобода и право народностей, о которыхъ такъ много кричатъ въ другое время, — отступаютъ здѣсь на второй, третій планъ, и даже утрачиваютъ всякое значеніе.

2) Что никогда, ничѣмъ Россія не заслужитъ не только доброжелательства, но даже и справедливости отъ Европы. Всѣми сво-

ими услугами она вызоветъ, если и не всегда отъявленную неблагодарность, то, во всякомъ случаѣ, не подниметь выше точки замерзанія чувствъ самыхъ заявленныхъ друзей своихъ. „Наша хата съ краю, я ничего не знаю“: вотъ высшая формула дружбы, на которую можетъ разсчитывать Россія.

3) Что Россія, въ твердомъ убѣжденіи, что цѣли ея законны, справедливы и требуются интересами Славянства, единственной народности въ Европѣ, за исключеніемъ еще Ирландцевъ, не достигшей еще равноправности съ другими народами, должна неуклонно преслѣдовать свои цѣли, не обращая вниманія на чуждые, а тѣмъ болѣе на враждебные ей интересы, на всякомъ шагу преграждающіе пути ея. Поступая такъ, она будетъ только слѣдовать тому образу дѣйствій, которому слѣдуютъ другіе, по отношенію къ ней. Пусть намъ покажутъ хотя бы единственный примѣръ, что другія державы—Англія, Франція, Австрія, Италія и даже Пруссія и Германія — добровольно принесли въ жертву Россіи какой либо изъ своихъ интересовъ, достиженіе какой-либо изъ своихъ цѣлей, и мы согласимся, что мы неправы, что мы смотримъ на вещи съ пристрастной точки зрѣнія.

Разъ убѣдившись на несчетномъ числѣ примѣровъ, безпрестанно повторяющихся, въ чьей-либо непримиримой враждебности, надо смотрѣть на дѣло прямыми глазами и врага считать врагомъ. Мы не будемъ говорить объ Австріи, или, вѣрнѣе, о мадьярахъ, которые постоянно и открыто заявляютъ свою враждебность къ намъ. На нихъ мы можемъ до поры-до-времени смотрѣть, пожимая плечами и повторяя стихъ Крылова:

„Ай Моська! знать она сильна,
Что лаеетъ на слова!“

Но истинный, непримиримый, всегда и во всемъ, и въ мирѣ, и въ войнѣ стремящійся вредить Россіи врагъ—есть Англія.

У насъ очень любятъ заботиться объ общихъ интересахъ человечества, и если это не совершенно пустое слово, то на Россіи дѣйствительно лежитъ великая общечеловѣческая задача, которую она одна только и можетъ совершить, это—низверженіе Англіи съ того пьедестала, съ высоты котораго она считаетъ себя и въ правѣ и въ силѣ притѣснять и оскорблять всѣ народы земли, лицемеря и тиранствуя въ одно и то же время. Всѣхъ ослѣпляетъ величіе Англіи, ея успѣхи въ наукахъ, поэзіи, промышленности, устрой-

ствѣ своего быта (впрочемъ только для высшихъ и среднихъ классовъ), въ политическомъ устройствѣ своего государства. Все это при ней и останется. Мы говоримъ о ея внѣшней политикѣ,—до которой только и есть дѣло другимъ народамъ и государствамъ. Развѣ Трансваальской республикѣ, захваченной англичанами, или бомбардированному ими Копенгагену, легче отъ того, что англичане пользуются *habeas corpus*’омъ, или что между ними родились Шекспиръ и Ньютонъ? Съ какихъ поръ высшіе дары духа оправдываютъ преступленія: воровство, грабежъ, дневной разбой, поджигательство и отравленіе? А во всемъ этомъ виновата Англія передъ другими народами земли.

Развѣ овладѣніе Гибралтаромъ, когда съ Испаніей она собственно и не воевала, а дѣлала видъ, что ее защищала отъ наслія Франціи, невозвращеніе Мальты, отнятой у французовъ, настоящимъ ея владѣтелямъ, мальтійскимъ рыцарямъ, или завладѣніе мысомъ Доброй Надежды отъ Голландіи, которую она также вѣдъ защищала отъ завоевавшей ее Франціи—не воровство и не мошенничество? Захватъ Трансваальской республики—не явный грабежъ? Бомбардированіе Копенгагена и насильственный уводъ датскаго флота, стгноеннаго потомъ въ великобританскихъ гаваняхъ, не дневной разбой? А поддержка всѣхъ мятежей, заговоровъ и тайныхъ обществъ, заслужившая Пальмерстону названіе лорда Фейербранда, поддержка, доходившая до защиты участниковъ въ приготовленіи Орсиніевскихъ бомбъ,—не поджигательство? И наконецъ насильственно, оружіемъ навязанная китайцамъ покупка индійскаго опиума—этотъ вѣнецъ политическаго злодѣйства — не отравленіе, подобіе которому мы найдемъ только въ исторіи того бельгійскаго графа (Бокарли, кажется), который насильно влилъ никотинъ въ ротъ своей жертвы?

Англія очень дорожитъ Босфоромъ и Дарданеллами, она не можетъ допустить свободнаго прохода черезъ нихъ русскаго флота: ей важно безпрепятственное сообщеніе съ Индіей, которому, будто бы, угрожаетъ будущій русскій черноморскій флотъ. Ну, такъ Россіи ничего другаго не остается, какъ постараться, чтобы проливы потеряли для нея всякую цѣну, чтобы свободное сообщеніе съ Индіей утратило для нея всякое значеніе. Князю Паскевичу приписываютъ слова, что путь въ Константинополь идетъ черезъ Вѣну. Видно и путь къ Босфору и Дарданелламъ идетъ черезъ Дели и Калькутту.